

18+

ЗОДИАРИУМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Развина Мари

18+

Мари Развина

Зодиариум

<https://litres.ru/74192599>

SelfPub; 2026

Аннотация

Верите ли вы в гороскопы?

В мире «Зодиариума» это уже не вопрос веры.

После космической катастрофы 2070 года знаки зодиака перестали быть символами. Теперь каждый человек рождается с силой своего созвездия. Львы управляют пламенем, Скорпионы владеют смертоносным ядом, Водолеи подчиняют воду, а сильнейших обучают в Академии Зодиариум.

Эликсия должна была стать одной из них.

Но её сила так и не пробудилась.

Когда же дар наконец проявляется, оказывается, что он не принадлежит ни одному из двенадцати Домов. Теперь за девушкой начинают охоту те, кто веками хранил главную тайну Академии.

Потому что у Зодиариума двенадцать Домов.

Но существует тринадцатый.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	61
Глава 6	78
Глава 7	85
Глава 8	111
Глава 9	143
Глава 10	157
Глава 11	175
Глава 12	189
Глава 13	209
Глава 14	233
Глава 15	253
Конец ознакомительного фрагмента.	279

Мари Развина

Зодиариум

ЗОДИАРИУМ

Если спросить "верите ли вы в гороскоп?". Кто-то скажет, что он может многое сказать о характере человека, о его личности и темпераменте. Другой же ответит, что это полный бред, ведь какая-то то дата не может определять человека и его суть. Так было когда-то...

В результате масштабной космической катастрофы в 2070 году в атмосферу Земли попало «Зодиакальное вещество» — редкая форма энергии, связанная с созвездиями.

Это вещество вступило в резонанс с астрологическим кодом ДНК людей — у каждого человека с рождения есть слабая связь со своим знаком зодиака, но после катастрофы эта связь усилилась в миллионы раз, пробудив уникальные способности.

Эликсия родилась под созвездием овна, но её сила так и не пробудилась. В мире, где выживают только сильнейшие, она — аномалия. Академия Зодиариум, куда её приняли лишь по формальному соответствию знаку, не прощает слабости. Здесь учат контролировать огонь, повелевать стихиями и сражаться без страха — но как ей выжить, если её собственный дар молчит?

Единственный, кто верит в неё — её лучший друг Оли-

вер, Козерог с непробиваемой стойкостью и преданностью, граничащей с безумием. Он влюблён в неё с детства, готов подставить плечо, сражаться за неё... но её сердце упрямо бьётся чаще только при виде него — того, кто либо не замечает её, либо открыто презирает.

А потом происходит невозможное: её сила просыпается. Но не та, что положена Овну. Нечто другое — странное, запретное, нарушающее все законы Зодиариума. И теперь за ней охотятся не только соперники, но и те, кто создал эту академию.

В Зодиариуме 12 факультетов. Но никто не знает о 13-м. Пока не появилась она.

Потому что Эликсия — не ошибка природы.

Она — угроза самой системе.

Глава 1

ЭЛИКСИЯ

«Академия не воспитывает воинов. Она штампует детали для своей машины. Сломаешься — тебя заменят без запинки.»

Если бы мне сказали, что я окажусь в этом месте, я бы рассмеялась.

Громко.

До истерики.

Но сейчас смеяться не хотелось. Передо мной возвышался **Зодиариум** — не академия, а гигантский астральный реактор, закованный в чёрное стекло и синий неон. Он не выглядел построенным — скорее вмонтированным в саму реальность. Что-то среднее между корпоративной цитаделью из старых киберпанковских фильмов и космической станцией, где никто не спрашивает разрешения на вход — только проверяет, выдержишь ли. Только вместо звёзд за окнами — голограммы созвездий, мерцающие, как биржевые графики апокалипсиса. Она находилась в самом сердце Нью-Аргентума, на месте которого когда-то была Аргентина.

Я сжала сумку с единственными разрешёнными вещами: сменной формой, старым фото родителей и тайником конфет, которые пронёс для меня Оливер.

— Ну что, поздравляю, — пробормотала я. — Мы официально добровольно пришли в место, куда нормальные люди заходят только с психотерапевтом.

— Оптимизм из тебя так и льётся, — усмехнулся Оливер.

— Это не оптимизм. Это здравый смысл. Посмотри на эту махину. — Я ткнула пальцем в Зодиариум. — Она буквально выглядит как место, где людей либо промывают мозги, либо разбирают на запчасти.

— Сначала промывают, потом разбирают.

— Спасибо. Очень успокоил.

Он улыбнулся шире.

— Добро пожаловать в ад с Wi-Fi и кучкой снобов.

— Ну и пиздец... Это что, академия или штаб-квартира мирового зла?

Оливер фыркнул.

Его комбинезон Козерога уже сидел как влитой — тёмный, плотный, с вышитым золотым символом на груди. Мой собственный, овновский, был слишком новым. Слишком чистым. Слишком... пустым. Ни искры. Ни тепла. Будто наде-
ла чужую кожу.

Я раздражённо провела пальцами по светящемуся символу.

— Даже форма знает, что я здесь лишняя.

— Эл...

— Не начинай.

— Я всего лишь хотел сказать, что всё будет нормально.

— Именно это люди обычно говорят за пять минут до катастрофы.

Он тихо рассмеялся.

— Иногда ты невыносима.

— Зато последовательна.

— Ну, вот и всё. Точка невозврата, — он шутливо толкнул меня локтем, но пальцы, цепляясь за мой рукав, сжались чуть крепче, чем нужно для шутки.

Я посмотрела на возвышающееся здание.

— Ещё не поздно сбежать.

— И куда?

— Не знаю. В Перу. В горы. Пасти лам. Всё звучит перспективнее этого.

— Ты ненавидишь лам.

— Сегодня я готова дать им второй шанс.

— Ты нервничаешь?

— Нет. Я просто пытаюсь понять, в какой момент моя жизнь свернула в эту херню.

Двери Академии раздвинулись с резким, сухим звуком, похожим на взведение тяжёлого оружия. Перед нами возвышалось исполинское сооружение из угольно-чёрного карбоната и глубокого синего энергостекла, жадно поглощающего солнечный свет. Оно напоминало гибрид корпоративной цитадели из *Cyberpunk 2077* и стерильно-пугающей лаборатории SCP. Над главным входом, словно вызов всему миру, вращалась гигантская голограмма зодиакального круга.

«Как пафосно...» — мелькнуло у меня в голове.

Я подняла голову — и застыла. Словно ледяная волна накрыла меня с головой.

Главный зал Академии был не просто помещением. Это была чёрная бездна, залитая синим флуоресцирующим светом, который не освещал пространство, а лишь подчёркивал его бесконечную глубину. Стекланный свод потолка, необъятный, как ночное небо над мёртвой пустыней, медленно дышал. Его поверхность колыхалась, и на этом живом небосводе вспыхивали и гасли голограммы созвездий. Они плыли с гипнотической медлительностью, вращаясь по невидимым космическим орбитам. Овен — мой знак — робко мерцал где-то на самом краю, едва различимый. Мне вдруг показалось, что если я сделаю шаг назад, пол сомкнётся и уже не отпустит. Как будто Зодиариум решил, что я принадлежу ему. В центре же, ослепительно и властно, пылал Скорпион. Его свет был ярче, агрессивнее, а золотистые искры то и дело прошивали синий контур, будто царственный хищник молча бросал вызов всей Вселенной под этим гигантским куполом.

После уличной жары Нью-Аргентума ледяной воздух Зодиариума обжёг лёгкие, как первая затяжка запрещённым азотным коктейлем.

А запах... Он ударил в ноздри сразу. Резкий, чистый запах озона, как после мощного разряда. И под ним — холодный металлический привкус. Не крови — скорее, будто можно

было вдохнуть саму электрическую дугу или прикоснуться языком к лезвию новейшего наноклинка. В воздухе висела энергия — плотная, почти осязаемая. Она щекотала кожу, вибрировала в костях и отдавалась лёгким гулом где-то глубоко внутри грудной клетки. Казалось, в самом сердце этого колоссального комплекса бился огромный, нечеловеческий двигатель, перекачивающий не кровь, а чистую зодиакальную силу. Кожа на руках покрылась мурашками, словно само пространство пыталось считать меня, определить, кто я... и решить, имею ли право здесь находиться.

Черные стены из карбоната не были просто стенами. Они казались живыми, пульсирующими изнутри тончайшими нитями того же синего света, как замороженная тьма с просвечивающими венами. Светились и швы между панелями, и сам пол под ногами — гладкий, холодный, он реагировал на наши осторожные шаги. От ботинок Оливера и моих расходились легкие круги голубоватой ряби, как по поверхности маслянистой воды, тут же исчезая в бездонной черноте. Гул нарастал, превращаясь в низкий, всепроникающий фон, на который накладывались другие звуки: приглушенный металлический скрежет где-то в глубине, словно двигались плиты весом в тонны; короткие шипения сброса давления; едва слышный, но пронизывающий высокочастотный писк, заставляющий стискивать зубы. Он отдвинулся в костях, в зубах, в старых шрамах.

Я машинально коснулась запястья.

Горячо.

В синей полутьме проступали очертания циклопических колонн, теряющихся где-то в высоте под дышащим сводом. В их толще, за матовыми панелями, мириады крошечных огоньков – красных, зеленых, белых – неслись по невидимым трассам, как данные в гигантском процессоре, или кровяные тельца в артериях. Иногда из щелей в полу или на стыках стен вырывались струйки белесого пара, тут же растворяясь в стерильно-холодном воздухе, пахнущем еще и жидким азотом.

— Только не говори, что это нормально, — пробормотала я.

— Для них — абсолютно.

— А для людей?

— Здесь быстро перестают быть просто людьми.

— Очень вдохновляющая рекламная кампания.

Оливер лишь усмехнулся.

Зал был настолько огромен, что противоположный конец растворялся в синей дымке. Где-то высоко угадывались десятки уровней балконов, мостиков и переходов, словно кто-то построил целый город внутри одного здания. Маленькие фигуры студентов двигались там, как муравьи. Некоторые настолько плавно, что у меня по спине пробежал холодок.

— Они странно идут...

— Кто?

— Вон тот... и тот...

Оливер проследил за моим взглядом.

— Старшекурсники.

— Нет. Не все.

Одна из фигур буквально скользнула вдоль балкона. Ни одного лишнего движения. Слишком плавно. Слишком... правильно.

Я моргнула.

Она исчезла.

— Ты видел?

— Что именно?

— Забей...

В стенах бесшумно раздвигались проходы. Из них вылетали небольшие платформы-дроны, бесшумно поднимаясь вверх между колоннами.

— Серьезно? Они даже лифты сделали пафосными.

— Не лифты.

— А что?

— Транспортную систему.

— Конечно. Назвать их лифтами было бы недостаточно драматично.

Он прыснул со смеху.

— Ты несправима.

— Я стараюсь.

Голова закружилась от масштаба, от этого плывущего над головой неба с бросающим вызов Скорпионом, от бездны, которая, казалось, затягивала внутрь. Оглянуться на вход

не хватало смелости. Там, за спиной, оставался лишь узкий просвет в стене тьмы, над которым висела голограмма зодиака — последний, бледнеющий маяк того мира, что мы только что покинули. *Точка невозврата*. Оливер не преувеличивал. Мы шагнули в горло Левиафана.

— Красиво, да? — тихо спросил он.

— Если забыть, что отсюда наверняка выносят вперед ногами.

— Обычно ногами вперед не выносят.

— Спасибо. Именно это я хотела услышать.

Он покачал головой.

— Ты ведь сейчас специально шутишь?

— Если перестану — начну паниковать.

На секунду он перестал улыбаться.

— Я знаю.

...

Я хотела спросить, но в этот момент свод дрогнул.

Созвездия ожили.

Стрела Стрельца сорвалась с тетивы, прочертив раскалённую линию в воздухе.

Группа новичков вскрикнула и отшатнулась.

Кто-то инстинктивно пригнулся.

— Твою мать!

— Не дергайся! — крикнул кто-то рядом.

Водолей наклонил амфору — и с потолка хлынул поток жидкого света, звонко рассыпавшийся по полу.

Смех. Крики.

— Они что... настоящие?

— Нет.

— Тогда почему мне хочется убежать?

— Потому что именно этого они и добиваются.

Запах озона стал почти невыносимым.

— Они показывают, кто сейчас сильнее, — Оливер наклонился к моему уху. — Чья воля правит здесь.

И тогда я увидела его.

Он стоял в центре зала, на небольшом возвышении, окружённый полуколыцом студентов. Он не двигался. Вообще.

Он был эпицентром.

— Кто это? — тихо спросила я.

Оливер сразу напрягся.

— Не смотри так долго.

— Почему?

Он молчал.

— Оливер.

— Потому что это Ксайдер.

— И?

— Потому что он Скорпион.

Я фыркнула.

— Очень содержательно.

— Ты не понимаешь.

— Так объясни.

Он не ответил.

Лишь тихо произнес:

— Просто не привлекай его внимание.

Его комбинезон Скорпиона горел — нет, это не метафора. Буквально. Золотистые, почти белые волны чистой энергии струились по чёрной, облегающей ткани, как раскаленная лава по склону вулкана. Над его головой, короной, шипела и переливалась голограмма скорпиона — ядовито-золотая, с четкими, острыми как бритва клешнями и поднятым жалом. Она была настолько яркой, такой плотной, что заставляла щуриться и оставляла цветные пятна на сетчатке. Свет от нее отбрасывал резкие, дрожащие тени на лица студентов, стоящих рядом. Их позы, их взгляды — все кричало о преклонении, о страхе, смешанном с восторгом.

Он стоял неподвижно, как воплощение самой Академии — холодный, резкий, выверенный до идеала. Высокий, монолитный, с плечами, будто высеченными из чёрного базальта, он казался слишком монолитным, слишком тяжелым для двадцатилетнего. Его кожа под синим мерцанием свода была бледной, почти фарфоровой, но это не была хрупкость — это была гладкость отполированной брони, доспехов из живой плоти. Волосы — платиновые, почти белые, были подстрижены в дерзком стиле гранж: рваные, неровные пряди, градуированные срезы, одна длинная челка падала на лоб, почти скрывая...

А глаза... Они смотрели куда-то поверх голов, в бесконечность под сводом, но я чувствовала этот взгляд кожей. Они

были золотые. Не метафорически – буквально. Радужки горели, как расплавленный металл в тигле, мерцали холодным внутренним светом. Зрачки – узкие вертикальные щели, как у хищной кошки, сузились до ниточек, будто оценивая добычу или сканируя угрозу в мерцающем хаосе зала.

Но больше всего меня поразило не это. На его правой скуле, резко контрастируя с фарфоровой бледностью, тянулся тонкий, как лезвие бритвы, шрам. Он был идеально ровным, изогнутым – в форме молодого полумесяца. Казалось, он не просто зажил, а вписался в черты лица, став знаком, печатью. От него веяло чем-то древним, опасным, нездешним.

Он не двигался. Совсем. Казалось, даже не дышал. Только голограмма скорпиона над ним дышала жаром и угрозой, а золотая энергия лилась по нему рекой, подчеркивая абсолютную, леденящую неподвижность. Студенты вокруг замерли, боясь шелохнуться. Даже Овен на краю свода, мой Овен, казалось, сжался и потускнел под безраздельным сиянием Скорпиона. Воздух вокруг него колыхался от жара, и этот жар достигал меня сквозь прохладу зала – не физический, а ментальный, давящий. Я застыла, забыв про Оливера, про гул, про жидкий свет Водолея. В мире остался только он – холодное золотое солнце в сердце черно-синей бездны. Но больше всего её поразило это. На его правой скуле — тонкий шрам. В форме полумесяца.

Меня накрыла волна холода.

Не того, что рождается от ледяного ветра или кондицио-

неров Академии.

Другого.

Того самого, который однажды уже проходил по позвоночнику, оставляя после себя только ужас.

Я перестала слышать гул зала.

Я знала этот шрам.

Не могла объяснить — откуда. Не должна была знать. Но внутри не осталось ни малейшего сомнения. Где-то в глубине памяти мелькнул обрывок чужого воспоминания: снег, чья-то окровавленная ладонь, холодный металл... и тот же самый шрам. Видение исчезло прежде, чем я успела ухватиться за него, оставив после себя только неприятную пустоту.

Он повернул голову.

Не резко. Не удивленно. Плавно. Хищно. Так двигаются звери, которые уже почувствовали запах добычи и теперь просто убеждаются, что не ошиблись. Наши взгляды встретились.

В его глазах не было узнавания. Не было удивления. Не было даже обычного человеческого интереса. Он смотрел так, словно сравнивал меня с чем-то, что давно существовало в его памяти. Проверял. Сверял. И, кажется... находил именно то, что искал.

По позвоночнику пробежали мурашки.

Я машинально сделала шаг назад.

Совсем маленький.

Но он его заметил.

Конечно заметил.

Уголок его губ едва заметно дрогнул. Не улыбка. Скорее удовлетворение человека, получившего подтверждение своей догадки.

— Почему он так на меня смотрит? — почти беззвучно спросила я.

Оливер проследил за моим взглядом и будто окаменел.

— Не смотри на него.

— Уже поздно.

Он хотел что-то сказать, но не успел.

Свод взорвался светом.

Овен вспыхнул.

Не звуком, а светом. Чистым, режущим, алым. Овен — мой Овен, до этого робко тлевший где-то на периферии, вспыхнул с яростной силой ослепительной вспышки. Он не просто засветился — он выстрелил кроваво-красным сиянием, на миг превратив весь синий зал в багровый ад. Тени метнулись, как испуганные твари, лица студентов исказились гримасами удивления и боли от яркости.

На секунду. Одна бесконечная, остановившаяся секунда.

Синий сумрак сомкнулся обратно. Я пошатнулась. Колени ослабли. Щека горела, словно по ней хлестнули раскалённым проводом. *"Что за чертовщина? Почему именно сейчас?"*

— Что... что это было?.. — прошептала я.

— Глюк системы, — Оливер ответил слишком быстро. Он не смотрел на меня. — Перегрузка голограмм. Бывает. Ложь.

Но я знала — нет. Это был не глюк. Это был ответ. Ответ из самой глубины той пустоты, где должна была жить моя сила.

Где-то глубоко внутри, в самом ядре, в том месте за грудиной, где должна была kloкотать ярость Овна, что-то дрогнуло. Не вспыхнуло, не зажглось — именно дрогнуло. Как огромный, заржавевший механизм, которому дали микроимпульс. Ощущение было странным: одновременно пугающе чужим и... знакомым до боли. Как эхо забытого крика. И вместе с дрожью пришла волна тошноты и ледящей слабости в коленях.

А Ксайдер... Ксайдер не отводил взгляд. Ни на секунду. Когда вспышка ударила по глазам, он лишь чуть прищурился, но его взгляд, как кинжал, оставался вонзенным в меня. И теперь, в синем полумраке, в его золотых глазах не было ни удивления, ни гнева. Было удовлетворение. Холодное, расчетливое, как у ученого, получившего подтверждение гипотезы. И едва уловимая искра... интереса? Голодного, хищного интереса. Уголок его рта дрогнул под шрамом-полумесяцем.

Он всё видел.

И это было только начало.

Глава 2

ЭЛИКСИЯ

«Они называют меня "пустышкой". Но даже пустыня скрывает под песком ядовитых змей и подземные реки.»

Я стояла в строю и считала вдохи.

Раз.

Два.

Три.

Четвертый вдох сделать не получилось.

Воздух в зале был плотным, холодным, как перед грозой. Он не просто пах озоном — он *искрил* на коже, щекотал нервы, заставлял мышцы быть в постоянной готовности, будто вот-вот потребуется бежать или драться.

Или умирать.

Я украдкой посмотрела по сторонам. Остальные выглядели не лучше. Кто-то старательно смотрел перед собой, будто боялся лишний раз моргнуть. Девушка из Весов рядом со мной так сильно сжимала пальцы, что костяшки побелели. Высокий парень из Львов, наоборот, ухмылялся слишком самоуверенно — из тех людей, которые считают, что опасность всегда случается с кем-то другим.

Мне захотелось оказаться где угодно.

Хоть дома.

Хоть снова в приюте.

Да хоть на крыше старого склада, где мы с Оливером воровали энергетики.

Только не здесь.

Комбинезон Овна тянул плечи. Материал был жёстким, непривычным. Под рукавом пульсировал жар — не боль, а навязчивое, глухое тепло. Я незаметно сжала запястье.

Слишком горячо.

— Спокойно, — пробормотала я себе под нос. — Это просто нервы.

— Сама-то веришь? — едва слышно донеслось справа.

Я покосилась на Оливера.

Он даже головы не повернул.

Стоял идеально прямо.

Будто разговаривал вовсе не со мной.

— Ни капли, — так же тихо ответила я.

Уголок его губ дрогнул.

— Уже лучше.

— Что именно?

— Если язвишь — значит, пока живая.

Я фыркнула.

— Очень обнадеживающе.

Он хотел ответить, но вдруг замер.

Я проследила за его взглядом.

Перед нами, беззвучно — как призрак — материализовался директор.

Его появление не сопровождалось ни вспышкой, ни звуком шагов. Он просто был там, где мгновение назад была пустота. Настолько неожиданно, что несколько студентов испуганно дернулись. Кто-то коротко вскрикнул. По строю пробежал едва заметный шепот, который оборвался почти сразу.

Его тень легла на полированный пол слишком четко, слишком глубоко, словно её вырезали прямо из самой ткани реальности. Воздух вокруг него слегка дрожал, искажая очертания колонн за спиной. Казалось, пространство не могло решить, как именно оно должно выглядеть рядом с этим человеком.

Или...

не человеком.

— Доброе утро, зодиарии, — его голос был низким, спокойным, почти бархатным. Он не звучал громко, но каким-то образом заполнил собой весь огромный зал. Каждое слово будто оседало на коже тяжелыми каплями раскаленного металла. По позвоночнику медленно пополз холод. Я почувствовала, как между лопатками выступил пот.

Он медленно, с нечеловеческой плавностью, прошелся вдоль строя. Черный комбинезон не шелестел, не отражал свет, словно был соткан не из ткани, а из самой тьмы. Он проходил мимо студентов, и мне показалось, что никто рядом с ним не решается даже вдохнуть. Его взгляд скользил

по лицам так спокойно, словно он не рассматривал людей, а сортировал экспонаты.

Когда он оказался напротив меня, символы под рукавом отозвались вспышкой боли.

Короткой. Яростной.

Настолько неожиданной, что перед глазами на мгновение потемнело.

Я до боли впила ногти в ладонь.

Только бы не вздрогнуть.

Только бы никто не заметил.

Его взгляд скользнул по моему лицу — равнодушно, как по стене. Но когда он опустил ниже, к рукаву... задержался. Не на секунду — на долю секунды. Этого хватило, чтобы внутри что-то сжалось.

Он знает.

И почему-то эта мысль испугала меня сильнее, чем сама боль.

— Сегодняшнее испытание, — продолжил директор, отходя, — не проверка силы. Силы — иллюзия. Сегодня вы проверите, *зачем* она вам.

В рядах кто-то нервно усмехнулся.

— Через три месяца, — директор говорил спокойно, будто зачитывал прогноз погоды, — в верхние слои атмосферы войдет астероид «Цербер». Согласно расчетам, он содержит значительное количество нестабилизированного зодиакального вещества.

По строю пробежал гул. Кто-то нервно переглянулся, кто-то судорожно сглотнул.

— В официальных сводках говорится о контролируемом падении, — продолжил директор тем же бесцветным голосом. — Однако статистика последних Катастроф показывает: любое соприкосновение с нестабильным веществом сопровождается аномальными биологическими и пространственными эффектами.

Он медленно прошелся вдоль строя, сцепив руки за спиной. Его шаги были почти бесшумными.

— Вы не должны знать все.

Его взгляд медленно прошелся по строю.

— Остальное вы узнаете, когда будете готовы.

По строю прокатился тяжелый шепот.

— Это правда?..

— Уже через три месяца?

— Нам говорили, что до следующего падения лет десять...

— Значит, новости опять скрывали.

— Заткнулись, — коротко бросил кто-то из старших.

Но шепот не исчез.

Он только стал тише.

Я чувствовала, как рядом нервно переминаются новички. Кто-то судорожно сглотнул. Девушка из Весов украдкой вытерла вспотевшие ладони о комбинезон.

И именно в эту секунду где-то за моей спиной раздался смешок.

Негромкий.

Но достаточно громкий, чтобы услышал весь наш ряд.

— Значит, даже **пустышка** сможет наконец загореться?

Несколько человек тихо приснули.

— Или просто сгорит быстрее остальных, — лениво добавил другой голос.

— Да не-е... — протянул третий. — Чтобы что-то сгорело, сначала должно быть чему гореть.

Еще один смешок.

— Может, её специально к астероиду отправят. Проверят, вдруг он тоже не захочет с ней связываться.

Кто-то хмыкнул.

— Представляешь лицо Тени, если она полезет жрать пустышку?

— Бедная Тень.

— Сдохнет с голоду.

По строю прокатилась новая волна смешков.

Горячая волна стыда ударила мне в лицо. Я не обернулась. Не нужно было. Все и так знали. Мой комбинезон Овна был единственным во всем строю без малейшей искры внутренней подсветки знака. Тусклый, немой, как я сама. Но хуже всего было то, что они не ошибались. Я и правда не могла вызвать ни искры. Ни намек на силу, которая должна была бурлить во мне по праву рождения под знаком Овна. Пустота. Тишина. *Пустышка*.

Стыд обжёг лицо сильнее любого огня. Я не обернулась.

Не нужно. Я и так знала — мой комбинезон был единственным без внутренней подсветки. Мёртвым. Немым.

Справа от меня стоял Оливер.

Он выглядел расслабленным — слишком. Руки скрещены, плечи опущены. Но я видела, как напряжены его пальцы, как он сканирует зал быстрыми взглядами, отмечая выходы, камеры, дроны. Когда его взгляд скользнул ко мне, он едва заметно качнул головой.

Не реагируй.

Слева — новенькая Весы. Серебристые волосы, дрожащие пальцы. С другой стороны — коренастая Козерог со шрамом на брови. Её взгляд был пустым, как будто она уже видела конец.

А позади...

Позади был Ксайдер.

Он не стоял в общем строю. Он прислонился к холодной карбонатной стене метрах в трех от остальных, его поза — картина показного безразличия. Голова слегка запрокинута, золотые глаза под полуопущенными веками, будто он дремал стоя. Но я знала. Знания этого было достаточно, чтобы по спине пробежали ледяные мурашки. Он видел всё. Каждую дрожь, каждый испуганный взгляд. Его расслабленность была обманчивой, как тигр перед прыжком.

Особенно выдавали его пальцы правой руки — они медленно, ритмично постукивали по рукояти боевого ножа, притороченного к поясу.

Тик.

Тик.

Тик.

Метроном.

Когда директор произнес ключевые слова, весь зал замер, но только Ксайдер не повернул головы в его сторону. Его полуприкрытые золотые зрачки оставались прикованными ко мне. Будто директор говорил что-то важное для всех, но истинная угроза, истинный интерес, был здесь, в моей дрожащей фигуре.

— ...Вместе с веществом астероид принес Тени, — голос директора упал до шепота, который, однако, резал слух громче крика. — Тени тех, кто не пережил Катастрофу. Тех, чья плоть и ДНК навеки смешались с зодиакальной энергией в момент гибели. Они будут голодны до плоти. Они будут слепы от ярости. И они узнают вас. По сиянию ваших знаков. По вашей силе. Они ненавидят нас за то, что мы живём, пока они застряли между мирами

В зале повисла гробовая тишина. Даже дыхание казалось кощунственным. Воздух сгустился, стал тягучим и ледяным. Я почувствовала, как серебристая новенькая слева резко втянула воздух, а коренастая девушка со шрамом на брови сжала кулаки до побеления костяшек.

— Ваша задача в симуляторе, а затем и в реальности, —

директор повернул голову, его глаза на секунду стали абсолютно черными, без белка, без радужки — две бездонные пустоты, — выжить. Среди озлобленных зодиариев, которые возненавидят вас за ваши способности, за вашу удачу, за ваш свет. И среди Теней... — он сделал паузу, давая ужасу проникнуть в каждую клеточку, — ...которые возненавидят вас за то, что вы живые. За то, что у вас есть то, что они потеряли навеки.

— Они узнают вас по сиянию знаков. По силе. По жизни. Они ненавидят вас за неё.

Символ на запястье *дёрнулся*.

— Симулятор воссоздаст худший из возможных сценариев, — его черные глаза снова обрели цвет, но в них не было ничего человеческого. — Если выживете здесь... возможно, у вас будет шанс выжить и там.

Он резко повернулся, его черный плащ-комбинезон взметнулся, не производя ни звука. Уже отходя, он бросил через плечо, с ледяной небрежностью:

— О, и... постарайтесь не убить друг друга в процессе. Пока.

Кто-то фыркнул.

— Очень смешно...

— Это была шутка?

— Надеюсь, да...

— Он вообще умеет шутить?

— Думаешь, он знает, что это такое?

По залу прокатилась нервная волна смешков. Кто-то хмыкнул, кто-то тихо выругался, кто-то попытался рассмеяться, но смех получился натянутым и быстро захлебнулся. Несколько новичков переглянулись, словно пытаясь понять, была ли это шутка или предупреждение. Я тоже невольно посмотрела на Оливера.

— Он сейчас серьезно? — едва слышно спросила я.

— Хотел бы я сказать, что нет, — так же тихо ответил он, не сводя взгляда с директора. — Но, боюсь, чувство юмора у него заканчивается там же, где начинается человечность.

Я уже собиралась ответить, когда директор медленно повернул голову.

Всего на несколько градусов.

Этого оказалось достаточно.

Его глаза на мгновение стали чёрными. Без радужки. Без белков. Без зрачков. Две бездонные пропасти.

Шепот оборвался мгновенно.

А потом он исчез.

Не ушёл. Не растворился.

Его просто не стало.

Он просто исчез, будто кто-то вырезал его силуэт из реальности. Еще мгновение назад он стоял перед нами, а теперь на этом месте была лишь пустота. Настолько естественная, что мозг отказывался верить собственным глазам.

— Какого черта?..

— Ты видел?..

— Он...

— Это вообще...

Никто так и не закончил свою фразу.

Потому что прямо над нашими головами что-то громко щелкнуло.

Одна из камер наблюдения резко дернулась, словно ее ударили изнутри. Из объектива посыпались голубые искры. Следом мигнули проекционные панели, и огромная голограмма звездного неба, висевшая под куполом, на долю секунды рассыпалась цифровыми помехами. Созвездия дрогнули, потеряли форму, а затем снова собрались воедино, будто сама система пыталась восстановить нарушенный порядок.

— Это не по плану... — растерянно пробормотал кто-то из Водолеев.

— Почему сбоит система?

— Может, это часть испытания?

— Или...

— Заткнись.

Я почти не слушала их.

Все мое внимание было приковано к собственному телу.

Символы под кожей больше не жгли, как раньше. Теперь они давили. Медленно. Настойчиво. Будто пространство вокруг внезапно стало слишком тесным, а что-то внутри меня пыталось расправить плечи. Каждый вдох давался тяжелее

предыдущего. Воздух словно загустел, превратившись в холодную вязкую жидкость.

И именно тогда я почувствовала его.

Еще до того, как слышала шаги.

Ксайдер.

Он неторопливо оттолкнулся от стены и двинулся вдоль строя. Не глядя по сторонам. Не обращая внимания на студентов. И все же перед ним сами собой расступались люди. Никто не отдавал команд. Никто не просил освободить дорогу. Просто каждый инстинктивно делал полшага назад, будто рядом проходил не человек, а крупный хищник, которого лучше не раздражать.

Когда он приблизился ко мне, температура вокруг словно упала на несколько градусов. Воздух стал тяжелее. Даже свет рядом с ним казался странным — приглушенным, словно не решался касаться его фигуры. На мгновение мне показалось, что его тень движется отдельно от него, с едва заметной задержкой, как неисправная голограмма. Я моргнула, и навязание исчезло.

Он остановился совсем рядом.

Не повернулся полностью.

Лишь чуть склонил голову.

Ровно настолько, чтобы его слова слышала только я.

— Ты даже не представляешь, — произнес он тихо, почти лениво, — сколько проблем ты уже создала.

Я так и не смогла ответить. В голове крутились десятки

вопросов, но ни один не сорвался с губ. Откуда он знает меня? Почему говорит так, будто мы уже встречались? Почему смотрит так, словно ожидал моего появления задолго до того, как я сама узнала о существовании Зодиариума?

Ксайдер несколько секунд молча изучал мое лицо, словно ему было достаточно одной моей реакции. Затем едва заметно усмехнулся, сделал шаг вперед — и весь зал на мгновение погрузился в темноту.

Всего на одну секунду.

Когда свет вернулся, рядом со мной уже никого не было.

Я машинально посмотрела на свое запястье.

Символы под кожей впервые с самого утра перестали пульсировать.

Они остыли.

И почему-то именно это испугало меня гораздо сильнее, чем исчезновение директора.

Глава 3

ОЛИВЕР

«Первое правило Зодиариума: если твой созвездие гаснет — ты уже мёртв. Просто ещё не упал.»

Она стояла перед узким, вмурованным в стену зеркалом в своей камере (назвать это комнатой язык не поворачивался — четыре серых стены и люк вместо двери), яростно заправляя под воротник комбинезона очередную прядь этих чертовых волос, которые вечно норовили выбиться и лезли куда не надо. Бордовые. Нет, не просто бордовые — как выдержанное вино, разлитое по темному шелку, с ядовито-пепельными, почти сизыми прядями у самых корней. Эти корни она злобно закрашивала каждые две недели дешевой краской из автомата в уборной. "Чтобы не выглядеть, как бледная поганка на фоне этого синего ада", — бросала она в ответ на вопросы. Сейчас пепел снова пробивался, серебристым ядом на темном бархате.

Я прислонился к дверному косяку. Холодный металл тянул тепло из плеча, но я не двигался. Смотрел.

Она рвала упаковку энергетика зубами — запрещённого, конечно. Как и половина того, чем мы выживали здесь. В этом была вся Эликсия: если правило не имело смысла, она его игнорировала.

— Ты сегодня особенно шикарна, Эл. Прямо как взбесившийся сигнал светофора после удара током. Красный — стой. Пепельный — помирай. Идеальное сочетание для парада зомби. — Голос звучал нарочито небрежно, но я ловил каждое ее движение.

Она развернулась молниеносно, словно ее дернули за невидимую нить. Длинные волосы хлестнули меня по лицу, обдав терпким ароматом вишни и резким запахом статического электричества, которое всегда вилось вокруг нее, как невидимая аура.

— О, Оли! — Ее глаза сверкнули, как лезвия. — А ты сияешь, как новенький плазменный меч на витрине дешевого оружейного! — Я сделал шаг внутрь камеры, протягивая плоский, теплый от кармана предмет. — Хотя нет. Мечи тупеют от использования. Ты, дружище, — вечнозаточенный клинок из чистого сарказма.

— На, лови контрабанду. — Я раскрыл ладонь, и на ней блеснул запрещенный в Академии шоколадный батончик, завернутый в серебристую фольгу. Пока я тащил его через три поста охраны и два сканера, успел подумать, что если когда-нибудь меня действительно отчислят, то точно не за драку и не за нарушение устава. За шоколад. Вот это будет позорная строчка в личном деле.

Она подняла на меня взгляд и ухмыльнулась. Совсем как тогда, когда мы, пятнадцатилетние и голодные, перелезали через ограждение корпоративного склада, чтобы стащить

ящик энергоягод, а потом три часа удирали от охраны по крышам. Такая же нахальная, живая улыбка, будто весь мир был для нее не сводом правил, а длинным списком вызовов.

— Оливер Клэй, профессиональный подлиза и контрабандист низшего пошиба, — протянула она, медленно принимая батончик из моих рук. Ее губы дрогнули в усмешке, хотя взгляд оставался привычно острым и настороженным. — Если тебя поймают с этим дерьмом, знай: я тебя не откопаю. Даже если тебя будут вести мимо моей камеры на казнь, максимум помашу платочком и крикну: «Держись, придурок». Хотя... нет. Слишком энергозатратно.

— Очень трогательно, — усмехнулся я, складывая руки на груди. — Сразу чувствуется, насколько сильно ты дорожишь нашей дружбой.

— Не переоценивай себя.

— То есть цветы на могилу тоже не принесешь?

Она задумчиво постучала пальцем по подбородку, будто всерьез взвешивала этот вопрос.

— Принесу.

— Правда?

— Искусственные. Они дешевле.

Я невольно рассмеялся.

— Какая же ты все-таки дрянь.

— Зато честная дрянь.

Ложь.

Наглая, очевидная, как ее пепельные корни, которые она

так яростно закрашивала каждые две недели.

Мы оба прекрасно знали правду. Если бы меня попытались выгнать из Академии или хотя бы запереть в карцере, она бы перевернула здесь все вверх дном. Разнесла бы половину этого проклятого комплекса, даже не задумываясь о последствиях. Она уже делала нечто похожее. В ту зиму, когда я валялся с воспалением легких и кашлял кровью в каком-то заброшенном подвале, Эл ночью вломила в дом пожилой Стрельца и украла антибиотики. Старуха стреляла ей вслед плазменными разрядами, один из которых прошел всего в сантиметре от головы, подпалив кончики волос. Эл тогда вернулась ко мне вся в копоти, пахнувшая дымом, морозом и победой, будто это была не отчаянная вылазка, а обычная вечерняя прогулка. Мне казалось, что если бы смерть тогда постучалась в дверь, она и с ней бы нашла способ поругаться.

Я поймал себя на том, что снова смотрю на ее губы.

Черт.

Пухлые, искусанные до крови, без всякой помады — Эл терпеть не могла, как она говорила, «эту липкую, мерзкую хрень». И все равно казалось, будто они нарочно созданы для того, чтобы выводить людей из равновесия. Она кусала их всякий раз, когда нервничала, и совершенно не замечала этого. А я замечал. Слишком часто.

— Кушай, задира. — Я коротким движением бросил батончик.

Она поймала его одной рукой, даже не посмотрев в мою

сторону. Старые рефлексy никуда не делись. Когда половину детства живешь на улице, начинаешь ловить летящие вещи быстрее, чем доверять людям.

— Выпендрожник, — буркнула она, разворачивая фольгу. — Когда-нибудь кинешь мне гранату с таким же довольным лицом.

— Только если буду уверен, что ты ее тоже поймаешь.

— А потом?

— Потом убегу.

Она фыркнула, надкусила батончик — и тут же скривилась так искренне, что я едва не согнулся пополам от смеха.

— Фу... Миндальный. Ты специально, сученок? — Она обвиняюще ткнула батончиком мне в грудь. — Ты единственный человек во всей этой чертовой вселенной, который прекрасно знает, что я ненавижу орехи.

— Конечно знаю.

— Тогда почему именно этот?

— Потому что других не было.

Она посмотрела на меня долгим взглядом.

— Врешь.

— Немного.

— Сколько?

— Процентoв на девяносто.

— Козел.

— Спасибо.

Она покачала головой, но все равно откусила еще один

кусоч. Потом еще один. Морщилась после каждого, ворчала себе под нос что-то про «садистов» и «клинических идиотов», однако продолжала есть с таким упрямством, будто батончик лично нанес ей смертельное оскорбление.

— А ты, между прочим, единственная, кто помнит, что я до дрожи боюсь высоты, — спокойно сказал я, наблюдая за этим представлением. — И все равно каждый раз тащишь меня на крыши. «Пошли, Олли, посмотрим на звезды». Ненормальная.

— Потому что снизу их не видно.

— Видно.

— Не так красиво.

— Можно смотреть фотографии.

Она закатила глаза.

— Господи... Иногда мне кажется, что ты родился стариком.

— А иногда мне кажется, что ты вообще не родилась. Просто однажды свалилась на Землю кому-то на голову.

— Жаль, что не тебе.

— Мне как раз повезло.

На секунду она замолчала.

Совсем ненадолго.

Опустила взгляд на почти съеденный батончик, потом снова посмотрела на меня и тихо хмыкнула, будто не собиралась признавать, что ей приятно.

— Не лыбься так, Клэй.

— Почему?

— Бесишь.

— Но батончик ты все равно доедаешь.

Она демонстративно запихнула в рот последний кусок, медленно прожевала его и показала мне пустую обертку.

— Вот. Съела. Теперь счастлив?

— Немного.

— Придурок.

Я только улыбнулся.

Потому что так было всегда.

Она могла назвать меня идиотом, козлом, контрабандистом, клиническим долбоебом. Могла ворчать, угрожать, делать вид, что мои подарки ее раздражают. Но если что-то было от меня — последняя шоколадка, украденный энергетик, засохшая булка или дурацкий миндальный батончик, который она терпеть не могла, — она никогда не выбрасывала это. Никогда.

И, наверное, именно в такие моменты я сильнее всего понимал, насколько хорошо знаю Эликсию. Даже когда она пыталась выглядеть равнодушной, уголок ее губ едва заметно подрагивал. Для всех остальных это была насмешка. Для меня — благодарность, которую она никогда не произнесет вслух.

Она игриво улыбнулась, показывая зубы, испачканные шоколадом, и сощурила свои глаза. А глаза у нее... Господи, эти глаза. Глаза у нее были как небесная сфера, ярко синие.

Но если приглядеться, если поймать свет под правильным углом, в самой их глубине полыхают крошечные, яростные золотые искры. Особенно когда она злится. Или вот сейчас, когда притворяется, что злится на миндаль. Эти искры — как отблеск той самой, спрятанной глубоко, силы, о которой никто, кроме меня, не догадывался. Или о которой догадывался кто-то еще... с золотыми глазами и шрамом-полумесяцем.

— Слушай, Эл... — голос сам собой опустился почти до шепота. В этой тесной камере даже стены будто умели слушать, и говорить громко казалось плохой идеей. Я сделал шаг ближе, ощущая знакомый запах вишни, озона и дешевого шампуня, которым она упрямо пользовалась с тех времен, когда мы жили в приюте. Она только что доела батончик, и в воздухе еще оставался сладковатый запах шоколада. Господи... сколько раз мы вот так стояли друг напротив друга? Сколько раз я говорил себе, что перестану за нее трястись? Хоть один раз это получилось? Ни черта.

Я осторожно положил ладонь ей на плечо. Хотел легко, почти невесомо, но пальцы сами собой сжались сильнее. Будто если отпущу сейчас — она исчезнет.

— Сегодня тебя вызовут, — тихо сказал я, не сводя с нее глаз. — Не знаю, первой или пятой, но вызовут. Не удивлюсь, если именно тебя вызовут первой.

Эликсия подняла бровь и скептически посмотрела на меня через зеркало.

— Ты теперь еще и ясновидающий?

— Нет. Просто знаю, как такие ублюдки работают. Им нужно шоу. А ты для них — идеальная мишень. Единственная бессильная Овен во всей Академии. Они не упустят возможности ткнуть тебя носом в это при всех.

Она фыркнула и отвернулась, будто мои слова были чем-то совершенно очевидным.

— Какая честь.

— Эл, я серьезно.

— А я что, смеюсь?

— Пока нет.

Она молчала, разглядывая собственное отражение. Потом снова принялась поправлять воротник комбинезона, хотя он и без того сидел идеально.

— Если станет совсем хреново... — начал я.

— Нет.

— Да дай договорить хоть раз.

Она раздраженно закатила глаза, но все-таки промолчала.

— Если почувствуешь, что не вывозишь, просто дай мне знак. Любой. Кивни. Посмотри на меня. Хоть пошли меня нахуй так, чтобы я понял — это не потому, что ты бесишься, а потому что тебе нужна помощь.

Она медленно сняла мою руку со своего плеча. Не грубо. Даже слишком осторожно. Будто боялась сделать больно не себе, а мне.

— Нет, Олли.

Всего два слова.

Тихих.

Спокойных.

Но именно таким голосом она обычно принимала решения, которые потом невозможно было изменить.

Она снова отвернулась к зеркалу, делая вид, что рассматривает выбившуюся прядь волос. Я же смотрел совсем не туда. Ее пальцы уже привычно нашли цепочку под комбинезоном. Осколок зеркала. Единственное, что осталось от матери. Она сжимала его так сильно, что костяшки побелели.

— Ты не полезешь, — повторила она, уже не поднимая на меня глаз. — Потому что если полезешь, достанется не только тебе. Достанется нам обоим. А если тебя выгонят... — Она на секунду запнулась, будто сама испугалась собственных слов. — ...я себе этого никогда не прощу.

Я криво усмехнулся.

— Ты правда думаешь, что меня когда-нибудь останавливала перспектива получить по морде?

Она резко развернулась.

— Блядь, Оливер, это не драка во дворе.

— Знаю.

— Нет, не знаешь.

— Эл...

— Нет. Не знаешь. Тогда максимум, что нам грозило, — неделю жрать просрочку и бегать от охраны. А здесь... — Она осеклась, тяжело выдохнула и устало потерла переноси-

цу. — Здесь всё по-другому.

Повисла тишина. Не неловкая.

Та, которая возникает между людьми, слишком хорошо знающими друг друга. Когда слова уже ничего не меняют.

— Ты уже слишком долго тащишь всё одна, — тихо сказал я.

Она закрыла глаза. На секунду.

Потом снова открыла.

— И что? Предлагаешь начать делиться?

— Предлагаю перестать делать вид, будто тебе не страшно.

Она неожиданно усмехнулась.

Не зло.

Скорее устало.

— Конечно страшно.

Я моргнул.

Она редко признавалась в таком.

— Но знаешь, что бесит сильнее страха?

— Что?

Она пожала плечами.

— Что они уже решили, кто я такая. Даже не дав мне шанса открыть рот.

Я молчал.

— Для них я уже пустышка. Уже ошибка. Уже девочка, которая случайно заняла чужое место. Так пусть хотя бы запомнят, что эта ошибка умела кусаться.

Она улыбнулась.

Остро.

Опасно.

Именно так она улыбалась в десять лет, когда разбила кирпичом нос охраннику приюта, защищая меня. Тогда она дрожала всем телом, потом полночи редела в подушку, думая, что убила человека, но в тот момент улыбалась точно так же — вызывающе, будто бросала вызов всему миру.

За двенадцать лет я научился читать ее лучше любой книги. Когда она врала, едва заметно дергалась левая бровь. Когда сердилась по-настоящему, начинала кусать нижнюю губу. А когда ей было страшно... пальцы сами находили кулон.

И сейчас они снова были там.

Она думала, что делает это незаметно, поправляя воротник комбинезона. Но я видел. Всегда видел. Цепочка натянулась так сильно, что почти впилась ей в шею, а костяшки побелели от напряжения.

Мне вдруг отчаянно захотелось просто обнять ее. Послать к черту Академию, испытание, ректора, всю эту систему. Сказать: «Пошли. Сбежим, как раньше». И я почти произнес эти слова.

Почти.

Но мы оба знали правду.

На этот раз бежать было некуда.

Глава 4

ЭЛИКСИЯ

"Ты думаешь, они смеются, потому что ты слабая? Нет. Они боятся. Потому что пустой сосуд громче всего звенит перед тем, как взорваться."

Зал симуляций напоминал гигантский чёрный кокон смерти. Стены из матового, непроницаемого стекла поглощали свет, пол был выложен холодными металлическими пластинами, по которым пробегали редкие искры статики, а с потолка струился мертвенно-голубой свет, отбрасывающий длинные, искаженные тени. В центре этой ледяной пустоты – овальная платформа, окружённая массивными голографическими проекторами, похожими на жерла пушек.

Я стояла на платформе вместе с остальными и чувствовала, как под кожей медленно нарастает жар.

Не вспышка.

Не боль.

Ожидание.

Комбинезон Овна оставался мёртвым. Ни подсветки. Ни отклика. Только символы под тканью — живые, навязчивые. Змея на запястье пульсировала тупым, тяжёлым теплом, буд-

то не хотела, чтобы я сюда заходила.

Они не исчезали, как вспышки силы у других. Мои метки были вечными. Как клеймо. Как шрамы от невидимого огня. И они реагировали на близость чужих способностей, на мощь их дарований. Сейчас, под натиском аур Скорпионов, символ на запястье — та самая светящаяся змея — начал пульсировать тупым, горячим светом, будто живая. В Академии ненавидели тех, кто выделяется. А уж тех, чьё тело светится запрещёнными, непонятными символами... Их просто стирали. Мысль об этом вызвала волну ледящего страха, и в голове, как киноплёнка, всплыли кадры из детства:

10 лет. Приют "Новая Надежда".

Полуразвалившееся двухэтажное здание стояло на окраине города, словно кто-то однажды решил о нем забыть и больше никогда не возвращаться. Днём здесь пахло жидкой овсянкой, старым хлорным отбеливателем и мокрой одеждой, которую сушили прямо на батареях, а ночью запах менялся — стены отдавали сыростью, плесенью и чем-то таким тяжёлым, что даже десятилетнему ребенку казалось: так пахнет безнадежность. Сквозь разошедшиеся оконные рамы свободно гулял ветер, двери постоянно скрипели, трубы гудели так, будто в них кто-то тихо выл. Воспитатели говорили, что это старое отопление. Мы с Оливером были уверены — это сам приют пытается пожаловаться на свою жизнь.

Я проснулась резко, будто меня кто-то толкнул в грудь. Первые несколько секунд не могла понять, что происходит. Комната была погружена в темноту, вокруг сопели остальные девочки, где-то за стеной привычно кашляла старая воспитательница миссис Берроуз, а у меня под кожей разливался жар. Не обычная боль — такая, от которой хочется закричать, а странное, медленное жжение, словно десятки раскаленных игл одну за другой аккуратно вводили под кожу. Оно расползлось по плечам, ключицам, рукам, заставляя сердце колотиться все быстрее. Я стиснула зубы, пытаясь не разбудить остальных, и первой мыслью почему-то решила, что это опять Алек со своей шайкой придумал новую «шутку». Неделию назад они подложили мне под простыню грелку с кипятком, до этого вымазали подушку клеем, а однажды вообще привязали мои ботинки к потолочному вентилятору. После такого начинаешь ждать подвоха буквально каждую ночь.

Дрожащими пальцами я сорвала растянутую пижаму и застыла. Лунный свет, пробивавшийся сквозь грязное окно, ложился на кожу тонкими полосами, и именно в этом холодном свете я увидела то, чего не должно было существовать. Под моей кожей медленно вспыхивали тонкие линии. Они не были похожи ни на ожоги, ни на вены, ни на царапины. Идеально ровные, слишком правильные, они переплетались между собой в сложные узоры, словно кто-то рисовал по моему телу светящимися чернилами. Они двигались.

Медленно. Почти незаметно. Как будто искали свое место. На внутренней стороне запястья вспыхнула маленькая серебристо-голубая змея. Она извивалась так плавно, что на секунду мне показалось — еще немного, и она сползет с моей руки на простыню.

Я вскочила с кровати так резко, что старые металлические пружины жалобно скрипнули. Сердце билось где-то в горле. Единственным человеком, к которому я могла побежать, был Оливер. Его кровать стояла в соседней комнате мальчиков, всего через узкий коридор. Я босиком вылетела туда, не чувствуя ледяного пола под ногами, растолкала его за плечо и почти сорванным шепотом начала звать по имени.

— Олли... Проснись... Пожалуйста... Проснись...

Он что-то недовольно пробормотал, натягивая одеяло на голову, но я схватила его за запястье прежде, чем он успел отвернуться. В тот же миг по его коже пронеслась вспышка света. Я испуганно отдернула руку, но было поздно. Прямо под моими пальцами проступили две яркие буквы — «Л» и «К». Они сияли всего несколько секунд, но этого хватило, чтобы Оливер резко сел на кровати и уставился сначала на свою ладонь, потом на меня.

— Эл... — сонно прохрипел он, моргая. — Что за...

Он не договорил. Мы оба молча смотрели, как буквы постепенно тускнеют, словно кто-то медленно убавляет яркость невидимой лампы. Через несколько секунд они исчез-

ли совсем, оставив после себя только странное тепло на его коже. Ни один из нас тогда не понимал, что происходит. Мы просто сидели друг напротив друга, слишком испуганные, чтобы говорить, и слишком маленькие, чтобы осознать, что именно этой ночью наша жизнь навсегда разделилась на «до» и «после».

Утром на месте исчезнувших букв появилась тонкая перламутровая пленка. Она переливалась всеми оттенками серебра и голубого, напоминая сброшенную змеиную кожу. Воспитательница решила, что это аллергия, намазала его руку какой-то резко пахнущей мазью и велела перестать чесаться. Через неделю пленка сама отслоилась, не оставив ни следа. Только страх никуда не исчез. Мы с Оливером больше не говорили об этом вслух, но оба то и дело украдкой смотрели на его ладонь, словно ожидали, что буквы снова появятся.

А потом наступила следующая ночь.

Меня разбудил не крик и не боль. Меня разбудил свет. Комната была залита таким густым синим сиянием, что на секунду показалось — за окном вспыхнуло второе солнце. Оно проникало сквозь грязные стекла, отражалось на потолке, превращало старые облупленные стены в странный, почти инопланетный пейзаж. Где-то в коридоре закричали дети, хлопнула дверь, послышались торопливые шаги воспитателей. Кто-то громко повторял, чтобы все немедленно выходили во двор. Мы с Оливером, не успев даже обуться,

выбежали наружу вместе с остальными и замерли, задрав головы.

Небо больше не было небом.

Оно будто треснуло.

Через черные разломы один за другим неслись пылающие обломки, оставляя за собой длинные голубые хвосты. Некоторые были маленькими, похожими на падающие звезды. Другие казались настолько огромными, что закрывали собой половину горизонта. Один из них рухнул где-то совсем рядом, за старым сетчатым забором приюта, и земля вздрогнула так сильно, что нас всех сбilo с ног. В ту же секунду между моими лопатками словно ударила молния. Не снаружи — изнутри. Жар пронзил позвоночник, перед глазами вспыхнул белый свет, а в нос ударил странный запах — паленая кожа вперемишку с густым сладким медом. Этот запах я потом еще много лет не могла забыть.

Позже, стоя перед мутным зеркалом в общей умывальной, я впервые увидела между лопаток разорванный круг из тринадцати мерцающих звезд. На следующий день за левым ухом проступили незнакомые руны — слишком ровные, слишком глубокие, чтобы быть царапинами. Воспитатели говорили про выброс химикатов, врачи — про последствия падения астероидов, полиция вообще отмахнулась, списав все на массовую детскую истерику. Никто не смог объяснить, почему знаки появились только у меня.

Кроме Оливера.

Вернее... он тоже ничего не понимал. Но он был единственным человеком, который видел все собственными глазами. Он помнил светящиеся символы, буквы на своей руке, синий свет, запах меда и тот момент, когда я закричала во дворе, держась за спину. Со временем он перестал говорить об этом, будто решил похоронить воспоминание поглубже. Только иногда, когда думал, что никто не смотрит, машинально выводил пальцем эти странные руны на запотевшем стекле автобуса или на пыльной витрине магазина, а потом долго смотрел на них с таким выражением лица, будто ждал, что однажды кто-то по ту сторону стекла ему ответит.

Иногда, особенно в самые тихие ночи, когда сон не приходил до самого рассвета, мне казалось, что настоящая Эликсия умерла именно тогда — под синим светом падающих звезд. А проснулась уже не я. Кто-то другой. И знаки на моей коже были не подарком и не проклятием. Они были инструкцией. Для существа, которое однажды открыло глаза в моем теле и с тех пор очень старательно училось притворяться человеком.

— Эликсия.

Голос выдёргивает меня обратно.

Я резко втягиваю воздух. Зал симулятора. Люди. Свет. Всё на месте.

Только символы под кожей всё ещё горят.

В центре зала стоял он. Профессор Каин. Я возненавиде-

ла его с первого взгляда, с первой ледяной фразы. Он стоял перед нами, недвижимый, высокий и прямой, как ритуальный нож, воткнутый в пол этой склепообразной арены. Мастер Каин. Его левый глаз – искусственный, мертвенно-серебристый – мерцал под холодным светом симулятора, словно крошечная камера наблюдения, безжалостно фиксирующая каждую нашу дрожь, каждую каплю пота. Правый – настоящий, но не менее пугающий – был черным. Не темным, а абсолютно черным, пустым, как дыра в самой ткани реальности. Казалось, он смотрит не на меня, а сквозь, в какую-то иную, ужасную плоскость бытия.

— Новички, — произнёс он. Одно слово. Сухое, лишённое интонации. Оно прозвучало не как обращение, а как диагноз, высеченный на надгробии. — Вы умрёте здесь. Не сегодня, так завтра. Но если повезёт... — его серебристый глаз скользнул по строю, — ...научитесь умирать правильно. Без лишнего шума. Без позора.

Его голос был ужасающе спокойным для таких слов. Будто он не угрожал, а просто констатировал погоду или читал техническое руководство. Ни тени сожаления, ни искры интереса. Только холодная констатация факта нашего будущего небытия.

Я сжала кулаки до хруста костяшек – символ-змея на запястье ответил резкой, глубокой болью, как будто впился зубами в сухожилие.

— Первое испытание, — раздался его металлический го-

лос, режущий тишину. — Выжить в симуляции Катастрофы 2070 года. Пик падения обломков Зодиак-7 над Нью-Аргентум. Плотность энергии увеличена. Контроль ограничен. Помощи не будет. Три минуты чистого ада. Кто сдаётся — поднимает руку. Сейчас. Экономить ресурсы симулятора на трусах — наша политика.

Тишину разорвали сдержанные смешки старшекурсников на балконах. Шёпот пробежал по строю новобранцев — нервный, ломающийся: *«Три минуты?..»* — *«Он с ума сошёл...»* — *«Я не смогу...»*

За прозрачным бронестеклом капитанского мостика находились старшекурсники, отвечающие за контроль безопасности симуляции. Именно они следили за энергетической стабильностью матрицы, аварийным отключением погружения и действиями новичков во время испытаний. У каждого сектора был свой куратор. Сектор, где стояла наша группа, контролировал Ксайдер.

Его фигура, застывшая у панели управления за толстым стеклом, казалась не живой, а высеченной из глыбы льда. Ни тени интереса на бесстрастном лице. Ни малейшего движения. Только золотые глаза, горящие холодным пламенем, были прикованы ко мне. словно всё это — профессор, симулятор, дрожащие новички — существовало лишь как фон для его личного эксперимента. Эксперимента под названием "Эликсия". И его терпение было ледяным и безграничным.

— Интересно, — лениво протянул голос позади, нарочи-

то громкий, словно его обладатель специально хотел, чтобы услышал весь зал. — Ставки принимаются, господа. Сколько продержится наша местная пустышка? Минуту? Две? Или она вообще грохнется в обморок, едва симулятор включится? Хотя нет... — он коротко рассмеялся. — На обморок у неё, наверное, тоже сил не хватит.

По рядам прокатились смешки.

— Я ставлю тридцать секунд.

— Да какие тридцать? Десять максимум.

— Она же Овен, — хмыкнул кто-то. — Будет бодаться, пока не поймёт, что бодаться нечем.

— Может, ей сразу медаль дать? За участие.

— Или памятник. «Здесь стояла пустышка».

Смех стал громче.

Я уже узнала этот голос ещё до того, как обернулась.

Даррен.

Правая рука Ксайдера. Его цепной пёс. Лев с вечной ухмылкой ублюдка, который всегда чувствовал себя сильнее только потому, что за его спиной стоял кто-то действительно опасный. Он обожал публику. Обожал унижать тех, кто не мог ответить. И особенно видимо обожал меня.

Я медленно выдохнула, чувствуя, как под комбинезоном неприятно запульсировали символы. Не светом. Жаром. Словно сама злость искала выход.

— Дольше, чем ты в постели, Даррен, — спокойно ответила я, даже не повышая голоса. — Хотя... чтобы это прове-

ритель, сначала нужно найти хоть одну идиотку, которая добровольно согласится подпустить тебя ближе чем на метр.

На этот раз зал не засмеялся.

Наоборот.

Повисла тишина.

Та самая, когда люди пытаются понять, смеяться им или сейчас начнётся драка.

Даррен ухмыльнулся шире, но я заметила, как дернулся уголок его глаза.

Попала.

— Острый язычок, — протянул он, медленно приближаясь. — Жаль только, что за ним ничего нет.

— А у тебя за языком вообще мозгов нет.

— Слушай, пустышка, — он остановился почти вплотную, глядя сверху вниз. — Ты реально думаешь, что можешь твкать на тех, кто тебя сильнее?

— Нет.

Я пожала плечами.

— Я просто не люблю, когда шавки начинают лаять слишком громко.

По залу кто-то тихо присвистнул.

— Блядь...

— Она совсем охренела...

— Сейчас ему крышу сорвёт...

Даррен усмехнулся, но улыбка уже стала натянутой.

— Осторожнее со словами.

— Или что?

— Или пожалеешь.

— Ты уже пять минут обещаешь.

Я демонстративно оглядела его с головы до ног.

— Что-то задерживаешься.

Его челюсть напряглась.

— Знаешь, почему тебя называют пустышкой?

— Потому что у местной массовки фантазии хватает только на одно слово?

— Потому что ты никому здесь не нужна.

Я усмехнулась.

— Забавно слышать это от парня, который существует только потому, что бежит за чужой спиной.

Он резко шагнул ко мне.

Настолько близко, что я почувствовала запах мяты и дешёвого энергетика.

— Повтори.

— Что именно?

— Последнюю фразу.

— С удовольствием. — Я чуть наклонила голову набок. — Ты не Лев. Ты поводок. И единственное, что умеешь делать действительно хорошо, — это открывать пасть, когда хозяин разрешит.

По толпе снова прокатилось напряжённое «оу».

Кто-то негромко выругался.

Кто-то поспешил сделать шаг назад, освобождая вокруг

нас пространство.

Даррен оскалился.

— Совсем страх потеряла?

— Нет.

Я улыбнулась ему в ответ.

— Просто ты меня никогда особенно не пугал.

Его рука резко метнулась вперёд, собираясь схватить меня за воротник, но я успела перехватить запястье и с силой отбить его локтем.

— Руки убрал, — процедила я сквозь зубы. — А то ещё решат, что ты перепутал арену с брачным сезоном.

Несколько человек уже откровенно заржали.

Лицо Даррена налилось злостью.

Он сделал ещё шаг.

Я инстинктивно перенесла вес на правую ногу.

Ещё секунда — и кто-то из нас точно ударит первым.

За его спиной, неподвижный, словно высеченный из чёрного камня, стоял Ксайдер. Он не вмешивался. Золотые глаза были полуприкрыты, лицо оставалось совершенно спокойным, будто происходящее не заслуживало даже капли его внимания. Ни слова. Ни жеста. Только холодный взгляд, который скользнул по нам обоим и снова застыл.

«Ну и хрен с тобой», — мелькнуло у меня в голове. «Смотри. Всё равно ничего другого ты не делаешь».

Даррен уже занёс руку, а я приготовилась встретить его удар коленом туда, где любой самоуверенный придурок ста-

новится одинаково уязвимым.

Именно в этот момент пронзительный сигнал разорвал воздух.

Резкий. Металлический. Оглушительный.

Он перекрыл все голоса сразу.

Даррен раздражённо выругался, медленно опуская руку. Я сделала шаг назад, не сводя с него взгляда. Он потирал ушибленное запястье и улыбался той самой улыбкой, которая обещала проблемы.

— Тебе повезло, пустышка, — негромко бросил он.

— Не лсти себе, — ответила я так же тихо. — Просто сигнал спас твоё самолюбие.

Он ничего не сказал.

Только посмотрел так, будто мысленно уже выбирал, в какой момент добраться до меня позже.

Если будет «позже».

На платформе, перед входом в мерцающий портал симуляции, стоял профессор Каин. Он не смотрел на перепалку. Его внимание было полностью поглощено предметом в его длинных, бледных пальцах. Монеты. Тринадцать старинных, потёртых монет. Он перекладывал их с нечеловеческой точностью, словно отсчитывал ритм Вселенной. Серебристый глаз следил за металлом, чёрный смотрел в никуда.

Одна монета выскользнула из его пальцев. Упала с тихим звяком на металлический пол и покатилась, вращаясь, прямо к моим ногам. Она закатилась под мою ступню. Инстинктив-

но, я наклонилась и подняла ее. Металл был ледяным, как космический вакуум, и на мгновение мне показалось, что он обжег пальцы. На потускневшей поверхности был выгравирован сложный зодиакальный круг... но с лишним знаком. Тринадцатым. Каким-то искаженным, чуждым созвездием, которого я никогда не видела. Оно напоминало спираль или разорванный круг. Я как будто бы уже его видела...

Я подняла голову, чтобы вернуть монету. И встретила взгляд Каина. Не тот, что был у Даррена – насмешливый, злой. Не равнодушный, как у Ксайдера. Его взгляд... в нем было узнавание. Глубокое, древнее, как само время. Будто он видел меня не здесь и сейчас, а в другом месте, в другой жизни. Будто он знал каждый мой шаг, каждую мысль до того, как она рождалась в моей голове. Он видел не Эликсию Лунн, "пустышку", а что-то иное. Что-то, что заставило мое сердце бешено колотиться, а кровь стынуть в жилах.

Чёрт. Это было не просто пугающе. Это было чуждо. Как взгляд инопланетного существа, изучающего под микроскопом знакомый, но внезапно опасный образец.

— Эликсия Лунн, — его голос, металлический и лишенный всякой теплоты, разрезал воздух. Заходишь первая.

Никаких объяснений правил. Никаких предупреждений. Никакого "удачи". Просто холодный приказ.

Меня бросили в мерцающий, сине-белый вихрь портала симуляции, как выкидывают мусор в ненасытную пасть измельчителя.

И в тот миг свободного падения в неизвестность, под леденящим взглядом Каина и золотыми глазами Ксайдера, ждущими моего падения, я поняла с кристальной ясностью:

Этот человек в черном, с монетами и пустотой в глазу... Он был не просто инструктором. Не просто частью системы. Он — испытание само по себе.

Глава 5

ЭЛИКСИЯ

«Катастрофа не просто изменила мир. Она вплела в ДНК человечества нити рока, сплетенные из звездной пыли и отчаяния.»

Я первой шагнула внутрь камеры симулятора и почти инстинктивно отошла к дальней стене. Холодная сталь коснулась спины сквозь тонкую ткань комбинезона, заставив меня едва заметно вздрогнуть. Воздух внутри оказался тяжелее, чем снаружи. Он был сухим, насыщенным запахом металла, озона и чего-то едва уловимого, напоминающего перегретые микросхемы. Под потолком беззвучно двигались десятки проекторов, объективов и круглых сенсоров, следивших за каждым нашим вдохом. Казалось, сама камера уже изучала нас, решая, кого сломать первым. Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Кожа была влажной, но не от пота. По пальцам пробегали крошечные разряды статического электричества, заставляя волоски на руках вставать дыбом. Даже воздух здесь будто потрескивал от накопленной энергии.

Нас было шестеро. Даррен стоял ближе всех к центру, лениво разминая шею, словно пришел не на смертельно опасное испытание, а на тренировку. По обе стороны от него при-

вычно маячили его ручные псы: долговязый Стрелец с вечно поджатыми губами и насмешливым взглядом и Близнецы, похожие друг на друга настолько сильно, что казались отражениями в плохо отполированном зеркале. Они почти не разговаривали, только обменивались короткими взглядами, словно понимали друг друга без слов. Чуть дальше переминался с ноги на ногу бледный Телец — совсем мальчишка, которому едва исполнилось восемнадцать. Он нервно тербил рукав комбинезона, то и дело сглатывая. Казалось, еще немного — и его просто стошнит от страха.

Передо мной остановилась девушка, которую я заметила ещё в строю. Темная кожа цвета горького шоколада резко контрастировала с матово-чёрным кожаным комбинезоном Академии, плотно облегавшим фигуру. На левой стороне груди мягким неоново-голубым светом сияла эмблема Скорпиона — казалось, знак был не нашит поверх ткани, а существовал где-то под самой кожей комбинезона, заставляя чёрную матовую поверхность едва заметно светиться вокруг него. Длинные волосы были настолько чёрными, что почти поглощали свет. Под холодными голубыми лампами камеры они отливали густой синевой, напоминая крыло ворона, отполированное до зеркального блеска.

Она держалась удивительно спокойно. Ни одного лишнего движения. Ни суетливых жестов. Ни нервного дыхания, ни дрожи в пальцах. Плечи расслаблены, подбородок чуть приподнят, руки свободно опущены вдоль тела, словно проис-

ходящее её совершенно не касалось. Так обычно стоят люди, которые слишком давно привыкли ждать удара и однажды перестали напрягаться перед ним.

Моё внимание невольно задержалось на её лице. Высокие скулы, чёткая линия челюсти, тёплая кожа с едва заметным золотистым подтоном и густые тёмные брови делали её черты резкими, почти хищными. Но сильнее всего запоминались глаза — яркие янтарно-медовые, словно в радужке застыл жидкий янтарь. В них не было ни страха, ни растерянности. Только спокойная внимательность человека, который за считанные секунды уже успел оценить каждого вокруг и сделать собственные выводы.

На губах застыла лёгкая насмешливая полуулыбка. Не дружелюбная. Скорее такая, которая появлялась у человека, привыкшего отвечать сарказмом на любую угрозу. Она посмотрела прямо на меня, не отводя взгляда ни на секунду, и едва заметно приподняла бровь, словно без слов бросая вызов.

Скорпион... Айла. Кажется, именно так её называли во время распределения. И почему-то уже тогда у меня возникло странное чувство, что эта девушка либо станет моей самой большой головной болью... либо одним из немногих людей, которым однажды я действительно смогу доверять.

Я поймала себя на мысли, что невольно ищу глазами Оливера.

Его здесь не было.

И это, наверное, было к лучшему.

Если бы он сейчас оказался рядом, то половину времени следил бы не за симуляцией, а за мной. Я слишком хорошо знала этот взгляд — напряженный, тревожный, будто он заранее готовился броситься под поезд, если это хоть как-то могло меня спасти.

— Эй, Овен, — неожиданно произнесла Айла, не повышая голоса. Ее слова прозвучали спокойно, но настолько четко, что я невольно подняла голову. Она даже не повернулась полностью — лишь слегка скосила взгляд через плечо, продолжая наблюдать за Дарреном. — Держись рядом со мной.

Я недоверчиво усмехнулась.

— Это предложение дружбы или соболезование?

Уголок ее губ едва заметно дрогнул.

— Скорее выгодная сделка.

— С чего вдруг такая щедрость?

Она медленно перевела взгляд на мой комбинезон. Точнее, на абсолютно темный символ Овна, который по-прежнему не подавал ни малейших признаков жизни.

— Потому что они будут охотиться сначала за тобой.

Я хмыкнула.

— Не новость.

— Я серьезно.

— И я.

Айла еще несколько секунд внимательно смотрела мне в глаза, словно пыталась понять, дура я или просто слишком

упрямая.

— Даррен любит ломать людей при свидетелях, — тихо сказала она. — Ему плевать на испытание. Если представится шанс унижить тебя — он его не упустит.

Я покосилась на Даррена.

Тот действительно что-то говорил своим прихвостням, время от времени поглядывая в мою сторону. Потом широко улыбнулся.

Слишком широко.

Я ответила ему самым неприличным жестом, который только смогла придумать.

Айла тихо выдохнула через нос. То ли смешок. То ли вздох обреченности.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Самоубийственно дерзкая.

— Пока работает.

— Недолго будет работать.

— Значит, успею придумать что-нибудь еще.

В этот момент по стенам камеры пробежала тонкая голубая рябь.

Пол едва заметно дрогнул.

Все разговоры оборвались сами собой.

Где-то под ногами загудели огромные генераторы. Звук был низким, вибрирующим, будто где-то глубоко под Академией просыпался гигантский механизм. Свет стал тусклее.

Воздух словно потяжелел, а внутри камеры запахло озоном так сильно, что начало першить в горле.

Над нами одновременно вспыхнули десятки голографических колец.

Одно.

Второе.

Третье.

Они вращались все быстрее, пока наконец не сложились в огромный сияющий круг.

**«ПРИГОТОВЬТЕСЬ К ПОГРУЖЕНИЮ В ЭПИ-
ЗОД: КАТАСТРОФА 2070.»**

Металлический голос системы разнесся по камере сразу со всех сторон. Он проникал прямо в голову.

«ИНТЕНСИВНОСТЬ: КАТЕГОРИЯ ОМЕГА.»

Кто-то рядом тихо выругался.

Телец судорожно перекрестился.

Даррен только ухмыльнулся.

«ЦЕЛЬ: ВЫЖИВАНИЕ.»

Я почувствовала, как сердце начинает стучать быстрее.

«ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ: ТРИ МИНУТЫ.»

Последнее слово еще не успело раствориться в воздухе, когда первый удар обрушился на сознание.

Это была не вспышка. Не толчок. Не головокружение.

Казалось, кто-то с размаху ударил кувалдой прямо по черепу, разбивая мысли на тысячи осколков. Мир дрогнул, зрение поплыло, а боль, резкая и ослепляющая, прошла виски

так сильно, что я вскрикнула и инстинктивно схватилась за голову.

А потом Академия исчезла.

Не растворилась. Не потухла.

Ее словно никогда не существовало.

Перед нами был другой мир. Катастрофа 2070 года. Настоящая.

Небоскребы складывались, как карточные домики, с таким чудовищным скрежетом, что дрожали внутренности. Асфальт под ногами разрывался длинными трещинами, из которых вместо земли бил ослепительно-синий свет. По этим раскаленным жилам текло жидкое зодиакальное вещество, густое, пульсирующее, словно кровь самой планеты. Над головой ревели астероиды. Не маленькие огненные точки, а исполинские раскаленные глыбы, закрывавшие собой небо. Каждый их удар превращал кварталы города в облака пыли, стекла и огня. Воздух был наполнен не сиренами — человеческими криками. Тысячи голосов сливались в один бесконечный вопль, настолько настоящий, что разум отказывался принимать происходящее за симуляцию.

Точная копия... того дня.

Звуки впивались в мозг: треск ломающихся балок, визг рвущегося металла, глухие удары, словно молоты по гробовой крышке города. И запахи — горящий бетон и сладковато-медный, тошнотворный запах крови. Всегда кровь.

Это не было голограммой. Это было погружением в па-

мь катастрофы, будто время разорвалось и выбросило нас в эпицентр.

Я не успела сделать и трех шагов, как мир под ногами буквально взбесился. Асфальт вздулся огромной волной, словно под ним шевельнулось что-то живое. Я потеряла равновесие и с громким матом полетела вперед, едва успев выставить руки.

— Сука...

Ладони ударились о раскрошенную плитку. Между трещин медленно сочилось густое синее вещество. Оно было слишком ярким, слишком живым для обычной жидкости. Пульсировало, как вскрытая артерия города, растекалось вязкими ручьями, подсвечивая разбитый асфальт изнутри. От него исходил странный холод, совсем не похожий на лед. Воздух над трещиной дрожал, а вокруг поднимался сладковатый запах металла, крови и чего-то незнакомого. Я инстинктивно отдернула руку, потому что на секунду показалось — эта синяя масса смотрит прямо на меня.

Не настоящие. Это не настоящие, — твердила я, но колени дрожали, а сердце колотилось, как птица в клетке.

Я повторяла это снова и снова, словно молитву, но сердце колотилось так отчаянно, что ребра начинали болеть. Колени дрожали. Во рту появился металлический привкус, а где-то совсем рядом женщина кричала так пронзительно, что невозможно было поверить в искусственность происходящего. Если это игра, то слишком жестокая.

Вокруг новобранцы вспыхнули, но не как гирлянды — как разноцветные маяки экстренной активации в самом сердце ада.

Даррен вскинул голову и коротко рыкнул — низко, по-звериному. Звук эхом прокатился по разрушенной улице, отражаясь от полуразрушенных небоскребов. Вокруг его фигуры вспыхнула золотисто-оранжевая аура. Воздух начал плавиться, дрожать, словно над раскаленным асфальтом. В правой ладони стремительно вытянулось копьё из ослепительно-белой плазмы. Оно не просто светилось — оно ревело. Каждый взмах оставлял за собой светящийся след, а ближайшие обломки сначала краснели, затем начинали течь, превращаясь в жидкий металл.

— За мной! — рявкнул Даррен так громко, что даже грохот падающих зданий на миг показался тише. В его голосе было что-то странное, почти гипнотическое. Новички вздрогнули и инстинктивно сделали шаг в его сторону прежде, чем сами поняли, что происходит. Лев не просто командовал. Его воля буквально давила на окружающих.

Телец рядом даже не пытался убегать. Он с глухим рыком вонзил кулаки в расколотый асфальт. Земля содрогнулась, бетон затрещал, а перед нами за считанные секунды выросла огромная стена из плит, арматуры и искореженных машин. Она поднялась из-под земли, словно ее вытолкнули наружу гигантские руки. Через мгновение в нее врезался град раскаленных обломков. Искры полетели во все стороны. Парень

лишь сильнее уперся ногами в землю. Под подошвами комбинезона асфальт треснул, но он даже не шелохнулся. Казалось, если сейчас на него рухнет весь небоскреб, он просто стиснет зубы и выдержит.

Совсем рядом Близнецы одновременно сделали шаг вперед — и мир будто на секунду раздвоился. Потом утроился. Их фигуры расплылись, словно изображение на испорченной голограмме, и уже через миг рядом стояли три абсолютно одинаковых человека. Один мгновенно бросился вправо, другой — налево, третий остался прикрывать центр. Они двигались с пугающей синхронностью, будто их связывал единый разум. Один успевал увидеть опасность, второй уже повторял нужное движение, а третий начинал действовать раньше, чем происходило следующее обрушение.

Где-то впереди девушка-Рак рухнула на одно колено, обеими руками касаясь земли. Синее вещество, сочившееся из трещин, внезапно поднялось вверх, словно вода, подчиняясь невидимому приливу. Оно нехотя собиралось вокруг нее, превращаясь в мутный полупрозрачный купол. Девушка тяжело дышала, по вискам струился пот, губы дрожали от напряжения. Было видно, что она едва удерживает эту массу, но купол все-таки принял на себя удар рухнувшей балки, рассыпавшейся голубыми брызгами.

— Эликсия! — голос Айлы прорезал весь этот хаос неожиданно четко. Я резко обернулась и увидела, как вокруг нее начинает клубиться густой фиолетовый туман. Он

медленно выползал из-под рукавов комбинезона, стекал по пальцам, расползался по земле живыми струями, словно обладал собственным сознанием. — Ко мне! Быстро!

Она стояла совершенно неподвижно. Темная кожа казалась почти черной на фоне ядовито-фиолетового свечения, а длинные волосы развевались так, будто вокруг бушевал ветер, которого не чувствовал никто, кроме нее. Туман непрерывно рос, сгущался, поднимался выше человеческого роста и начинал кружить вокруг нее плотными кольцами.

— Мой яд прикроет нас! — крикнула она, перекрывая рев падающих астероидов. — Только, ради всего святого, не вздумай им дышать!

Я уже собиралась ответить, когда впереди с оглушительным треском разорвало мост.

Не сверху.

Изнутри.

Будто под бетонными опорами одновременно взорвали десятки зарядов.

Многотонные секции конструкции медленно поползли вниз, заслоняя собой небо. Огромные куски металла и бетона размером с автомобили полетели прямо на нас.

— Ко мне! Все ко мне! — рявкнула Айла.

Она резко вскинула обе руки. Фиолетовый туман вздрогнул и словно ожил окончательно. Он не просто окружил нас — он бросился навстречу падающим обломкам, шипя и извиваясь, как тысячи змей. Металл, соприкасаясь с этой дым-

кой, начинал пузыриться, плавиться и осыпаться раскаленными каплями, не долетая до земли.

— Не дыши! — почти прорычала Айла, и наши взгляды встретились всего на мгновение.

В следующую секунду ее силуэт растворился внутри собственного яда. Не исчез. Именно растворился, став сердцем огромного живого облака.

Я инстинктивно задержала дыхание и втянула голову в плечи. Даже сквозь фильтры комбинезона туман царапал легкие, заставляя грудь болезненно сжиматься. Но в тот момент, когда первые капли ядовитой дымки коснулись моей кожи, змея на запястье болезненно дернулась.

Я ожидала жжения.

Ожогов.

Нестерпимой боли.

Но вместо этого по руке разлилось странное прохладное покалывание.

Будто кто-то приложил к раскаленной коже лед.

И на одно короткое мгновение мне показалось, что... яд Айлы меня не отравляет.

Он словно... узнает меня.

На одно короткое мгновение туман расступился, словно повинувшись неслышному приказу, и из него буквально соткалась Айла — Скорпион. Ее темная кожа казалась почти черной на фоне ядовито-лилового свечения, а длинные волосы развевались так, будто вокруг бушевал ураган, которого ни-

кто, кроме нее, не чувствовал. Она резко вытянула руку в мою сторону, и я, сама не понимая почему, бросилась к ней, будто это был единственный островок здравого смысла посреди конца света.

— Не стой, мать твою! — рывкнула она уже совсем рядом, когда наши пальцы наконец встретились. Ее ладонь оказалась неожиданно холодной, почти ледяной, словно я схватилась не за живого человека, а за кусок льда. Это прикосновение мгновенно погасило жгучую боль, которая до сих пор расползалась по моим рукам после падения, и я непроизвольно шумно вдохнула. Айла дернула меня к себе так резко, что я едва удержалась на ногах, одновременно продолжая удерживать вокруг нас плотный кокон из ядовитого тумана. По ее лицу стекали капли пота, но взгляд оставался холодным, сосредоточенным. Было видно, что удерживать такую массу яда ей становится все тяжелее. — Еще секунда — и тебя бы размазало по этому ебаному асфальту, — процедила она сквозь зубы, бросив короткий взгляд куда-то мне за спину. — Я же сказала держаться рядом. Ты всегда настолько плохо слушаешь?

Я уже открыла рот, чтобы огрызнуться — сказать что-нибудь про слишком командирские замашки Скорпионов, про то, что прекрасно справляюсь сама и вообще не нуждаюсь в спасителях, — но слова так и застряли где-то в горле. Воздух впереди странно задрожал. Не как от жара. Не как после удара плазмы Даррена. Совсем иначе. Пространство будто

сжалось в одну крошечную точку, а потом с оглушительным треском лопнуло.

Взрыв оказался настолько точным, что я даже не сразу поняла, что произошло. Не было привычной ударной волны, хаотично разбрасывающей все вокруг. Это был идеально рассчитанный импульс. Узкий луч ослепительно-синей энергии ударил Айлу прямо в грудь с такой силой, что ее тело резко выгнулось назад, пальцы разжались, выпуская мой рукав, а весь ядовитый туман вокруг нас на долю секунды потерял форму, словно сам не ожидал, что его хозяйку можно так легко выбить из равновесия. Я только успела увидеть, как она широко распахнула глаза, а затем ее отбросило в сторону. Она пролетела несколько метров и с чудовищным грохотом впечаталась в полуразрушенную стену ближайшего здания. Бетон разлетелся в пыль, куски кирпича посыпались вниз вместе с искрами, а сама стена сложилась внутрь, погребая ее под облаком серого дыма.

— Айла! — собственный крик показался мне чужим. Я рванулась вперед, почти не чувствуя ног, но успела сделать всего один шаг. Сквозь оседающую пыль наши взгляды встретились буквально на мгновение. В ее глазах не было ни страха, ни боли. Только ярость. Чистая, ледяная, почти нечеловеческая ярость, от которой по позвоночнику пробежал холод. Это был не взгляд человека, которого только что едва не убили. Это был взгляд хищника, уже выбравшего свою следующую жертву. И почему-то я была уверена: если Айла

переживет этот удар, кто бы его ни нанес — он пожалеет, что вообще родился.

Я не успела даже вдохнуть. Что-то с чудовищной силой врезалось мне между лопаток. Не обломок. Не случайно прилетевший кусок бетона. Удар был слишком точным, слишком выверенным, чтобы быть случайностью. Так бьют люди, которые знают, куда именно нужно попасть, чтобы лишить противника равновесия. Воздух мгновенно вышибло из легких. Перед глазами вспыхнули белые искры, колени предательски подогнулись, а мир вдруг перевернулся вверх ногами. Я почувствовала, как лечу вперед, не в силах за что-либо ухватиться, и только в последний момент чья-то рука резко дернула меня назад за ворот комбинезона, не давая рухнуть в раскаленную пропасть между разломанными плитами.

— Нашла себе защитницу, пустышка? — голос Даррена прозвучал почти ласково, отчего по коже пробежали мурашки. Даррен удерживал меня одной рукой так легко, будто я вообще ничего не весила. На его лице играла мерзкая самодовольная улыбка, а золотая аура вокруг тела продолжала дрожать от переполнявшей его силы. Он чуть сильнее встряхнул меня, заставляя посмотреть ему прямо в глаза. — Жалко, ненадолго. Знаешь, что мне больше всего нравится в таких, как ты? Вы до последнего верите, что кто-то обязательно придет вас спасать. Что обязательно найдется герой. А потом герой сдохнет первым, и вы начинаете визжать громче всех.

Он говорил спокойно, почти доброжелательно, словно обсуждал погоду, но каждое слово било сильнее удара. Я чувствовала запах мяты от его дыхания, слышала тяжелый грохот падающих зданий где-то за спиной и понимала, что если сейчас позволю страху победить хоть на секунду — он это увидит. Именно этого он и ждал.

Я медленно подняла голову, ощущая во рту солоноватый вкус крови. На губах все еще оставалась едва уловимая горечь яда Айлы. И почему-то именно это вдруг заставило меня усмехнуться. Даррен нахмурился, явно не понимая, почему я улыбаюсь.

— Чего лыбишься? — процедил он, сильнее сжимая ткань моего комбинезона. — Совсем ебанулась?

Я ничего не ответила. Только набрала полный рот крови и со всей силы плюнула ему прямо в лицо.

— ТВАРЬ!

Его рёв стал последним звуком перед тем, как мир **сло-мался**.

Это был не свет симуляции.

Не огонь.

Не стихия.

Это был **сбой**.

Свет вырвался из символов — из груди, запястья, из-за уха — и где-то высоко пошли трещины по стеклянному ку-

полу симулятора. Не взрыв. Не разрушение.

Ошибка системы.

Реальность дала сбой.

Глава 6

ЭЛИКСИЯ

*"Ты не ошибка. - Ты именно то, ради чего всё это зате-
валось. Последний ключ."*

В этот момент внутри меня что-то щёлкнуло.

Не в ушах. Не в голове. Где-то гораздо глубже. Там, куда невозможно дотянуться рукой или объяснить словами. Будто в самой сердцевине моего тела десятилетиями стоял огромный, заржавевший механизм, покрытый слоями пыли, кро-
ви и забвения. Я чувствовала его существование всю жизнь, даже не подозревая об этом. И вот сейчас кто-то невидимый медленно повернул древний ключ. Сначала раздался едва различимый скрежет. Потом второй. Затем один за другим начали двигаться гигантские шестерни. Медленно. Неохотно. Так, будто сама реальность сопротивлялась их пробужде-
нию. В следующую секунду этот звук пронёсся по всему те-
лу. Не ушами — костями. Позвоночник болезненно выгнул-
ся, мышцы одновременно напряглись до предела, а кровь вдруг стала густой, тяжелой, словно вместо нее по венам по-
тек расплавленный металл. Сердце пропустило удар. Потом второй. А затем забило с такой силой, что каждый толчок отзывался вибрацией в ребрах. Казалось, еще немного — и грудная клетка просто не выдержит.

Горячая волна прокатилась по венам, начинаясь где-то глубоко под грудиной. Это был не огонь. Не жар. Скорее жидкое электричество, которое одновременно обжигало и оживляло каждую клетку. Оно стремительно расходилось по рукам, позвоночнику, шее, пока не достигло кончиков пальцев. Мир вокруг словно изменил цвет. Не буквально. Просто привычные краски исчезли, уступив место густому багровому мареву. Я больше не различала, где заканчивается дым и начинается небо. Не слышала половины криков вокруг. Все утонуло в странной, звенящей тишине, внутри которой существовало только мое дыхание и этот древний гул, поднимающийся откуда-то изнутри. Под кожей один за другим начали просыпаться символы. Сначала дрогнула змея на запястье. Она не просто засветилась — она будто сделала первый вдох после долгого сна. Холодное голубое сияние побегало по каждой чешуйке, превращая крошечный рисунок в живое существо. Следом между лопаток вспыхнул разорванный круг из тринадцати звезд. Я чувствовала каждую из них отдельно. Они раскалялись, словно угли, прожигая кожу изнутри. Руны за левым ухом ответили низкой вибрацией, от которой задрожали зубы. Комбинезон начал дымиться. Ткань медленно чернела, расползалась вокруг символов, а в воздух поднимался едкий запах озона, паленой ткани и чего-то сладковатого, до боли знакомого. Мед. Тот самый невозможный запах, который я впервые почувствовала десять лет назад под синим дождем падающих стероидов.

Я не видела собственного лица, но поняла, что происходит, по реакции Даррена. Он, еще секунду назад ухмылявшийся так самоуверенно, будто уже праздновал победу, вдруг резко отшатнулся. Его пальцы разжались сами собой. Он смотрел прямо мне в глаза, и впервые за все время нашего знакомства в них не было ни насмешки, ни презрения, ни привычного превосходства. Только животный, первобытный ужас. Такой страх бывает у человека, который внезапно понимает, что оказался рядом не с добычей, а с существом, стоящим гораздо выше него в пищевой цепи. Его лицо медленно побледнело, губы приоткрылись, а золотая аура Льва вокруг тела начала дрожать нестабильными импульсами, словно сама его сила не понимала, как реагировать на то, что стояло перед ней. Даже туман Айлы — живой, разумный яд Скорпиона — изменился. Еще секунду назад он яростно кружил вокруг нас, растворяя металл и защищая хозяев, а теперь начал медленно отползать. Не рассеиваться. Именно отползать. Осторожно. Почти испуганно. Он обтекал мои ноги широкими дугами, словно инстинктивно избегая прикосновения. Живое облако чувствовало то, чего пока не понимала даже я.

— Что... за... дьявол... — прохрипел Даррен. Его голос сорвался, потеряв всю привычную наглость, став тонким, почти детским. Он попытался сделать шаг назад, но не успел. Я все еще падала в расколотую пропасть, однако вдруг осознала, что... больше не падаю. Время вокруг странно растяну-

лось. Куски бетона зависли в воздухе. Капли расплавленного металла медленно стекали с искореженных балок, словно не желали касаться земли. Даже языки пламени двигались неестественно плавно. Гравитация будто на мгновение перестала помнить обо мне. Тело само развернулось в воздухе — без усилия, без паники, будто знало, что нужно делать. Пальцы вытянулись вперед быстрее мысли и крепко сомкнулись на плече Даррена. Это движение не принадлежало мне. Оно было слишком точным. Слишком древним. Я даже не почувствовала напряжения в мышцах. Просто в следующий миг он уже висел передо мной, беспомощно болтая ногами над раскаленной синей бездной, а я держала его так легко, словно он ничего не весил. Он судорожно вцепился в мое запястье, пытаясь освободиться, но тщетно. Его лицо искажилось, глаза расширились до боли, а дыхание превратилось в рваные хрипы.

— Ты... ты не Овен... — прохрипел он, тщетно пытаясь вдохнуть. Его пальцы бессильно скользили по моему дымящемуся комбинезону, не находя опоры. — Кто... кто ты, блядь?... Ты... чудовище...

Я почти не слышала его.

Не потому что вокруг стоял грохот.

Наоборот.

Мир стал пугающе тихим.

Каждый звук существовал отдельно. Я слышала, как трещит арматура внутри соседнего небоскреба. Как лопаются

стекла за сотни метров отсюда. Как кровь пульсирует в венах Даррена. Как его сердце отчаянно колотится о ребра, пытаюсь вырваться наружу. Я чувствовала запах его страха так же отчетливо, как запах озона, дыма и раскаленного бетона. Видела каждую пылинку, лениво вращающуюся в воздухе. Синее зодиакальное вещество подо мной перестало казаться безжизненной жидкостью. Оно пульсировало. Дышало. И этот ритм удивительным образом совпадал с моим собственным сердцебиением, словно между нами всегда существовала незримая связь.

И именно тогда меня пронзила одна-единственная мысль. Это было не просто пробуждение силы.

Это было возвращение чего-то, что уже однажды существовало.

И весь мир, казалось, только что это понял первым.

— Эликсия! — Голос Айлы, резкий и напряженный, пробился сквозь багровую пелену в моей голове. Её тень, быстрая как мысль, метнулась ко мне сквозь клубы дыма, рука тянулась... Но было уже поздно.

Стеклянный купол симулятора треснул с жутким, рвущим душу скрежетом. Не тонкой паутинкой, а огромными, молниеобразными разломами. Не по сценарию. Не так, как должно было быть. Это был крик разрываемой реальности. В осколках падающего стекла, огромных и острых, как бритвы, отражалось моё лицо — бледное, как снег, с горящими синими глазами, как вода в реакторе охлаждения — мёртвая

и опасная для прикосновения.

И за моей спиной в отражении **что-то шевелилось.**

Огромное. Тёмное. С едва различимыми очертаниями крыльев... или щупалец.

— Тринадцатый... — прошептала Айла, застыв в нескольких шагах. Её чёрные глаза расширились до предела. Не со страхом. С шоком. С узнаванием. Как будто она видела это раньше... на страницах запретных текстов.

— Нет... нет... нет... — забормотал один из новичков, пытаясь назад и судорожно качая головой. — Это легенда... Его не существует... Нам говорили... его не существует...

— Какого... — прохрипел Даррен.

Система взвыла:

<<ВНИМАНИЕ! НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЙ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ВЫБРОС! ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ
МАТРИЦЫ!>>

Тьма накрыла внезапно — не как отсутствие света, а как вязкая, живая субстанция. Она смывала багровый свет, обломки, крики. Поглощала мир.

Последнее, что я услышала, прежде чем сознание начало тонуть, был искажённый, предсмертный вопль системы:

<<КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ! АКТИВИРОВАН ПРОТОКОЛ 13! ПОВТОРЯЮ: ПРОТОКОЛ 13!>>

Я падала в эту тьму и чувствовала, как в глубине сознания что-то просыпается.

Глубже, чем память.

Глубже, чем душа.

Что-то древнее.

Холодное.

Бездонное.

Голодное.

И сквозь нарастающий гул, как сквозь толщу воды, донёсся голос системы, разорванный помехами:

< <Испытуемая 0...17... Лунн... Статус... Подтверждён... Тринадцатый... Знак...>>

Глава 7

ЭЛИКСИЯ

«Детство кончается не в восемнадцать. Оно кончается в тот миг, когда понимаешь: твоя жизнь — разменная монета в чужой игре.»

Тьма уходила медленно.

Не исчезала в одно мгновение, а словно стекала с меня густой, вязкой смолой, оставляя после себя только тяжесть и тупую, распирающую боль.

Казалось, меня сначала разобрали на части, вытряхнули изнутри все кости, мышцы и мысли, а потом собрали обратно чужими руками, забыв, куда должны крепиться половина деталей.

Я лежала на ледяном полу лаборатории симуляций и несколько долгих секунд просто смотрела в потолок, не понимая, где заканчивается реальность и начинается очередная иллюзия. Каждая попытка вдохнуть отзывалась тупой болью под ребрами, а пальцы дрожали так сильно, что я не могла даже нормально сжать ладонь в кулак.

Вокруг стояла почти неестественная тишина — не абсолютная, а тяжелая, звенящая, нарушаемая лишь тихим потрескиванием искрящихся кабелей и редким звоном падающих осколков. Лаборатория выглядела так, словно внутрь

действительно врезался небольшой астероид. Огромные куски многослойного стекла торчали из стен под разными углами, глубокие трещины расходились по полу, а в нескольких местах металлические панели выгнуло наружу, будто изнутри их пытались разорвать что-то чудовищно сильное.

Над всем этим неподвижным куполом висел густой серый дым, пропитанный запахом паленой пластмассы, озона, горячего металла и крови. Настоящей крови. Я чувствовала ее сладковато-железный привкус на языке, хотя так и не могла понять, моя она или чужая.

Я медленно перевернулась на бок, пытаюсь хотя бы сесть, но стоило приподняться на локте, как голову пронзила такая острая боль, что перед глазами мгновенно вспыхнули белые пятна.

Желудок болезненно сжался, к горлу подкатила тошнота, и мне пришлось зажмуриться, стиснув зубы, чтобы не потерять сознание снова. Что-то изменилось. Не просто после перегрузки симулятора. Изменилось во мне. Это ощущалось так же ясно, как собственное дыхание.

Мир звучал иначе. Где-то далеко, через весь зал, кто-то тихо кашлянул, и этот звук показался мне таким громким, будто человек стоял рядом. Где-то искрил оборванный кабель, и каждый электрический разряд отзывался в голове неприятной вибрацией. Даже чужие сердцебиения — быстрые, испуганные, беспорядочные — словно существовали где-то на краю моего слуха. Цвета тоже стали другими. Крас-

ный аварийных ламп казался густым, почти вязким. Синий свет поврежденных голограмм бил по глазам так сильно, что хотелось отвернуться. Каждая тень выглядела глубже, чем должна была, а воздух словно приобрел странную прозрачность, позволяя видеть больше, чем способен обычный человеческий взгляд.

Совсем рядом, буквально в полуметре от меня, лежал крупный осколок зеркальной панели. Его идеально гладкая поверхность почти не пострадала при взрыве и теперь отражала мигающий красный свет аварийной сигнализации. Я несколько секунд просто смотрела на него, не решаясь прикоснуться, будто инстинктивно понимала — ничего хорошего там не увижу. Потом все-таки протянула руку. Пальцы дрожали настолько сильно, что пришлось взять осколок обеими ладонями. Стекло оказалось неожиданно теплым. Почти живым. Я медленно подняла его перед собой.

Первое, что бросилось в глаза, — собственное лицо.

Бледное настолько, что кожа почти сливалась с белыми стенами лаборатории. На виске запеклась тонкая полоска крови, волосы спутались, а под глазами залегли глубокие тени, словно я не спала несколько недель подряд.

Но взгляд... взгляд больше не принадлежал мне.

Радужки светились тем самым холодным синим светом, который я видела в симуляции. Только теперь это не было вспышкой силы. Свет никуда не исчезал. Он жил внутри глаз, глубоко под зрачками, медленно переливаясь, как жид-

кий космос. Я невольно поднесла зеркало ближе и замерла. Зрачки больше не были круглыми. Они сузились в тонкие вертикальные щели, похожие одновременно на змеиные и кошачьи. Медленно, почти не дыша, я подняла свободную руку и коснулась собственного века, надеясь, что это очередная галлюцинация после перегрузки. Отражение повторило движение. Почти.

На одно короткое мгновение.

Потом перестало.

Я застыла. Сердце пропустило удар. Отражение продолжало смотреть прямо на меня, но теперь уже совершенно неподвижно. Затем оно медленно... моргнуло.

Не вместе со мной.

Само.

Уголок его губ едва заметно дрогнул, складываясь в улыбку, которой не было на моем лице. Не злую. Не добрую. Скорее... слишком древнюю, чтобы ее вообще можно было понять. По позвоночнику пробежал ледяной холод. Я попыталась отбросить зеркало, но пальцы словно перестали слушаться. Казалось, осколок притягивал меня к себе, заставляя смотреть только в него.

— **Проснись... Спящая...** — голос прозвучал так тихо, что его почти невозможно было услышать. Он не раздался в лаборатории. Он возник прямо внутри моей головы, шелестя, словно ветер, перебирающий сухие листья, и одновременно напоминая скрежет древнего камня, который тысячи

лет никто не тревожил. Каждое слово отзывалось неприятной вибрацией где-то под ребрами. — **Они идут... Они уже рядом... Они всегда наблюдали...**

Я судорожно втянула воздух, но не смогла произнести ни слова. Горло будто сдавило невидимой рукой. За спиной отражения медленно начала сгущаться тьма. Сначала она выглядела обычной тенью, затем внутри нее проступил силуэт. Очень высокий. Настолько высокий, что его голова будто исчезала за пределами зеркального осколка. Длинный плащ медленно колыхался без всякого ветра, а в правой руке незнакомец держал высокий жезл. Кадуцей. Две серебристые змеи медленно обвивали его древко, поднимая головы друг к другу, и на секунду мне показалось, что одна из них повернулась прямо в мою сторону. Я почувствовала такой ледяной холод, будто кто-то приложил к позвоночнику длинное лезвие ножа.

— Кто... ты?.. — слова сорвались с губ едва слышным хрипом. Я сама не поняла, произнесла их вслух или только подумала. Отражение продолжало улыбаться. Оно не ответило. Лишь чуть склонило голову набок, словно изучало меня с любопытством, а потом медленно подняло взгляд куда-то мне за спину.

Именно в этот момент я поняла, что в лаборатории больше не одна.

— Положи зеркало, — спокойный, холодный голос прозвучал совсем рядом.

Я вздрогнула так сильно, что едва не выронила осколок. Подняла глаза.

Ксайдер стоял всего в нескольких шагах, возникнув из клубящегося дыма настолько бесшумно, будто все это время был здесь и просто терпеливо ждал, когда я наконец посмотрю в его сторону. Его черный комбинезон выглядел безупречно. Ни единой царапины. Ни единой складки. Ни пылинки. На фоне разрушенной лаборатории, мигающих аварийных ламп и людей, приходящих в себя среди обломков, он казался чем-то совершенно чужим этому хаосу. Словно разрушение мира не имело к нему никакого отношения. Словно единственное, что действительно интересовало его сейчас... была я.

— Всё, шоу окончено, Змеиная Королева, — произнёс он, и его голос был странно плоским, лишённым привычной ядовитой насмешки.

Я даже не заметила, как он оказался рядом. Только что между нами оставалось несколько метров, заваленных обломками, клубами дыма и искрящимися кабелями, а в следующую секунду он уже стоял надо мной. Ни шагов. Ни шелеста одежды. Ничего. Будто пространство просто решило сократить расстояние между нами. Его черный комбинезон выглядел неправдоподобно чистым. Комбинезон выглядел так, будто хаос лаборатории его вовсе не коснулся. Ни клочка пыли. Будто хаос, который только что уничтожил половину лаборатории, по какой-то причине решил его не касать-

ся. На фоне дыма, разбитого стекла и мигающих аварийных ламп он казался чем-то чужеродным. Спокойным. Собранным. Будто заранее звавшим, чем всё закончится.

Я попыталась отползти назад, но тело не послушалось. Мышцы словно принадлежали кому-то другому. Мир продолжал покачиваться перед глазами, а воздух все еще пах паленым пластиком, кровью и озоном. Именно в этот момент его рука резко опустилась вниз.

Он схватил меня за запястье.

Прямо поверх знака змеи.

Пальцы сомкнулись неожиданно сильно, почти болезненно, и я не смогла сдержать короткий судорожный вдох. Казалось, он не просто держал меня — пытался остановить что-то, что продолжало просыпаться под моей кожей. От его ладони исходил странный холод. Не ледяной, а глубокий, металлический, будто я прикоснулась к корпусу давно работающего двигателя. Символ под кожей тут же вспыхнул ослепительным жаром, отвечая на его прикосновение резкой болью. Она прокатилась по всей руке до самого плеча, заставив меня зажмуриться.

— Ты только что превратила оборудование стоимостью почти в три миллиона кредитов... в очень дорогую грудку металлолома, — произнес Ксайдер почти устало, не сводя взгляда с моего запястья. Последние слова он выдохнул едва слышно, словно стоимость уничтоженной лаборатории сейчас волновала его меньше всего.

Я зажмурилась, ожидая взрыва гнева, удара, чего угодно. Но в его голосе, в его стремительных действиях было что-то другое... Срочность. Расчет? Облегчение, что нашел?

Я подняла голову и впервые увидела его настолько близко. Между нами оставалось всего несколько сантиметров. Я различала тонкий шрам-полумесяц на его скуле, каждую светлую ресницу, едва заметное напряжение челюсти. Его дыхание оставалось удивительно ровным, словно происходящее вокруг не имело над ним никакой власти. Но глаза... глаза изменились.

Я замерла.

Золотые радужки дрогнули.

Сначала мне показалось, что это просто игра света аварийных ламп. Потом его зрачки начали медленно сужаться. Не так, как человеческие зрачки реагируют на яркость. Иначе. Они вытянулись, превращаясь в тонкие вертикальные щели.

Точно такие же...

как мои.

По позвоночнику пробежал ледяной холод.

Нет.

Этого не может быть.

Я судорожно перевела взгляд с его глаз на собственное отражение в осколке стекла, все еще лежавшем рядом. Там были такие же зрачки.

Две одинаковые пары глаз.

Наши глаза были одинаковыми. До пугающей степени.

Он заметил, что я это увидела.

Уголок его губ едва заметно дернулся.

Не улыбка.

Скорее раздражение человека, которого поймали на том, что он тщательно скрывал долгие годы.

Он резко наклонился еще ближе. Теперь между нашими лицами оставалось не больше нескольких сантиметров. Я чувствовала холод его дыхания на своей коже.

— Слушай очень внимательно, — прошептал он так тихо, что его голос почти растворился в потрескивании искрящихся кабелей. Со стороны могло показаться, будто он просто проверяет мое состояние после аварии. Но каждое слово предназначалось только мне. — Сейчас ты сделаешь именно то, что я скажу.

Я продолжала молча смотреть на него.

Не понимая.

Не доверяя.

Не отводя взгляда.

— Если хочешь пережить сегодняшний день, — продолжил он почти беззвучно, и впервые за все время его голос стал по-настоящему жестким, — прямо сейчас потеряй сознание.

Я непонимающе нахмурилась.

— Что?..

— Притворись, — перебил он мгновенно. Его пальцы

чуть сильнее впились в мое запястье, словно пытались вернуть меня в реальность. — Немедленно.

Я даже не шелохнулась.

Он тихо выдохнул сквозь зубы.

— Или я помогу тебе это сделать.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

Вокруг продолжали бегать медики.

Кто-то кричал.

Кто-то вызывал аварийные службы.

Но весь этот шум будто существовал где-то очень далеко.

Остались только его глаза.

И моя рука в его ладони.

— Почему?... — наконец прошептала я, сама удивившись тому, насколько слабо прозвучал собственный голос. — Что происходит?..

На мгновение в его лице что-то изменилось.

Совсем чуть-чуть.

Словно он боролся с желанием вообще ничего не объяснять.

Потом его взгляд метнулся куда-то мне за спину.

— Черт...

Я машинально прислушалась.

И только тогда поняла, что за шум слышала все это время.

Это были не медики.

Не преподаватели.

Не студенты.

Тяжелые, идеально синхронные шаги раздавались где-то в дальнем конце лаборатории. Размеренные. Военные. Металлические подошвы одновременно ударяли о пол с такой точностью, будто двигался один огромный механизм. Следом донесся сухой треск раций.

— Сектор очищен.

— Цель предположительно находится внутри.

— Периметр замкнуть.

— Разрешение на применение протокола получено.

Каждая фраза звучала холодно.

Без единой эмоции.

По коже побежали мурашки.

Ксайдер снова посмотрел мне прямо в глаза.

— Если они увидят тебя сейчас... — произнес он почти беззвучно, и впервые за все время нашего знакомства я услышала в его голосе не презрение и не насмешку, а самую настоящую срочность. — ...тебя увезут в Лабораторию Ноль.

Он сделал короткую паузу.

Хватка стала жестче.

— И обратно ты уже никогда не вернешься.

В этот момент взгляд сам собой упал на зеркальный осколок, все еще лежавший рядом. В зеркальном осколке вновь мелькнул высокий силуэт с кадущем. Она едва заметно склонила голову, словно подтверждая каждое сказанное Ксайдером слово. А затем все вокруг начало расплываться.

Последнее, что я увидела, прежде чем сознание снова уто-

нуло в темноте, были его золотые глаза с вертикальными зрачками, в которых впервые читалась не холодная насмешка, а напряженное ожидание. Его рука все еще крепко удерживала мое запястье поверх пылающего символа змеи, будто он не позволял чему-то внутри меня окончательно вырваться наружу. И уже проваливаясь в беспамятство, я успела подумать только об одном:

Почему человек, который должен ненавидеть меня больше всех, только что пытался спасти мне жизнь?

Я очнулась резко, словно кто-то выдернул меня со дна ледяного озера за волосы. Воздух с хрипом ворвался в лёгкие, грудь болезненно вздрогнула, а сердце ударило так сильно, что на мгновение потемнело в глазах. Несколько секунд я просто лежала неподвижно, пытаюсь понять, где нахожусь. Белый потолок. Идеально ровный. Ни единой трещины. По нему медленно скользили холодные полосы света от встроенных ламп, отчего казалось, будто сама комната бесшумно движется. Воздух пах антисептиком, стерильным пластиком и чем-то сладковатым, лекарственным. Этот запах мгновенно напомнил мне приют, больничное крыло после очередной драки и бесконечные перевязки, когда медсестра ворчала, что однажды я останусь без головы. Во рту ощущался густой металлический привкус крови. Губы стянуло запекшейся коркой, язык неприятно царапал внутреннюю сторо-

ну щеки, а в висках тупо, тяжело пульсировала боль, отдавая куда-то под затылок. Казалось, кто-то методично забивал внутрь головы длинные металлические штыри.

Память накрыла неожиданно. Даррен. Купол. Трещины. Голос системы. Тень с кадуцеем. Ксайдер. Мои глаза.

Я резко села на кровати. И тут же пожалела об этом.

Рёбра будто сдавили раскалёнными тисками, перед глазами вспыхнули белые круги, а желудок болезненно сжался. Пришлось вцепиться пальцами в край койки, чтобы снова не потерять сознание. Дышать получалось короткими, осторожными вдохами. Каждое движение отзывалось ломотой во всём теле, словно меня несколько часов подряд били арматурой. Игнорируя боль, я первым делом судорожно натянула рукава комбинезона до самых пальцев. Сердце колотилось где-то в горле, пока я ощупывала ткань. Целая. Ни прожжённых дыр, ни следов расплавленной материи, которые я так отчётливо помнила. Осторожно приподняв край рукава, я заглянула внутрь. Змея снова пряталась под кожей, будто никогда не вспыхивала ослепительным светом. Только кожа вокруг казалась чуть темнее обычного, словно символ впитался ещё глубже. Я медленно выдохнула, сама не понимая, почему почувствовала облегчение. Всё это могло оказаться галлюцинацией после перегрузки симулятора... если бы внутри не жило отчётливое ощущение, что теперь моё тело стало другим.

— Ты удивительно живучая, — раздался знакомый, уста-

лый голос из угла, где царила тень.

Я вздрогнула так резко, что биоповязка на боку болезненно натянулась. Только сейчас я заметила, что в комнате есть кто-то ещё. В самом дальнем углу, возле огромного панорамного окна, где тень почти полностью съедала свет, сидел Оливер. Он устроился прямо на широком подоконнике, привычно поджав одну ногу, будто это была не стерильная палата Академии, а крыша старого приюта. Его широкие плечи Козерога почти полностью закрывали лунный свет, и вокруг его силуэта серебрилась тонкая световая кайма. Обычно он казался большим, надёжным и каким-то по-домашнему тёплым. Сейчас же выглядел так, словно постарел лет на десять за один день. Под глазами пролегли тёмные тени, волосы были взъерошены, а на подбородке проступала усталая щетина. Он молча крутил что-то между пальцами, не поднимая головы. Только спустя несколько секунд я поняла, что именно.

Мой медальон.

Тот самый осколок зеркала матери, который я носила на шее столько лет, словно последнюю ниточку, связывающую меня с прошлым. Он медленно вращался между его пальцами, ловя холодный лунный свет. Но теперь зеркало изменилось. Поперёк гладкой поверхности проходили три глубокие царапины. Не случайные. Не похожие на следы удара. Они были слишком ровными, слишком длинными, будто кто-то медленно провёл по стеклу огромными когтями, оставив на нём собственную подпись. Когда медальон поворачивался

под другим углом, мне на секунду показалось, что внутри этих борозд едва заметно мерцает знакомое голубоватое свечение.

Я невольно протянула руку.

— Не... — слова застряли в горле.

Боль ударила так резко, что дыхание оборвалось. Казалось, кто-то всадил раскалённый нож прямо между рёбрами. Я тихо ахнула и согнулась пополам, прижимая ладонь к боку. Под тонкой биоповязкой кожа странно пульсировала. Это была не боль. Скорее ощущение движения. Медленного. Терпеливого. Будто под кожей что-то ползло, осторожно меняя своё положение. Я отчётливо чувствовала, как символы, скрытые под бинтами, продолжают жить собственной жизнью. Они не просто существовали. Они перестраивались. Переплетались между собой, складываясь в новые линии, которых раньше не было.

Оливер тяжело выдохнул. Этот звук напоминал шипение перегретого металла, который резко опустили в холодную воду. Он медленно поднялся с подоконника, подошёл ближе и без единого слова вложил медальон мне в ладонь. Его пальцы на секунду задержались поверх моих, словно он хотел убедиться, что я действительно здесь.

— Расслабься, Эл, — тихо произнёс он, стараясь говорить спокойно, хотя усталость сквозила в каждом слове. Он провёл ладонью по затылку, бросил быстрый взгляд на дверь палаты и только потом снова посмотрел на меня. — Никто не

видел... того, что произошло внутри. По крайней мере, не так, как видел это ты. Когда купол рванул, половину обзора перекрыл аварийный дым, потом сработали протоколы безопасности. Студентов эвакуировали почти вслепую. Многие вообще решили, что симулятор просто перегружился. — Он криво усмехнулся, но улыбка мгновенно исчезла. — Хотя система всё равно успела зафиксировать такой энергетический скачок, что половина оборудования просто сгорела нахрен. Датчики оплавилась. Мониторы вырубались. Несколько серверов до сих пор дымится. Каин бежит по Академии с таким лицом, будто лично застал конец света, и уже третий час пишет отчёт директору. Так что... — он коротко кивнул на почерневший монитор жизненных показателей в углу палаты, экран которого всё ещё был покрыт сетью мелких трещин, — готовься. Очень скоро тебя захотят увидеть люди, которым крайне не понравится, что их дорогая игрушка взорвалась у тебя под ногами.

Символ вновь едва заметно дрогнул.

Тёплая волна прокатилась по запястью, поднимаясь выше, к локтю.

Сердце забилося быстрее.

Я стиснула зубы.

— Даррен?.. — выдавила я наконец, сама удивившись тому, насколько чужим прозвучал собственный голос.

Оливер коротко хмыкнул, опёрся бедром о край кровати и впервые за всё время позволил себе усмехнуться. Но даже

эта усмешка получилась какой-то усталой.

— Живой. К сожалению, — ответил он негромко, качнув головой. — Он сейчас валяется в специзоляторе для буйных. Перелом нижней челюсти, два выбитых зуба, сильное сотрясение и, кажется, капитально обосранное чувство собственного величия. Говорит, что ты плюнула ему в лицо кислотой. Клянётся, что видел, как у тебя светились глаза, а потом изо рта полилась синяя дрянь, которая прожгла ему кожу. Его уже второй час пытаются убедить, что это последствия перегрузки симулятора. Только знаешь, что самое смешное? — Оливер поднял на меня тяжёлый взгляд и медленно покачал головой. — Он сам себе не верит. Потому что понимает... никакая кислота не заставила бы его смотреть на тебя так, будто он увидел настоящего монстра. — Он сделал короткую паузу, внимательно вглядываясь мне в лицо. — Но мы-то с тобой знаем, Эл... настоящая проблема вовсе не в Даррене. Правда?

Он неожиданно поднялся со стула и сделал несколько медленных шагов ко мне. Обычно Оливер двигался уверенно, шумно, как человек, привыкший занимать собой всё пространство комнаты. Сейчас же он шел почти бесшумно, словно боялся потревожить не меня, а что-то невидимое, поселившееся рядом со мной. Он остановился возле кровати, долго смотрел мне в лицо, будто пытался убедиться, что перед ним действительно я, а не кто-то, занявший мое место. Потом очень осторожно, почти неуверенно, поднял руку и

кончиками пальцев убрал с моего лба влажную прядь волос. Его ладонь была большой, теплой, покрытой старыми мозолями и мелкими шрамами, оставшимися после бесконечных тренировок и драк. Обычно эти руки ломали чужие носы, разбивали кулаки о стены или вытаскивали меня из неприятностей. Сейчас же они коснулись моего лица так бережно, будто я могла рассыпаться от одного неосторожного движения.

— Эл... — тихо произнес он, и впервые за долгие годы я услышала, как дрогнул его голос. Он сглотнул, продолжая внимательно смотреть мне в глаза, словно надеялся, что ошибся. — Твои глаза... они всё ещё... — договорить он не смог. Слова застряли где-то в горле. Его брови медленно сошлись на переносице, дыхание стало тяжелее. Я видела, как напряглась его челюсть. Он пытался сохранить спокойствие. Пытался выглядеть так же уверенно, как всегда. Но слишком хорошо знала этого человека. За двенадцать лет рядом с ним я научилась замечать даже самые маленькие трещины в его самообладании. Сейчас он был напуган. По-настоящему.

Я резко отвернулась, почти вжимаясь щекой в холодную подушку, словно ткань могла спрятать меня от его взгляда. Сердце глухо ударилось о ребра. Поздно. Он уже всё увидел. Всё то, что несколько минут назад показал мне зеркальный осколок. Глаза продолжали светиться ровным холодным синим светом, похожим на мерцание терминала с почти разряженной батареей. Этот свет не становился ярче и не уга-

сал. Он просто существовал, будто всегда был частью меня. А зрачки... Я чувствовала их, даже не глядя в зеркало. Узкие, вытянутые вертикальные щели, окруженные тонким золотым кольцом. Точно такие же... как у Ксайдера. От одной этой мысли по спине пробежал холод. Перед глазами снова всплыло его лицо, его слишком спокойный взгляд и шепот возле самого уха: *«Если они увидят твои глаза сейчас...»* Я судорожно зажмурилась, словно это могло что-то изменить.

— Не смотри на меня... — прошептала я хрипло, сама удивившись тому, насколько слабо прозвучал собственный голос. — Пожалуйста, Олли... просто... не смотри. — Последние слова сорвались почти беззвучно. Мне вдруг стало страшно. Не из-за Академии. Не из-за директора. Не из-за Лаборатории Ноль. А из-за того, что я могла увидеть в глазах единственного человека, который никогда не отворачивался от меня. Отвращение. Страх. Недоверие.

Оливер молчал несколько долгих секунд. Потом тяжело опустился на край кровати. Матрас едва заметно прогнулся под его весом. Я почувствовала, как его ладонь осторожно легла мне на плечо.

— Эй... — тихо сказал он, большим пальцем машинально проводя по ткани комбинезона. — Посмотри на меня. Хоть раз. — Он дождался, пока я нехотя поверну голову, и только тогда криво усмехнулся. Улыбка получилась усталой, но удивительно теплой. — Думаешь, я сейчас испугаюсь каких-то глаз? Серьезно? После того, как ты в одиннадцать лет при-

тащила домой бешеную дворовую псину и два дня убеждала меня, что она "очень добрая", пока эта зараза не сожрала мои ботинки? Или после того, как ты подожгла мусорный бак, потому что хотела проверить, "горит ли мокрый картон"? — Он тихо фыркнул, качнув головой. — Эл... я видел тебя грязной, злой, голодной, избитой, пьяной от энергетиков, с температурой под сорок, после десятков драк. Видел, как ты рыдала ночью, думая, что никто не слышит. И видел, как ты закрывала меня собой, когда тебе самой было страшно до усрачки. После всего этого какие-то светящиеся глаза — самая незначительная проблема из всех возможных.

Я непроизвольно усмехнулась. Совсем чуть-чуть. Губы дрогнули сами собой.

— Даже если я... — слова давались тяжело. — Даже если я перестану быть человеком?

Он посмотрел на меня так, словно я только что сморозила самую большую глупость в жизни.

— Тогда станешь первым в мире монстром, которого я буду кормить шоколадками, — буркнул он почти обиженно. — И если кто-нибудь решит тебя пристрелить, ему сначала придется объяснить это мне. А потом уже можно будет начинать собственные похороны.

Я тихо хмыкнула, но ответить не успела.

Шаги за дверью — быстрые, чёткие, не медперсонала — заставили Оливера мгновенно отпрянуть. Его лицо стало каменной маской, поза — привычной позой телохранителя,

ожидающего приказа. Вошедший врач в безупречно белом халате даже не взглянул на меня. Механически пробормотал про «анализы в пределах нормы для зодиария после стресс-теста» и «три дня строгого отдыха в камере». Его глаза были пустыми, как у рыбы.

Когда дверь закрылась, Оливер выдохнул — звук был похож на спуск воздуха из шины.

— Видишь? — тихо произнес Оливер, устало потеряв лицо ладонями. Его голос звучал глухо, словно за последние несколько часов он успел сорвать его десятком бессмысленных споров. Он коротко кивнул в сторону двери, за которой только что исчез врач, затем перевел взгляд на потухший монитор, покрытый сетью трещин, и горько усмехнулся. — Они снова ничего не поняли. Система разваливается к чертовой матери, половина лаборатории напоминает место падения астероида, оборудование сгорело так, что его теперь только на металлолом сдавать, Каин уже который час пишет директору какую-то вылизанную хрень про "критическую перегрузку симулятора"... — Он покачал головой, невесело хмыкнув. — Для них это просто очередной технический сбой. Еще один день в Академии. Еще один отчет. Еще одна галочка в системе. — Он хотел сказать что-то еще, но замолчал. Его взгляд медленно поднялся к моему лицу, задержался на глазах чуть дольше, чем следовало, и я увидела то, чего он так старательно пытался не показывать. Страх. Не тот страх, который заставляет бежать. Дру-

гой. Тихий. Холодный. Страх человека, который понимает, что пока все действительно обошлось... но слово «пока» висит между нами тяжелее любого приговора. Пока они ничего не заметили. Пока никто не сложил два и два. Пока.

Я ничего не ответила. Просто сидела, ощущая, как под бинтами медленно, почти лениво, продолжают двигаться символы. Это было самое жуткое. Они не болели. Не чесались. Не жгли. Они... жили. Я чувствовала, как тонкие линии под кожей едва заметно ползут, переплетаются между собой, расходятся, снова соединяются, будто кто-то невидимый продолжал рисовать на моем теле карту, смысл которой был известен только ему одному. Иногда движение становилось сильнее, и тогда по позвоночнику проходила короткая теплая волна, заставляя мышцы непроизвольно вздрагивать. Иногда всё затихало, но лишь затем, чтобы через несколько секунд начать заново. Будто символы отвечали не на мои мысли, а на какой-то беззвучный зов, которого я пока не могла слышать. И именно в этот момент, пока я сидела в белой стерильной палате, слушая гул вентиляции и размеренное дыхание Оливера, до меня наконец дошло то, чего я не понимала все эти годы.

Я ошибалась.

Все это время я ненавидела Академию. Считала ее чудовищем. Думала, именно она была источником всего зла, местом, где сильные пожирают слабых, а человеческая жизнь стоит меньше рейтинга знака Зодиака. Но сейчас, вспоминая

испуганные лица студентов, растерянность преподавателей, хаос в лаборатории и вой системы, которая сама не понимала, что происходит, я вдруг увидела совсем другую картину. Академия не управляла этим. Она пыталась удержать это. Все эти бесконечные правила, испытания, ранги, дисциплина, изоляция, контроль, распределение по знакам... Всё это вдруг перестало казаться системой обучения. Это была клетка. Огромная, идеально построенная клетка, в которой поколениями выращивали самых опасных существ этого мира. Львов, Скорпионов, Козерогов, Стрельцов... Они считали себя вершиной пищевой цепи. Они сражались друг с другом, соревновались, ненавидели друг друга, мечтали стать сильнейшими. Но никто из них даже не подозревал, что клетка строилась вовсе не ради них.

Потому что настоящий хищник всё это время спал.

И, кажется...

сегодня он открыл глаза.

Я сама не заметив вспомнила Ксайдера. Его лицо возникло перед глазами так отчетливо, будто он по-прежнему стоял рядом с моей кроватью. Золотые глаза. Шрам-полумесяц на скуле. Холодное дыхание. Его пальцы, до боли сжимавшие мое запястье поверх знака змеи. И тот шепот, который слышала только я: *«Потеряй сознание. Сейчас же.»* Если бы он хотел избавиться от меня, у него было достаточно возможностей. Он мог позвать охрану. Мог сообщить директору. Мог просто ничего не делать и позволить им увидеть мои глаза.

Но вместо этого он закрыл меня собой. Выиграл для меня время. Почему? Из жалости? Нет. Это слово совершенно не подходило Ксайдеру. Из доброты? Еще смешнее. Такие люди не рискуют собой ради незнакомых девушек. Значит, причина была другой. Он уже видел нечто подобное. Или... знал, что именно проснулось во мне. Он слишком быстро понял происходящее. Слишком быстро принял решение. Слишком уверенно говорил о Лаборатории Ноль. Такие знания не появляются случайно.

А значит, Ксайдер знал гораздо больше, чем показывал.

И он почему-то решил сохранить меня.

Не обязательно ради меня.

Возможно...

ради чего-то гораздо большего.

Я медленно опустила взгляд на медальон матери, все еще лежавший в моей ладони. Пальцы сами собой сжались сильнее, и острые края впились в кожу так глубоко, что выступили маленькие алые капли крови. Я почти не почувствовала боли. Всё внимание было приковано к трем глубоким царапинам, пересекавшим поверхность зеркального осколка. Я машинально провела по ним большим пальцем, и в ту же секунду между лопаток вспыхнуло знакомое жжение. Настолько сильное, что дыхание перехватило. Я замерла. Осторожно повторила движение еще раз. И снова почувствовала тот же отклик. Словно линии на медальоне и линии, выжигаемые сейчас под моей кожей, были частью одного и того же рисун-

ка. Одной схемы, когда-то разорванной на части. Совпадение? Нет. После всего, что произошло, я больше не верила в совпадения.

Кто-то очень давно.

Очень тщательно.

Очень последовательно.

Сделал всё, чтобы эта история никогда не сложилась воедино. Символы были спрятаны. Легенды превратились в сказки. Одни воспоминания стерли, другие исказили, третьи объявили безумием. Кто-то вырывал кусок за куском из огромной картины, надеясь, что однажды никто уже не вспомнит, какой она была целиком.

Но было уже поздно.

Пазл складывался сам.

Без моего желания.

Без моего участия.

Каждый новый день приносил еще один кусочек. Каждый символ, каждое слово Ксайдера, каждая странная реакция системы, каждая новая боль под кожей становились частью одного огромного рисунка, который медленно проявлялся прямо у меня на глазах.

И чем яснее становилась эта картина...

тем страшнее было осознавать одну простую вещь.

Я больше не искала ответ.

Я сама была тем самым недостающим фрагментом, без которого вся история оставалась незавершенной.

Тем центральным, горящим осколком, вокруг которого когда-то и был построен весь этот мир.

Глава 8

ЭЛИКСИЯ

«Ты думаешь, они не видят твоих знаков?» – прошептал ночной ветер в разбитое окно медблока. Он пробирался сквозь полимерную заплатку, свистя в щели, холодный и настойчивый. «Они просто ждут, когда ты покажешь их сама. Как приманку. Как оправдание.»

Я вздрогнула и инстинктивно прижала медальон к груди так сильно, что холодный металл болезненно впился в кожу сквозь тонкую ткань больничной рубашки. Он всегда был ледяным. Всегда. Даже летом, даже когда целый день висел у меня на шее, согреваясь от тепла тела. Но сейчас холод казался другим. Не физическим. Глубоким, почти живым. Три свежие царапины, пересекавшие потускневшее зеркало, неприятно впивались в ладонь острыми краями, будто пытались прорезать кожу и добраться до крови. Я машинально провела по ним большим пальцем и тут же одернула руку. На секунду показалось, будто металл ответил легкой вибрацией. Будто где-то очень глубоко внутри медальона что-то откликнулось на мое прикосновение. Это было невозможно. Просто нервы. Просто усталость после симуляции. После взрыва. После этих проклятых глаз. После слов Ксайдера.

Ветер лгал.

Он обязан был лгать. Другого объяснения просто не существовало.

Я повторила эту мысль про себя еще раз, потом еще, будто заклинание действительно могло заглушить тревогу, но слова рассыпались, не успев обрести силу. Они падали в уже проросший страх, как семена в рыхлую землю. После симуляции этот страх перестал быть чем-то абстрактным. Он стал настоящим. Материальным. Я чувствовала его почти физически — тяжелым камнем под ребрами, холодной рукой, медленно сжимающей сердце. Перед глазами снова вспыхнули трещины на куполе, синие глаза в отражении, голос системы, шепот Ксайдера возле самого уха.

"Если они увидят твои глаза..."

Я судорожно сглотнула.

Оливер ушел всего час назад.

Он обещал принести нормальную еду вместо больничной дряни, раздобыть хоть какие-то новости и узнать, что происходит после аварии в лаборатории. Обычно его отсутствие никогда не пугало меня. Я знала, что он вернется. Всегда возвращался. Даже когда нам было по двенадцать, и он уходил воровать лекарства или еду. Даже когда однажды не вернулся до самого утра, избитый почти до полусмерти, он все равно вернулся. Но сегодня палата казалась слишком большой без него. Белые стены стали холоднее. Тишина — гуще. Пространство вокруг казалось расширилось, оставляя меня одну посреди чего-то огромного и безразличного. Каждая мину-

та тянулась мучительно долго. Я уже несколько раз ловила себя на том, что прислушиваюсь к каждому шагу за дверью, надеясь услышать знакомую тяжелую походку.

Под биоповязкой между лопаток снова что-то медленно шевельнулось. Я замерла. Движение было едва уловимым. Совсем не похожим на боль.

Скорее... как если бы кто-то осторожно проводил горячим кончиком пальца по внутренней стороне кожи, соединяя невидимые линии. Потом еще раз. И еще. Треснувший круг Зодиака под повязкой пульсировал в одном ритме с сердцем. Каждое сокращение отдавалось теплом, которое медленно расходилось по позвоночнику. Змея на запястье, скрытая рукавом, будто тоже ожила. Иногда мне казалось, что она слегка меняет положение. Совсем немного. На долю миллиметра. Но этого хватало, чтобы волосы на затылке вставали дыбом.

Я осторожно потянулась к тумбочке. Там лежал осколок зеркала. Того самого.

Я долго смотрела на него, не решаясь взять в руки. Наконец пальцы сомкнулись вокруг холодного стекла. Медленно поднимая его к лицу, я всмотрелась в собственное отражение.

Глаза были обычными. Серо-голубыми. Уставшими.

Под ними залегли темные круги, кожа казалась почти прозрачной, а губы все еще оставались бледными после потери крови. Ни синего свечения. Ни вертикальных зрачков. Ни золотого кольца вокруг радужки.

Ничего. Нормальное лицо. Нормальная девушка.

Так почему же мне было страшнее, чем тогда, когда мои глаза действительно горели?

Я не понимала. Словно какая-то часть меня уже знала: отражение больше не заслуживает доверия. Оно может показывать то, что захочет. Или скрывать.

Я медленно опустила зеркало, но ощущение чужого взгляда не исчезло. Казалось, кто-то продолжал смотреть на меня с другой стороны стекла, терпеливо ожидая, пока я отвернусь.

В палате стало холоднее. Я подняла голову.

Лунный свет, падавший через высокое окно, раньше был ровным. Теперь он изменился. Полимерная заплатка на треснувшем стекле преломляла лучи иначе, и серебристое пятно на потолке постепенно вытягивалось, приобретая странную форму. Сначала я решила, что мне кажется. Потерла глаза. Моргнула несколько раз.

Но пятно продолжало меняться. Две тонкие линии. Перекрестие. Крылья. Переплетающиеся змеи. Кадуцей.

Тот самый жезл. Тот самый силуэт. Тот самый символ, который я уже видела внутри зеркального осколка во время пробуждения.

У меня пересохло во рту.

— Нет... — прошептала я едва слышно, не сводя взгляда с потолка.

В следующую секунду я крепко зажмурилась.

До боли. До цветных пятен перед глазами. Будто если перестать смотреть, всё исчезнет.

Именно тогда я услышала голос. Не ушами.

Он возник где-то глубоко внутри грудной клетки, заставив вибрировать ребра.

Будто мои собственные кости внезапно стали музыкальными струнами, по которым кто-то медленно провел ледяными пальцами.

— **Открывай глаза... Спящая.**

Холодный. Спокойный. Слишком древний, чтобы принадлежать человеку.

Я резко распахнула глаза. Кадуцей исчез. Потолок снова стал обычным. Но легче не стало. Потому что теперь тень стояла напротив. Не на потолке. На стене.

Лунный свет очерчивал высокий силуэт в длинном плаще, который медленно колыхался, хотя воздух в палате был совершенно неподвижен. Капюшон скрывал лицо, превращая голову в темное пятно без черт, но вокруг нее подрагивали острые выступы, похожие то ли на корону из костей, то ли на длинные шипы. Правая рука уверенно сжимала длинный жезл, вокруг которого извивались две змеи. Их силуэты двигались независимо друг от друга, хотя прекрасно понимали, что передо мной была всего лишь тень.

Или...

не тень.

— **Они уже идут,** — голос снова прозвучал прямо в со-

знании, не нарушая тишины палаты. — Каин. Директор. Те, кто наблюдает из темноты. Их слишком много, чтобы помнить имена каждого. Они называют себя хранителями порядка. На самом деле они лишь сторожа чужой клетки.

По позвоночнику пробежал ледяной холод.

Я не могла пошевелиться.

— Они знают о Протоколе Тринадцать. Знают, что он откликнулся. Знают, что ты прикоснулась к нему. Их приборы уже собирают следы оставшейся энергии. Они просматривают записи. Перебирают данные. Строят модели. Они чувствуют, что произошло нечто невозможное... но пока еще не понимают — что именно.

Тень медленно наклонила голову. Очень медленно. Неестественно. Как если бы человеческая шея не могла двигаться под таким углом.

— Они не ищут тебя. Пока нет. Им нужна карта. Карта феномена. Карта пробуждения. Они будут ждать следующего выброса. Следующей ошибки. Следующего шага. Добровольно ты откроешься им... или они заставят тебя сделать это.

Я почувствовала, как губы сами собой разомкнулись.

Вопрос сорвался прежде, чем я успела его остановить.

Кто... ты?..

Тишина длилась несколько мучительно долгих секунд.

Потом фигура слегка качнулась вперед. И впервые в голосе появилось что-то похожее на...

печаль.

— Ты носишь мои знаки. Моё имя давно исчезло из ваших книг. Моё лицо стерли из ваших храмов. Моё созвездие вырезали из самого неба. Но память нельзя убить окончательно. Пока существует носитель. Пока существует кровь. Пока существует ключ.

Мне показалось, что воздух вокруг стал тяжелее.

Дышать было трудно. Очень трудно.

— Ты — ключ.

Последние слова прозвучали почти ласково.

— Имя придёт позже...

Тень медленно подняла жезл.

— А сейчас... смотри.

Фигура в плаще медленно подняла руку, и пространство вокруг дрогнуло, словно кто-то бросил камень в гладь черного озера. Белые стены палаты поплыли, растворяясь в серебристой дымке, лунный свет рассыпался тысячами мерцающих искр, а пол под ногами перестал ощущаться твердым. Я больше не понимала, стою я или падаю. Перед глазами возникали и исчезали чужие силуэты, обрывки коридоров, вспышки голограмм, холодные металлические двери. Всё это мелькало так быстро, что мозг не успевал цепляться за детали, пока наконец мир не застыл в одном-единственном месте.

Высокие стены уходили куда-то в темноту, растворяясь под сводчатым потолком. Вдоль них медленно текли тонкие синие жилы энергии, похожие на кровь, бегущую по венам огромного живого организма. В центре помещения стоял массивный стол из черного минерала, поверхность которого отражала свет так слабо, будто была вырезана из куска космоса. Сам директор сидел неподвижно, скрытый густой тенью. Свет точно намеренно обходил его стороной. Я не могла различить ни глаз, ни выражения лица, только силуэт длинных пальцев, спокойно сложенных перед собой. Напротив него зависла полупрозрачная голограмма Каина. Его стальной глаз медленно вращался внутри металлической глазницы, тихо потрескивая электричеством, а вокруг парили десятки голографических окон с диаграммами, схемами ДНК и энергетическими графиками.

— Неклассифицированный энергорезонанс подтверждён, — ровным, почти механическим голосом произнёс Каин, проводя рукой по зависшему перед ним интерфейсу. Несколько окон исчезли, уступая место новой модели человеческого тела, испещрённой светящимися линиями. В самом центре изображения алым светом горела надпись: **НОСИТЕЛЬ 017**. — Остаточная активность превышает расчётные значения в семьдесят четыре раза. Источник нестабилен. Природа неизвестна.

Директор молчал. Только медленно постукивал пальцами по поверхности стола. Тук. Тук. Тук. Этот звук неожиданно

оказался громче любого крика.

— Рекомендации? — наконец спросил он спокойно, не повышая голоса.

— Постоянное наблюдение, — без колебаний ответил Каин, и платиновый глаз вспыхнул ярче. — Максимальный уровень мониторинга. Анализ каждой энергетической аномалии. Сканирование физиологических изменений. Отслеживание контактов. Мы уже начали строить динамическую модель развития феномена.

Несколько секунд в кабинете стояла тишина. Затем Каин снова коснулся интерфейса, и над столом всплыло ещё одно изображение. На этот раз — профиль Ксайдера.

— Дополнительная информация получена от старшего куратора Скорпионов, — продолжил он. — Ксайдер отмечает признаки контролируемой латентности. По его мнению, объект не осознаёт истинного масштаба изменений.

Директор слегка наклонил голову.

— Извлечение?

Каин отрицательно качнул головой.

— Не рекомендуется.

— Изоляция?

— Презждевременна.

Директор снова замолчал. Потом медленно поднялся со своего места. Я так и не увидела его лица — тьма продолжала скрывать каждую черту, словно сама не желала позволить мне запомнить его. Он подошёл к огромному пано-

рамному окну, за которым клубились облака, освещённые синим светом энергокупола Академии, и тихо произнёс:

— Тогда наблюдайте.

Его голос прозвучал настолько спокойно, что по спине пробежал холод.

— Не вмешивайтесь. Не пугайте её. Пусть развивается естественно.

Каин коротко кивнул.

— Приоритет?

— Максимальный.

— Лаборатория Ноль должна быть приведена в готовность?

— Пока нет.

Директор медленно повернулся обратно к голограмме.

— Если феномен действительно тот, о котором говорится в Архивах Глубокого Доступа... любая поспешность уничтожит десятилетия исследований.

У меня внутри всё оборвалось. Никто не говорил: **«убить»**. Никто не говорил: **«устранить»**. Они вообще не собирались меня уничтожать. Они собирались наблюдать. Изучать. Разбирать на части.

Как редкое явление природы. Как неизвестную форму жизни.

Картина плавно расплылась, словно её смыло водой, и почти сразу возникло новое изображение.

Даррен шагал по тренировочному коридору Академии,

размахивая руками так яростно, что медицинская повязка на его челюсти постоянно сползала набок. Рядом с ним шёл Стрелец — высокий парень с короткими тёмными волосами, сложивший руки на груди и слушавший с явным раздражением. Несколько Львов и Дев держались чуть поодаль, наблюдая за разговором с плохо скрываемым интересом.

— Я тебе, блядь, говорю, — Даррен сплюнул кровь в сторону и раздражённо вытер рот ладонью. — Она шарлатанка. Всё это была постановка. Не может пустышка взять и разнести симулятор к чёртовой матери!

Стрелец только насмешливо вскинул бровь.

— Правда? Тогда почему именно ты улетел через ползала, как мешок с картошкой?

По коридору прокатился смешок.

Даррен вспыхнул.

— Да потому что оборудование сошло с ума!

— Или потому что ты полез не к той девушке, — лениво заметил один из Львов.

— Заткнись!

Даррен резко ткнул пальцем в сторону лаборатории.

— Я докажу! Слышишь? Докажу, что она ничего не умеет! Она где-нибудь обязательно облажается. Я дождусь. Подловлю. Покажу всем, что это был дешёвый фокус!

Он сделал ещё шаг и неожиданно понизил голос.

— И ещё этот грёбанный Ксайдер...

Стрелец сразу насторожился.

— А что Ксайдер?

— Он её покрывает.

— С чего ты это взял?

Даррен зло усмехнулся.

— Потому что видел собственными глазами. Вместо того чтобы сдать её директору, он вывел её из лаборатории. Значит, знает больше остальных.

Стрелец долго молчал.

Потом негромко сказал:

— Тогда выясни почему.

— Выясню, — процедил Даррен сквозь зубы. — Даже если ради этого придётся перевернуть всю Академию.

И вновь всё рассыпалось.

Теперь передо мной раскинулся гигантский архив...

Архивы Глубокого Доступа вспыхнули перед глазами так резко, что у меня перехватило дыхание. Огромный круглый зал терялся где-то в полумраке, бесконечные стеллажи поднимались на десятки метров вверх, растворяясь под сводами, а между ними плавно парили светящиеся сферы памяти, древние кристаллы данных и сотни книг, которыми, казалось, было больше лет, чем самой Академии. В самом центре, на массивном каменном подиуме, освещённом узким лучом холодного белого света, стоял раскрытый фолиант толщиной едва ли не с человеческий торс. Потемневшие страницы были исписаны незнакомыми рунами, а по-

среди разворота занимала почти весь лист искусно выполненная иллюстрация: огромная серебряная змея, свернувшаяся кольцом вокруг расколотого зодиакального круга. Двенадцать привычных созвездий окружали трещину, из которой проступал едва заметный тринадцатый символ. Чернила будто были живыми — линии медленно мерцали холодным синим светом, словно рисунок реагировал на присутствие того, кто стоял рядом.

Ксайдер.

Он был один. И впервые с момента нашей встречи я увидела его совсем другим. Исчезла привычная ледяная невозмутимость, не осталось той ленивой уверенности, с которой он обычно смотрел на окружающих, словно заранее просчитывал каждый их шаг. Сейчас он двигался быстро. Слишком быстро для человека, привыкшего полностью контролировать каждое движение. Его длинные пальцы почти лихорадочно перелистывали пожелтевшие страницы одну за другой, иногда возвращаясь назад, словно он боялся случайно пропустить единственную строчку, способную всё объяснить. Он задерживался на рисунках всего на несколько секунд, затем резко хватался за лежащий рядом голо-планшет, быстро проводил по нему пальцами, открывая десятки древних схем, карт созвездий и архивных записей, сравнивал символы, делал короткие пометки и снова возвращался к книге. В его движениях не было паники. Но была отчаянная спешка человека, который вдруг понял, что время рабо-

тает против него.

Золотые глаза Ксайдера горели сосредоточенной яростью. Не той яростью, что рождается в драке, а той, что появляется, когда ответы находятся буквально в одном шаге, но ускользают снова и снова. Несколько раз он крепко сжал край страницы, и старая кожа переплёта жалобно затрещала под его пальцами. Он тихо выругался себе под нос — едва слышно, почти беззвучно, — после чего снова перевернул сразу несколько страниц, задержав взгляд на изображении тринадцатиконечной звезды. Его челюсть была напряжена так сильно, что на скулах проступили желваки. Он явно уже видел эти символы раньше. Не искал их впервые. Он пытался найти подтверждение тому, что уже давно подозревал.

— Нет... — почти неслышно произнёс он, качнув головой. Его голос прозвучал глухо, непривычно живо, без привычной холодной насмешки. — Здесь должно быть продолжение... Оно не могло исчезнуть.

Он быстро коснулся панели голо-планшета, и рядом с фолиантом вспыхнули сразу несколько древних голографических изображений. Одно за другим перед ним появлялись фрагменты старых карт звёздного неба, схемы человеческого тела, испещрённого зодиакальными символами, изображения кадуцея, треснувшего круга, серебряной змеи. Он почти одновременно смотрел сразу в несколько источников, пытаясь сложить их в единую картину. Будто решал го-

ловоломку, части которой кто-то намеренно разбросал по разным эпохам.

И только сейчас я вдруг поняла самое страшное.

Он не искал способ остановить меня.

Не искал оружие.

Не искал способ уничтожить то, что проснулось во мне.

Ксайдер искал понимание.

И это пугало гораздо сильнее любой угрозы.

Потому что если человек вроде него, который, казалось, знает об Академии всё, сейчас с такой отчаянной спешкой роется в древних архивах, значит... ответов у него тоже нет. Только вопросы. И один из этих вопросов — я.

Образы рассыпались так же внезапно, как появились. Кабинет директора, перекошенное от злости лицо Даррена, бесконечные архивы, склонённый над древним фолиантом Ксайдер — всё это раскололось на тысячи сияющих осколков, будто кто-то ударил молотом по огромному витражу. Они едва заметно закружились вокруг меня, отражая в своих гранях десятки чужих лиц, символов и созвездий, а затем один за другим растворились в воздухе. Мир снова стал похож на больничную палату, но ощущение реальности уже исчезло. Белые стены казались слишком далекими, лунный свет — слишком холодным, а тишина — слишком живой. Передо мной осталась только фигура в длинном плаще. Она больше не пряталась в глубине комнаты. Теперь нас разде-

ляло всего несколько шагов. Я не могла рассмотреть её лица — под капюшоном по-прежнему клубилась густая тень, словно вместо головы там существовал кусок самой ночи. Только кадуцей в её руке мерцал тусклым серебристым светом, а две змеи, обвивавшие древний жезл, казались почти живыми. Их тела еле заметно двигались, будто они дышали вместе со мной.

— Видишь? — голос прозвучал негромко, но от него дрогнул воздух. Он не раздался в ушах. Он прокатился где-то глубоко под грудиной, заставив откликнуться символы под повязками. Каждое слово отдавалось лёгкой вибрацией в позвоночнике, словно сама кровь начинала слушать раньше сознания. — Люди всегда считают клетку местом, где держат чудовищ. Они строят стены, придумывают замки, ставят вооружённую охрану и думают, что таким образом обретаю власть над тем, чего боятся. Но самые совершенные клетки никогда не имеют решёток. Их невозможно увидеть. Из них невозможно сбежать, потому что узник даже не понимает, что находится внутри. — Фигура медленно подняла кадуцей, и кончик жезла описал в воздухе плавный круг. В тот же миг перед глазами возникло тонкое стекло. Огромное. Прозрачное. По другую его сторону десятки безликих силуэтов что-то записывали, наблюдали, переговаривались, не сводя глаз с единственной фигуры, стоящей в центре. Меня. — Академия не бросит тебя в темницу. Темницы слишком грубы. Они посадят тебя под стекло. Будут измерять каждый вдох,

записывать каждый удар сердца, сканировать кровь, мысли, сны, эмоции. Они назовут это исследованием. Назовут заботой. Назовут необходимостью. Но на самом деле они будут ждать только одного момента — когда смогут вычислить формулу твоей аномалии. Разобрать её по частям. Повторить. Подчинить. Или... — голос на мгновение стал почти шёпотом, — ...пока ты сама не уничтожишь их лабораторию.

Я молчала. Не потому, что мне нечего было сказать. Просто страх внутри больше не был тем липким, парализующим ужасом, который душил меня после симуляции. Он менялся. Медленно. Незаметно. Словно лёд, долго сжимавший сердце, вдруг начал трескаться изнутри. Его место занимало что-то другое. Холодное. Острое. Удивительно спокойное. Под повязкой символы вспыхнули ледяным жжением, и эта боль уже не казалась наказанием. Она стала напоминанием. Медальон в моей ладони коротко дрогнул, отвечая едва уловимой пульсацией, словно древнее зеркало тоже слышало каждое слово фигуры.

Я почти лениво подняла голову. На этот раз вопрос родился без паники. Без мольбы. Он прозвучал почти как приказ.

— Что мне делать? — мысленно спросила я, не отводя взгляда от скрытого тенью лица. — Если всё это правда... что, чёрт возьми, мне теперь делать?

Несколько долгих секунд фигура молчала. Потом мне показалось, что под капюшоном мелькнула едва заметная улыбка. Не добрая. Скорее печальная. Как улыбаются тому,

кто наконец задал единственный правильный вопрос.

— Играй, — спокойно ответил голос. — Люди всегда легче всего обманываются тем, что хотят увидеть собственными глазами. Они уже решили, кто ты. Пустышка. Девушка без силы. Ошибка природы. Позволь им и дальше верить в это. Будь терпеливой аномалией. Смиренной. Уставшей. Подавленной. Делай ошибки. Проигрывай. Позволь им расслабиться. Позволь думать, что они понимают тебя лучше, чем ты сама. — Голос стал мягче, почти насмешливым. — Великие хищники никогда не бросаются на добычу сразу. Они позволяют ей забыть об опасности. Именно поэтому они всегда побеждают.

Фигура сделала медленный шаг вперёд. Её длинный плащ даже не шелохнулся, хотя я отчётливо почувствовала, как по комнате прошёл холодный ветер. Лунный свет дрогнул. Моя собственная тень на стене вытянулась, смешалась с её силуэтом, и на одно короткое мгновение я перестала понимать, где заканчиваюсь я и начинается она. Наши очертания стали единым силуэтом. Будто между нами не существовало расстояния. Будто нас разделяли не метры, а только время.

— Твой Козерог вернётся, — тихо продолжила фигура, и при этих словах перед глазами на мгновение всплыло лицо Оливера. Уставшее. Упрямое. Верное. — Он принесёт новости. Он принесёт тебе первый настоящий выбор. Не отвергай его. Он станет тем якорем, который не позволит тебе раствориться в том, что просыпается внутри. Но помни... даже он

не знает всей правды.

Кадуцей снова описал плавную дугу в воздухе.

— А потом ты сделаешь первый шаг. Не туда, куда поведут тебя они. Не туда, куда будут смотреть их камеры. Ты научишься идти сквозь их наблюдение так, словно тебя никогда не существовало. Они будут считать, что изучают тебя. На самом деле изучать их начнёшь ты. Ты войдёшь в сердце Академии. В Архивы Глубокого Доступа. Туда, где Ксайдер уже отчаянно ищет ответы, которых ему никогда не найти без тебя. К истокам моей печати. К тем страницам, которые были вырваны из истории. К правде о Катастрофе. О мире, который существовал до неё. Обо мне. О тебе. И тогда ты поймёшь, почему тринадцатый знак не исчез. Его заставили исчезнуть.

Последние слова растворились в тишине. Фигура плавно отступила назад, становясь всё прозрачнее. Сначала исчезли края плаща, потом серебристое сияние кадуцея, затем тень под капюшоном начала рассыпаться мелкими искрами, словно её развеивал невидимый ветер. Через несколько секунд в палате снова остались только лунный свет, белые стены и тихий гул вентиляции. Всё выглядело так, будто ничего не произошло.

Но внутри меня уже ничего не было прежним.

Под бинтами символы продолжали своё медленное, неумолчное движение. Они больше не казались чужими. Теперь я чувствовала их так же естественно, как собственное

сердцебиение. Страх никуда не исчез. Он по-прежнему жил где-то глубоко внутри, только перестал быть цепями. Он превратился в холодный, идеально заточенный клинок. В инструмент, который терпеливо ждал своего часа. И впервые с момента пробуждения я поймала себя на мысли, что больше не хочу убегать.

Я хотела узнать правду. Даже если эта правда окажется страшнее самой Катастрофы.

Дверь палаты открылась без единого стука.

Даже не открылась — бесшумно отъехала в сторону, словно сама стена решила исчезнуть. Ни предупреждающего сигнала, ни лёгкого шипения автоматики. Просто в какой-то момент между белоснежными панелями появилась узкая чёрная щель, и из неё неспешно вышел Каин.

Он двигался так тихо, что казалось, будто вовсе не касается пола. Высокий, безукоризненно прямой, в идеально выглаженном чёрном комбинезоне с серебристыми вставками, отражавшими холодный свет медицинских ламп. Его шаги не издавали ни малейшего звука, но присутствие ощущалось почти физически — воздух в палате словно стал тяжелее. Холодный белый искусственный глаз плавно повернулся сначала к мониторам, затем к капельнице, скользнул по биоповязкам на моей спине, задержался на руке, сжимавшей медальон, после чего медленно поднялся к моему лицу. Настоящий глаз оставался совершенно чёрным, спокойным и непроницаемым. В нём не было ни сочувствия, ни неприяз-

ни. Только холодная привычка человека, который всю жизнь изучал других, не позволяя никому изучать себя.

Я почти физически ощущала, как этот взгляд разбирает меня на части. Не девушку. Не пациентку. Объект. Эксперимент. Очередную задачу.

— Лунн, — наконец произнёс он своим ровным, удивительно спокойным голосом. Ни одна интонация не выбивалась из общей холодной мелодии речи. Казалось, даже эмоции у него проходили предварительную обработку, прежде чем попасть наружу. — Согласно данным медицинского сектора, ваши жизненные показатели стабилизировались. Температура тела вернулась к физиологической норме. Сердечный ритм восстановился. Нейронная активность... — он сделал короткую паузу, словно перечитывая информацию, мелькавшую прямо перед его искусственным глазом, — ...по большей части соответствует допустимым значениям.

Он подошёл ближе. Очень близко.

Настолько, что я смогла рассмотреть тончайшие серебристые линии, расходившиеся от механического глаза к виску. Они практически незаметно мерцали голубым светом, словно под кожей текли микроскопические ручьи электричества.

— Однако, — продолжил Каин всё тем же бесстрастным тоном, — оборудование зарегистрировало остаточные энергетические шлейфы, происхождение которых не совпадает ни с одним известным типом активности двенадцати зодиа-

кальных спектров.

Он не прикасался ко мне. Даже не пытался.

Но создавалось ощущение, будто меня уже препарируют.

Его взгляд почти неуловимо скользнул по моим глазам. Потом задержался на скулах. На шее. На пальцах. На едва заметной дрожи ресниц. Он словно искал не следы усталости после симуляции, а единственную ошибку, способную разрушить тщательно выстроенную маску. Одну вспышку синего света. Одно неправильное движение зрачков. Одну неосторожную эмоцию, которую можно будет занести в отчёт.

— Любопытно, — почти неслышно произнёс он, больше самому себе, чем мне. Серебристый глаз на мгновение вспыхнул ярче. — Следы уже начали исчезать...

От этих слов по позвоночнику медленно пополз холод. Он видел. Не всё. Но значительно больше, чем должен был.

Каин поднял руку, и над его ладонью вспыхнула тонкая голубая голограмма. В воздухе возникли десятки медицинских графиков, спектральных диаграмм и трёхмерная модель человеческого тела, испещрённая мерцающими энергетическими линиями. Некоторые участки были отмечены алым цветом.

Моё тело.

— Директор желает встретиться с вами завтра, — произнёс он, убирая изображение одним плавным движением. — Десять часов ноль минут. Присутствие обязательно.

Он сделал ещё одну короткую паузу.

— Перед беседой будет проведена серия неинвазивных исследований. Спектральный анализ биополя. Сканирование нейронной активности. Измерение остаточного резонанса. Томография энергетических каналов. Анализ клеточных мутаций. Возможно... — он чуть заметно наклонил голову, — ...придётся расширить программу обследования, если показатели вновь проявят нестандартную динамику.

Он говорил так спокойно, будто перечислял блюда в университетской столовой. Но каждое слово звучало как новый виток клетки. Сканирование. Измерение. Мониторинг. Анализ. Не человек. Материал исследования.

— Нам необходимо понять природу произошедшего, — продолжил Каин уже чуть тише, сцепив руки за спиной. — В первую очередь — ради вашей безопасности. Во вторую... — уголок его губ едва различимо дрогнул, — ...ради научного интереса.

Последние два слова прозвучали удивительно мягко.

И именно поэтому напугали сильнее всего. **Научный интерес.** Не наказание. Не арест. Не допрос. Научный интерес означал годы наблюдений. Экспериментов. Бесконечных вопросов.

И людей, которые будут смотреть на тебя исключительно через стекло лабораторного бокса.

Я почувствовала, как пальцы сами собой крепче сжали медальон. Острые края впились в кожу, почти причиняя

боль, но именно она помогла удержать лицо спокойным. Под бинтами символы на долю мгновения дрогнули, словно откликнувшись на присутствие Каина, однако я заставила себя не шелохнуться.

Никаких резких вдохов. Никакого напряжения плеч. Никакого взгляда в сторону зеркала. Обычная испуганная студентка.

Только это.

— Я... постараюсь, профессор, — тихо произнесла я, специально позволяя голосу слегка дрогнуть. Опустила глаза, будто до сих пор не могла оправиться после пережитого, неторопливо провела большим пальцем по поверхности медальона и тяжело сглотнула. — Простите... я всё ещё плохо понимаю, что произошло. Голова... будто до сих пор раскалывается. Иногда кажется, что это был просто кошмар.

Я почти физически ощущала, как он наблюдает за каждой моей микрореакцией.

За тем, как расширяются зрачки. Как двигается кадык. Как меняется частота дыхания.

Он молчал дольше обычного. Потом неожиданно перевёл взгляд куда-то мне за плечо.

Туда, где всего несколько секунд назад исчезла тень с кадуцеем. На одно короткое мгновение его настоящий глаз сузился. Будто он что-то почувствовал.

Или...

Кого-то.

Но уже в следующую секунду лицо снова стало абсолютно бесстрастным.

— Отдыхайте, — наконец произнёс Каин всё тем же идеально ровным голосом. — Завтра вам потребуется ясность восприятия. Надеюсь, ночь пройдёт без... новых осложнений.

Последнюю фразу он произнёс с едва уловимой паузой, словно вкладывал в неё гораздо больше смысла, чем позволяли слова.

Я ничего не ответила. Лишь слабо кивнула.

Он ещё несколько секунд стоял неподвижно, будто сверяясь с каким-то внутренним расчётом, затем медленно развернулся и направился к выходу. Створки двери бесшумно сомкнулись за его спиной, оставив после него только едва уловимый запах стерильных антисептиков, холодного металла и ощущение того, что вместе с ним из палаты ушла лишь половина наблюдения.

Вторая половина осталась.

В камерах. В датчиках. В медицинских записях. И, возможно, в самом Каине.

Я ещё долго лежала неподвижно, не позволяя себе даже глубоко вдохнуть. Только когда за дверью окончательно стихли шаги, осторожно подняла взгляд к потолку и едва заметно выдохнула.

Я ждала. Сердце колотилось, но я заставляла глаза оставаться серо-голубыми, обычными.

Дверь распахнулась так резко, что ударилась о встроенный ограничитель, и по палате прокатился глухой металлический щелчок. В комнату почти ввалился Оливер, одной рукой удерживая бумажный пакет с едой, другой — сразу два картонных стакана с кофе, от которых поднимался густой пар. Его тёмные волосы были растрёпаны сильнее обычного, ворот комбинезона Козерога расстёгнут, а на виске блестела испарина, будто он не просто шёл по коридору, а успел пробежать половину Академии. Он ногой захлопнул дверь, машинально проверил, закрылась ли она до конца, только после этого шумно выдохнул и устало прислонился к стене.

— Чёрт, Эл... — пробормотал он, переводя дыхание и протягивая мне стакан с кофе. — У вас тут проходной двор устроили. Пока дошёл до палаты, три раза чуть не нарвался на охрану. Каин шастает по этажу, как призрак. За ним таскаются два его кибер-ассистента с планшетами, какой-то тип с сенсорным чемоданчиком размером с гроб и ещё парочка лаборантов. Такое чувство, будто они собрались не студентку обследовать, а новый ядерный реактор запускать. — Он криво усмехнулся, но улыбка вышла натянутой. Внимательно посмотрел мне в лицо и тут же перестал шутить. — Он уже был здесь?

Я молча кивнула. Кофе пах горько, слишком по-настоящему, чтобы происходящее можно было назвать сном. Оливер сразу всё понял по одному моему взгляду. Он поставил стаканы на тумбочку, сел рядом на край кровати и наклонил-

ся ко мне так близко, что наши плечи почти соприкоснулись.

— Что сказал?

— Завтра тесты, — тихо ответила я, устало проводя пальцами по медальону. — Сканирование мозга. Биополя. Нейроактивности. Ещё какой-то спектральный анализ... — Я горько усмехнулась. — И всё это, конечно же, исключительно ради моей безопасности. Ну и... «научного интереса».

Последние два слова прозвучали настолько язвительно, что даже мне самой стало не по себе.

Оливер тихо выругался себе под нос.

— Сука...

Он провёл ладонью по лицу, несколько секунд молчал, а потом ещё сильнее понизил голос, почти переходя на шёпот.

— Я немного... подслушал.

— Немного? — устало усмехнулась я.

— Ладно, почти лёг под вентиляционную шахту возле лабораторного сектора. — Он пожал плечами с таким видом, будто это было самым обычным делом. — Если меня когда-нибудь отчислят, то точно не за оценки.

Несмотря ни на что, я тихо фыркнула.

— И что услышал?

Оливер облокотился локтями на колени, сцепил пальцы в замок и долго смотрел в пол, словно решая, стоит ли вообще это говорить.

— Каин не злится, Эл.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Именно это меня и пугает.

Он поднял голову.

— Если бы всё было просто, тебя бы уже заперли где-нибудь в изоляторе, поставили охрану и забыли до решения директора. Но всё наоборот. Они возбуждены. В хорошем смысле. Как дети, которым подарили новую игрушку. Или учёные, которые нашли невозможное.

Он тяжело выдохнул.

— Симулятор не просто вышел из строя. Они говорят, что внутри системы остался какой-то остаточный энергетический отпечаток. Его невозможно удалить. Невозможно повторить. Невозможно даже классифицировать. Они несколько раз пытались сравнить его с архивами... ничего.

— И?

Оливер посмотрел мне прямо в глаза.

— Я услышал одно название.

Он замолчал.

Словно само слово не хотелось произносить вслух.

— Какое?

— «След Змееносца».

По спине мгновенно пробежал холод.

— Они произнесли это буквально один раз. Потом Каин приказал всем замолчать. Кто-то сказал, что термин встречается в древних архивах. Кто-то начал спорить, что это вообще миф. Один профессор даже попытался возразить... Каин его заткнул на полуслове.

Он нервно усмехнулся.

— Звучало всё так, будто они сами понятия не имеют, с чем столкнулись.

Я молчала.

Оливер продолжил уже совсем тихо:

— Самое плохое знаешь что?

Я отрицательно качнула головой.

— Они не хотят тебя изолировать.

— Пока.

— Нет... вообще не в этом дело. Им интереснее другое.

Он наклонился ещё ближе.

— Они хотят документировать тебя.

Это слово прозвучало страшнее любого приговора.

— Каждый день. Каждый анализ. Каждый всплеск энергии. Каждое изменение в крови. В мозге. В символах. Они собираются навешать на тебя датчики, поставить камеры, привязать к расписанию обследований и фиксировать каждое изменение двадцать четыре часа в сутки. Неделю. Месяц. Год. Пока не поймут, что ты такое. Или... — он криво усмехнулся, — пока ты не разнесёшь ещё что-нибудь стоимостью миллионов так пять.

Он попытался пошутить. Но даже сам не улыбнулся.

Я смотрела куда-то мимо него. Перед глазами снова возникла фигура с кадуцеем.

«Клетка прозрачна.»

«Они поставят тебя под стекло.»

«Будут измерять каждый твой вдох.»

Каждое слово совпадало. До последней буквы. Меня про-
брала неожиданная, почти болезненная ясность.

Тень не пугала. Она предупреждала. И предупреждала
правильно. Игра действительно началась.

Я медленно перевела взгляд на Оливера. Он сразу насто-
рожился. Наверное, что-то изменилось в моём лице. Или в
глазах. Потому что он прищурился и несколько секунд про-
сто молча смотрел на меня.

— Эл...

— Что?

— Ты сейчас выглядишь так, будто уже что-то придумала.

Я медленно кивнула.

— Олли...

Мой голос прозвучал удивительно спокойно.

Спокойнее, чем я сама ожидала.

Под бинтами символы снова начали медленно пульсиро-
вать. Медальон в ладони ответил тем же ритмом, будто оба
сердца — моё и то, что просыпалось внутри, — наконец на-
чали биться в унисон.

— Забудь про завтрашние тесты.

Он нахмурился.

— Что значит — забудь?

— Пока они готовят свои сканеры... нам нужно найти от-
веты раньше них.

Оливер нахмурился.

— Где?

Я перевела взгляд на дверь. За ней простиралась вся Академия — километры коридоров, лабораторий и залов, где прятались ответы, до которых никто не хотел меня допускать.

— В Архивах Глубокого Доступа.

— С чего ты решила?

Я на секунду замолчала.

Рассказать ему про фигуру с кадуцеем? Про голос в голове? Про видения?

Нет. Пока нет.

— Просто чувствую, — тихо сказала я. — Там есть что-то, связанное со мной. Не спрашивай почему. Я не смогу объяснить.

Оливер долго смотрел мне в глаза.

— Ненавижу, когда ты так говоришь.

— Знаю.

— И всё равно пойду.

Оливер долго молчал. Очень долго.

Потом медленно провёл ладонью по лицу, обречённо закатил глаза к потолку и тихо, почти ласково выругался:

— Знаешь... иногда мне кажется, что ты вообще не умеешь выбирать нормальные способы выжить.

Я не удержалась и почти неувовимо улыбнулась.

— А ты?

Он тяжело вздохнул, покачал головой и, уже заранее по-

нимая, что проиграл этот спор ещё до его начала, поднялся с кровати.

— А я, похоже, окончательно ебанулся ещё лет двенадцать назад, когда решил, что буду таскаться за одной бешеной овцой всю свою жизнь.

Он протянул мне руку.

— Ладно... пойдём воровать государственные тайны.

Я вложила ладонь в его ладонь.

Под кожей символы вдруг перестали хаотично двигаться. Они медленно сложились в новый, идеально чёткий узор — спираль, стягивающую трещину расколотого зодиакального круга.

Я ещё не знала, что означал этот знак. Но чувствовала. Пазл снова сдвинулся. И теперь первый шаг сделали уже мы.

Глава 9

ЭЛИКСИЯ

«Самое опасное в этих символах? Они красивые. А красивое здесь должно умереть.»

Ледяной пот сковал виски, хотя в палате медблока было прохладно. Я сжала края тонкого больничного одеяла, пытаясь заглушить дрожь в пальцах. Завтра. Десять ноль-ноль. Директор. Тесты. Сканирование мозга. Биополя. «Научный интерес». Слова Каина висели в тишине, как ножи на невидимой струне. Каждый удар сердца отдавался тупой болью под биоповязкой на спине — там символы, тревожные и живые, продолжали своё тайное движение, будто складываясь в узор клетки.

Я потянулась к медальону на груди. Осколок зеркала матери был холодным, как космический вакуум. Три свежие царапины на его поверхности будто жгли кожу ладони. Кто-то пытался стереть память? Или предупредить? Тень с кадучеем, её слова о наблюдении, об игре... всё это должно было быть бредом. Но было слишком точным.

Гул Академии, вечный, как дыхание Левиафана, доносился сквозь толстые стены. Где-то там ходил Каин с его монетами и пустым глазом. Где-то готовились датчики, чтобы разобрать меня на параметры. А Ксайдер... Ксайдер искал отве-

ты в архивах. Ответы обо мне.

"Беги. Сейчас. И забудь, что видела. Это был мой прорыв энергии..."

Воспоминание пятилетней давности врезалось внезапно, как тот осколок в шахте. Будто кто-то резко сорвал замок с двери, которую я пять лет подряд изо всех сил пыталась удерживать закрытой.

Сначала пришёл запах. Тяжёлый. Удушающий. Горький.

Пыль, смешанная с металлической сладостью свежего зодиакального вещества. Воздух тогда был настолько густым, что его приходилось буквально проталкивать в лёгкие. Каждый вдох обдирает горло, оставляя привкус крови и озона, словно я глотала раскалённый металл. Следом вернулся звук — низкий, глухой рокот, от которого дрожали кости. Где-то над головой рушилась порода. Скрипели металлические балки. Камни сыпались непрерывным дождём, ударяясь о стены с таким звуком, казалось сама шахта плавно складывалась внутрь себя, превращаясь в огромный каменный саркофаг.

Мне было семнадцать.

Совсем ещё девчонка.

Худая до болезненности, перепачканная серой пылью, с разбитыми в кровь ладонями после нескольких часов бесполезных попыток выбраться наружу. Один из тоннелей исследовательской шахты рухнул после нестабильного выборо-

са, отрезав меня от остальных. Над аварийным освещением уже давно победил ядовито-синий свет зодиакального вещества, сочившегося прямо из расколотых стен. Он освещал тоннель призрачным сиянием, превращая каждую тень в живое существо. Казалось, сама шахта дышала. Медленно. Грузно. Злобно.

Я уже почти не различала, где заканчивается реальность и начинается паника.

Каждый новый треск заставлял вздрагивать.

Каждый падающий камень казался последним.

Я снова попыталась сдвинуть придавившую проход балку, срывая ногти о холодный металл, но она даже не шелохнулась. В груди всё сильнее поднималось чувство, которое нельзя было назвать страхом. Это было что-то глубже. Осознание собственной беспомощности. Осознание, что сейчас ты умрёшь, и никто даже не узнает, как именно это произошло.

— Нет... нет... пожалуйста... — голос сорвался сам собой. Я уже не понимала, к кому обращаюсь. К людям? К Богу? К самой шахте?

Ответом стал новый удар.

Где-то совсем рядом раздался оглушительный хруст. Потолок содрогнулся, и вниз посыпался настоящий водопад камней. Один из них ударил меня по плечу, другой рассёк бровь. Перед глазами вспыхнули искры.

И тогда внутри что-то лопнуло. Не сила. Не способ-

ность. Отчаяние.

Оно вырвалось наружу так же естественно, как крик.

Я даже не поняла, что произошло. Просто почувствовала, как из груди словно вырвали раскалённое сердце. Воздух вокруг задрожал. Синее свечение в стенах вспыхнуло в десятки раз ярче, превращая шахту в раскалённый реактор. Камни начали дрожать. По потолку побежали новые трещины. Зодиакальное вещество вспенилось, точно ожгло, отвечая на мой выброс.

— Чёрт...

Я сама разрушала всё вокруг.

Потолок трещал всё сильнее.

Пыль полностью скрыла тоннель. Перед глазами не осталось ничего, кроме сизой мглы.

И именно тогда сквозь густую сизую мглу появилась фигура.

Высокая. Чёткая. Невозмутимая.

Он не бежал сломя голову. Не кричал. Не метался. Он двигался удивительно спокойно, словно вокруг не рушилась шахта, а шёл обычный рабочий день. Только золотые глаза мгновенно нашли меня сквозь дым и пыль.

Нашли. Поняли.

За какую-то долю секунды он успел оценить всё. Разрушенные стены. Нестабильный узел. Мой энергетический всплеск. Испуганную семнадцатилетнюю девчонку, сидящую под обрушившейся балкой.

Ему хватило одного взгляда. И всё равно шагнул внутрь.

— Ты совсем сдурела?! — рявкнул он, перекрывая грохот обвала, но злость в его голосе была обращена не ко мне. К ситуации. К самому себе. — Не двигайся!

— Я... я не...

— Замолчи!

Он уже оказался рядом.

Золотистая энергия вспыхнула вокруг него плотным куполом. Щит Скорпиона раскрылся с резким шипением, принимая на себя град падающих камней. Каждый удар отдавался по нему яркими вспышками, но он продолжал держать защиту одной рукой, другой пытаясь вытащить меня из-под балки.

— Давай руку!

Я схватилась за него почти инстинктивно. Наши ладони соприкоснулись. И в ту же секунду моя обезумевшая энергия ударила снова.

Она не слушалась меня. Не подчинялась.

Страх, отчаяние, паника — всё это одним чудовищным импульсом рвануло наружу и ударило прямо в его щит.

Воздух взорвался. Щит выгнулся. Золотой свет на мгновение смешался с ослепительно-синим. Раздался звук, который я никогда не забуду.

КР-РАК!

Это ломался не щит. Это ломался потолок.

Из самой толици породы вырвался гигантский кристалл

застывшего зодиакального вещества. Огромный. Полупрозрачный. Острый, как наконечник копья. Он сорвался вниз не хаотично — его буквально выбила наружу моя собственная отражённая волна.

Ксайдер понял это раньше меня. Он даже не поднял головы. Просто резко толкнул меня обеими руками.

Так сильно, что я буквально влетела в узкую нишу под единственной уцелевшей балкой, ударившись спиной о камень и потеряв дыхание.

Сам он уже не успевал. Увернуться было невозможно. Раздался влажный, страшный звук. Что-то среднее между ударом и треском. Я подняла голову. Он стоял на одном колене.

Щит ещё держался, но золотое сияние уже рассыпалось отдельными искрами. Одной рукой он всё ещё поддерживал защиту над нами, а второй прижимал ладонь к лицу. Сквозь пальцы густыми струйками текла кровь. Она стекала по запястью, капала на чёрный комбинезон, смешивалась с серой пылью, превращаясь в почти чёрные пятна.

Когда он убрал руку, я увидела рану. Она пересекала правую скулу идеально изогнутой дугой. Будто кто-то нарисовал на его лице кровавый полумесяц.

Тот самый. Шрам, который спустя годы я узнаю с первого взгляда.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Я не могла дышать. Он тоже с хрипом дышал, но взгляд оста-

вался удивительно спокойным.

Не обвиняющим. Не ненавидящим. Скорее... принявшим решение.

Он медленно провёл ладонью по окровавленной щеке, поморщился и, стиснув зубы, тихо произнёс:

— Слушай меня очень внимательно.

Его голос был хриплым, сорванным, но удивительно твёрдым.

— Сейчас сюда придут люди.

Он сделал короткую паузу, как если бы собираясь с силами.

— Ты ничего не видела.

Я отрицательно замотала головой.

— Нет... это я...

— Замолчи.

Он произнёс это спокойно. Без злости. Но так, что я действительно замолчала.

— Эта буря произошла из-за нестабильного узла. Из-за ошибки оборудования. Из-за меня. Ты поняла?

— Но...

— Поняла?

Он смотрел прямо мне в глаза. И только тогда я поняла.

Он лгал. Сознательно. Специально. Он уже решил взять всё на себя.

Перед системой. Перед руководством. Перед теми, кто придёт расследовать аварию. Передо мной.

Я смогла лишь чуть кивнуть.

Прикрыв глаза всего на секунду, он словно принял решение. Потом с усилием поднялся на ноги, несмотря на потерю крови, подошёл ко мне, поднял меня практически на руки и, прихрамывая, вывел из разрушенного тоннеля наружу.

Когда мы наконец выбрались под холодное ночное небо, он отпустил меня только возле аварийного выхода. Сам тяжело опёрся ладонью о бетонную стену шахтного комплекса, пытаясь незаметно перевести дыхание. Кровь продолжала стекать по его лицу, но он будто перестал её замечать.

Он посмотрел на меня ещё раз. Долго. Очень долго.

Золотые глаза были затуманены болью, но в них всё ещё оставалась та же пугающая ясность.

— Исчезни, — сказал он едва слышно. — Сейчас же.

Я продолжала стоять.

Не могла заставить себя сделать шаг.

— И забудь этот день.

— Почему?.. — мой голос сорвался.

Он устало усмехнулся, и эта усмешка вышла почти болезненной.

— Потому что если ты когда-нибудь расскажешь правду... жить станет намного сложнее нам обоим.

После этого он отвернулся. Больше не посмотрел на меня ни разу.

А я побежала. Бежала так быстро, что лёгкие горели огнём. Бежала, пока ноги не перестали слушаться. Бежа-

ла, чувствуя, как внутри вместе со страхом рождается чувство, которое потом будет преследовать меня все эти пять лет.

Вина. Тяжёлая. Липкая. Нестерпимая.

Он спас меня.

Он позволил миру поверить, что виноват сам.

И навсегда оставил на своём лице шрам...

который на самом деле принадлежал мне.

Я резко вдохнула, возвращаясь в палату. Тишина. Гул Академии. Моё дыхание — слишком громкое.

Он не помнит. Или притворяется.

В Зодиариуме он смотрел на меня как на пустое место. Как на «пустышку». Не как на человека, которому когда-то спас жизнь ценой своего лица. Тот взгляд в шахте — узнающий, пронзающий до костей — и этот, холодный и отстранённый... Они не могли принадлежать одному человеку.

Если он не помнит — это страшно.

Если притворяется — ещё страшнее.

Неужели не узнал? — жалкая надежда шептала в глубине. Может, шрам стер память? Может, он видел тогда только силу, а не ее? Может, та уличная грязнуля с бордовыми волосами не имеет ничего общего с опрятной студенткой в форме Овна?

Или притворяется? — ядовитая змея страха шипела гром-

че. И тогда — почему? Чтобы я сама раскрылась? Чтобы доказать его правоту? Чтобы потом, когда все вскроется, сказать: "Я пытался ее спасти, скрыть, но она слишком опасна"? Чтобы оправдать то, что они со мной сделают? Чтобы моя вина — вина за его шрам — стала публичным оправданием моего уничтожения?

Тогда он был моим спасителем. Теперь — холодным наблюдателем. Что изменилось? Или он просто притворялся?

Под повязкой змея внезапно дернулась, точно проснулась от моего воспоминания. Острая боль прошила запястье, тонкой раскаленной иглой проскользнула вдоль нерва и исчезла под ключицей. Я резко втянула воздух сквозь зубы и машинально сжала медальон. Острые края старого осколка впились в ладонь так сильно, что кожу обожгло, а через мгновение я почувствовала теплую, вязкую влагу — кажется, выступила кровь. Я даже не попыталась разжать пальцы. Эта боль была настоящей. Понятной. Честной. В отличие от всего остального. Она не пыталась запутать меня, не нашептывала загадок, не показывала чужих теней и не заставляла сомневаться в собственном рассудке. Простая человеческая боль. Наверное, впервые за последние сутки я была благодарна хоть чему-то настоящему.

Я медленно подняла взгляд к темному потолку палаты. За панорамным окном плавно двигались редкие огни ночного Нью-Аргентума. Где-то далеко между башнями проплывали транспортные платформы, похожие на светлячков, за-

блудившихся среди стеклянных каньонов мегаполиса. Академия почти спала. Почти. Но даже ночью она не становилась тише. Сквозь стены доносился низкий, едва уловимый гул энергетических реакторов. Где-то за перекрытиями размеренно работали системы охлаждения, шипели магнитные рельсы, перекликались автоматические дроны. Здание жило собственной жизнью. Дышало. Наблюдало. Иногда мне казалось, что Зодиариум вообще не был построен людьми. Будто его вырастили из самого зодиакального вещества. Теперь оно само решало, кого принять, а кого отвергнуть.

Завтра. Одно короткое слово вдруг стало тяжелее любого камня.

Завтра — Директор. Завтра — бесконечные вопросы. Завтра — сканеры. Завтра — датчики, которые будут просвечивать меня слой за слоем, искать то, чего они сами пока не понимают. Завтра — очередная ложь, которую мне придется придумать раньше, чем они успеют задать первый вопрос.

И самое страшное...

Завтра там будет Ксайдер.

Я не знала, зачем он придет. Как старший куратор? Как свидетель произошедшего? Как человек, который первым увидел мои глаза? Или просто чтобы молча стоять где-нибудь в углу кабинета и наблюдать, как меня разбирают по кусочкам чужие взгляды, приборы и вопросы. Я не могла понять его. Каждый раз, когда мне казалось, что я наконец

увидела в нем настоящего человека, он снова превращался в непроницаемую ледяную стену. В шахте он спас мне жизнь. После симуляции приказал потерять сознание, чтобы меня не увидели такой, какой я стала. А уже через несколько часов спокойно копался в древних архивах, будто искал объяснение не ради меня, а ради собственной цели. Кто он? Спаситель? Надзиратель? Или человек, который всего лишь выполняет чей-то приказ, стараясь не дать мне умереть раньше времени?

Я чуть прикрыла глаза.

— Что ты хочешь?.. — мысленно прошептала я в темноту, уже не понимая, к кому обращаюсь.

К той фигуре с кадучеем, которая приходила во сне?

К голосу, поселившемуся глубоко внутри моей головы?

К призраку из шахты, который пять лет назад позволил миру считать себя виноватым?

Или к самому Директору, который даже не подозревал, что его «образец» уже начал задавать вопросы?

— Что вам всем от меня нужно?.. Почему именно я?.. Что такого во мне увидели вы... чего до сих пор не вижу я сама?

Ответа не было. Только бесконечная тишина. Та самая, которая никогда не бывает по-настоящему пустой.

В ней продолжал гудеть реактор Академии. За стеной размеренно тикали медицинские приборы. Где-то далеко хлопнула автоматическая дверь. Вентиляция тихо выдохнула новую порцию холодного воздуха. А под всеми этими звуками

билося мое сердце — быстро, неровно, словно пыталось вырваться из грудной клетки.

Сердце «образца 017». Сердце «пустышки». Сердце девушки, которую еще вчера жалели, над которой смеялись и которой брезговали, а сегодня уже собирались изучать, точно опасную аномалию. Сердце той самой девчонки, которая пять лет назад одним единственным выбросом силы навсегда изменила лицо своего спасителя.

Я до боли стиснула зубы.

Перед глазами снова вспыхнуло воспоминание: кровь, стекающая по его скуле... золотые глаза, в которых не было ни капли ненависти... и хриплый приказ:

«Исчезни».

Почему? Почему он тогда не выдал меня? Почему после симуляции снова спас? И почему мне казалось, что это только начало какой-то истории, которая началась задолго до моего рождения?

Я перевернулась на бок и почти с силой уткнулась лицом в подушку, пытаясь заглушить собственное дыхание. Хотелось закричать. Разнести к чертовой матери эту стерильную палату. Разбить зеркала, сорвать датчики, вырвать из кожи эти проклятые символы, чтобы они наконец перестали жить собственной жизнью. Но вместо крика наружу вырвался только глухой, сдавленный рык — животный, полный бесильной ярости и страха.

В конце концов я замерла, продолжая сжимать медальон

так крепко, что ладонь окончательно онемела.

Оставалось всего несколько часов.

Завтра закончится ожидание. И начнется то, к чему меня готовили всю жизнь, даже если я этого не понимала.

Глава 10

ЭЛИКСИЯ

«В Академии не пытаются.

Здесь просто задают правильные вопросы —

и ждут, когда ты сломаешься сама.»

Дорога к кабинету Директора оказалась длиннее тоннеля в шахте. Каждый шаг по мёртвенно-холодному полу из синего энергостекла отзывался гулким эхом, словно Зодиариум затаил дыхание. Гул реактора под ногами больше не был фоном — он бил, как набат. Я шла, стиснув руки в кулаки внутри рукавов комбинезона. Под тканью змея на запястье ползла, горячая и тревожная, а между лопаток треснувший зодиак пульсировал в такт шагам — живой компас страха.

Играй в их игру. Будь терпеливой аномалией. Смиренной. Но бдительной.

Слова ночной тени звучали в голове, но заглушались ревом крови. Страх был не истеричным — холодным, острым, как лезвие под рёбрами. Я боялась не Директора и не тестов. Я боялась потери. Потери себя. Того хрупкого, яростного «я», что только начало просыпаться в симуляторе, в этом проклятом синем аду.

Двери в кабинет Директора были не чёрными, а белыми — матовый, непроницаемый сплав. Они растворились беззвучно, впуская меня в пространство, похожее одновременно на операционную и на святилище. Всё здесь было стерильно-белым: стены, пол, потолок, излучающий мягкий, безтеневой свет. Единственный цвет — огромная голограмма зодиакального круга в центре комнаты. Двенадцать знаков вращались неторопливо, холодно. На месте тринадцатого пульсировала чёрная пустота.

За массивным столом, почти сливавшимся с черным полом и стенами кабинета, сидел Директор. Казалось, само помещение было построено вокруг него. Лицо по-прежнему скрывал глубокий капюшон странного одеяния, не похожего ни на форму преподавателей, ни на военные комбинезоны зодиариев. Свет намеренно обходил его стороной, позволяя различить лишь длинные, неестественно бледные пальцы, спокойно сложенные на поверхности стола. Они были совершенно неподвижны. Не постукивали, не перебирали бумаги, не выдавали ни раздражения, ни интереса. Именно эта неподвижность пугала сильнее всего. Люди, которые не совершают лишних движений, обычно уже всё решили задолго до начала разговора.

— Эликсия Лунн, — наконец произнес он, и тихий бархатистый голос неожиданно оказался тяжелее любого крика. Казалось, каждое слово не долетало до меня по воздуху, а опускалось на плечи, заставляя выпрямиться вопреки соб-

ственной воле. — Присаживайся.

Я подошла к креслу, стараясь идти спокойно, хотя колени предательски становились ватными с каждым шагом. Холодное сиденье встретило так, словно было сделано не из металла, а из куска льда. Я опустила лишь на самый край, не позволяя себе расслабиться ни на сантиметр. Огромный стол между нами казался не предметом мебели, а настоящей линией фронта. Если бы не он, возникло бы ощущение, что Директор может протянуть руку через разделяющее нас пространство и без труда вытащить из моей головы всё, что я так отчаянно пыталась скрыть.

Только сейчас я заметила, что за его спиной нет ни окон, ни книжных шкафов, ни привычных дипломов или наград. Вместо этого вся стена превратилась в огромное живое полотно из десятков голографических экранов. Они бесшумно сменяли друг друга, выводя медицинские отчеты, трехмерные схемы человеческого тела, спектральные диаграммы энергии и записи с камер симулятора. На одном экране снова и снова проигрывался момент разрушения купола. На другом медленно вращалась объемная модель моего организма, внутри которого яркими вспышками отмечались неизвестные энергетические узлы. На третьем застыло увеличенное изображение моего лица. Бледная кожа. Светящиеся синие глаза. Вертикальные зрачки, окруженные тонким золотым кольцом. От собственного отражения меня передернуло.

Под изображениями тянулись строчки системных поме-

ток.

ОБРАЗЕЦ 017.

НЕКЛАССИФИЦИРОВАННАЯ АНОМАЛИЯ.

ПРОТОКОЛ 13: АКТИВИРОВАН.

ПРИОРИТЕТ НАБЛЮДЕНИЯ — АЛЬФА.

Внутри неприятно похолодело. Они ничего не упустили. Ни одной секунды. Ни одной вспышки. Каждый вдох, каждое движение, каждое изменение моего тела уже давно превратилось в цифры, графики и отчеты. Еще вчера я была "пустышкой", которую никто не замечал. Сегодня стала объектом исследования. Экспонатом под стеклом.

Чуть в стороне, почти сливаясь с белой стеной, стоял Каин. Прямая спина, сцепленные за спиной руки, идеально выглаженный комбинезон — выглядело так, словно его поза была просчитана до миллиметра. Серебристый глаз плавно двигался, сканируя то экраны, то мое лицо, то показания приборов. Второй, черный, казался совершенно неподвижным, словно был устремлен не на меня, а куда-то гораздо дальше. В длинных пальцах он медленно вращал одну и ту же монету. Серебристый круг неспешно переворачивался между костяшками, отражая холодный свет экранов. Каждый оборот сопровождался тихим металлическим щелчком, и этот звук почему-то раздражал сильнее любого сигнала тревоги. Только сейчас я заметила трещину, пересекавшую выгравированный на монете тринадцатый символ.

Директор молчал еще несколько долгих секунд, словно

намеренно позволяя тишине заполнить кабинет до предела. Он не торопился. Не задавал вопросов. Просто наблюдал, как я сама начинаю нервничать под тяжестью этого молчания. Лишь когда напряжение стало почти физически ощутимым, он переплел пальцы и снова заговорил тем же спокойным голосом, в котором не было ни угрозы, ни сочувствия.

— Твой эпизод в симуляции предоставил Академии уникальные данные, — произнес он размеренно, словно обсуждал результаты лабораторной работы, а не событие, едва не уничтожившее целый корпус. Его ладонь плавно скользнула по поверхности стола, и прямо между нами возникла новая объемная голограмма. — За двести восемьдесят три года существования Зодиариума мы зафиксировали тысячи энергетических отклонений. Неконтролируемые выбросы. Поздние пробуждения знаков. Нейропсихические перегрузки. Даже случаи клинической смерти внутри симуляции. Однако то, что произошло вчера... — он сделал короткую паузу, позволяя изображению зависнуть перед нами, — ...не имеет аналогов.

Передо мной снова возник момент разрушения купола. В замедленной записи было отчетливо видно, как сначала вспыхивает символ на моем запястье, затем начинают загораться скрытые под кожей узоры, а уже через мгновение по стеклянному своду бегут первые трещины. Они расходились не хаотично, а будто подчинялись какой-то неизвестной геометрии, раскалывая пространство вокруг меня. Кадр замер

именно в тот момент, когда мои глаза вспыхнули холодным синим светом.

— Энергетический отпечаток нестабилен, — продолжил Директор, внимательно наблюдая уже не за голограммой, а за моей реакцией. — Чужероден. Он не соответствует ни одному из двенадцати признанных знаков Зодиака.

Он едва заметно пошевелил пальцами, и изображение сменилось огромным зодиакальным кругом. Двенадцать знакомых символов мерцали золотым светом, но место тринадцатого оставалось абсолютно черным. Несколько секунд ничего не происходило, затем темнота дрогнула. По ней прошла едва заметная рябь, словно кто-то двигался под толщей черной воды. Медленно, почти неохотно, из пустоты начал проступать серебристый силуэт человека, державшего в руках огромную змею. Под его ногами треснувший зодиакальный круг был расколот надвое.

Под повязкой болезненно дернулась змея на моем запястье. Настолько резко, что я машинально стиснула зубы и сильнее вцепилась пальцами в подлокотники кресла.

— Но соответствует кое-чему другому, — произнес Директор почти шепотом, и впервые за весь разговор мне показалось, что в его голосе мелькнуло что-то похожее на уважение. Или... опасение. — Мифу.

Он поднялся из-за стола без единого лишнего движения. Без единого лишнего движения. Высокая фигура приблизилась к голограмме, и серебристый силуэт Змееносца оказал-

ся прямо между нами.

— Тринадцатый знак, — произнес Директор спокойно, но это спокойствие оказалось страшнее любого крика. — Змееносец. Поглотитель Судьбы. Разрушитель Баланса. Тот, кто стоит вне круга... и потому способен переписать сам круг.

Я почувствовала, как пол под ногами качнулся. Воздух стал тяжелее. Змея под повязкой снова болезненно впилась в нерв, а сердце ударилось о ребра с такой силой, что на мгновение заглушило все остальные звуки.

— Твоя сила, Эликсия, — продолжил он, снова посмотрев прямо на меня, — не принадлежит ни одному из известных человечеству созвездий. Мы проверили все архивы, все современные классификации и все сохранившиеся записи после Катастрофы. Ответ каждый раз оставался одним и тем же.

Он сделал короткую паузу.

— Она принадлежит тому, кого история предпочла забыть.

В наступившей тишине Каин плавно подбросил монету вверх. Она несколько раз перевернулась в воздухе, мягко блеснула в свете экранов и с тихим металлическим щелчком легла обратно ему на ладонь. Трещина, проходившая через выгравированный тринадцатый знак, почти идеально совпала с трещиной, расколовшей изображение Змееносца на голограмме. И почему-то именно это совпадение заставило меня почувствовать настоящий страх. Не перед Директором.

Не перед Каином. А перед тем, что вся эта история началась задолго до моего рождения. И, возможно, задолго до рождения самой Академии.

— Академия существует не для того, чтобы создавать героев, — голос Директора изменился почти неуловимо. Он не стал громче, не стал холоднее, но в нем исчезла даже тень человеческой интонации. Теперь создавалось ощущение, что говорит не один человек, а само здание, сама система, которая веками переживала поколения студентов. — Она существует, чтобы сохранять порядок. Порядок, установленный после Катастрофы. Порядок, который позволил человечеству пережить хаос. Порядок, основанный на двенадцати знаках. На двенадцати законах. На двенадцати источниках силы. Всё, что выходит за пределы этой структуры... становится угрозой.

Он медленно провел пальцами по поверхности стола. Голографический зодиакальный круг между нами дрогнул, и все двенадцать созвездий вспыхнули ровным золотым светом. Они вращались удивительно плавно, словно идеально настроенный механизм, где каждая деталь знала свое место. Затем в самом центре появился тринадцатый сектор. Не сияющий. Не золотой. Абсолютно черный. Он не вращался вместе с остальными. Наоборот — словно сопротивлялся самому существованию круга. От него по голограмме побежали тонкие трещины, раскалывая идеально выстроенную систему.

— Посмотри внимательно, — спокойно произнес Директор, слегка наклонив голову в сторону голограммы. — Двенадцать знаков существуют в равновесии. Каждый ограничивает другого. Каждый поддерживает соседа. Они могут конфликтовать, могут соперничать, могут даже уничтожать друг друга, но сама система при этом остается устойчивой. Именно поэтому человечество выжило после Катастрофы. Именно поэтому существуют такие города, как Нью-Аргентум. Именно поэтому существует эта Академия.

Он сделал короткую паузу, позволяя мне самой увидеть то, что происходило с изображением. Стоило черному символу проявиться чуть отчетливее, как весь круг начинал разрушаться. Созвездия гасли одно за другим. Линии орбит искривлялись. Пространство вокруг тринадцатого сектора словно не подчинялось никаким законам.

— А теперь представь механизм, внутри которого внезапно появилась деталь, не предусмотренная конструкцией, — продолжил он тем же ровным голосом. — Деталь, способная переписывать правила работы всех остальных. Такая деталь не становится частью системы. Она разрушает систему. Не потому, что желает этого. Просто потому, что иначе не умеет существовать.

Мне показалось, будто воздух в кабинете стал тяжелее. Под повязкой болезненно зашевелилась змея на запястье. Почти лениво. Но этого оказалось достаточно, чтобы по руке пробежала волна жгучей боли.

— Ты — носительница именно такой аномалии, Эликсия Лунн, — произнес Директор, и впервые за весь разговор назвал мое имя полностью. Не как преподаватель обращается к студенту. Как ученый подписывает пробирку с новым образцом. — Феномен. Исключение. Ошибка в системе координат. Или... следующий этап ее развития. Пока мы не знаем. А то, чего мы не понимаем, мы обязаны изучить.

Я сглотнула. Во рту пересохло настолько, что язык едва двигался. Хотелось сказать хоть что-нибудь. Возразить. Рассмеяться ему в лицо. Спросить, почему именно я. Почему не кто-то другой. Но слова словно застряли где-то между легкими и горлом.

Директор поднял руку. Медленно. Без лишней театральности. Лишь один длинный, почти прозрачный палец поднялся над поверхностью стола.

— Поэтому у тебя есть первый путь, — сказал он спокойно, словно речь шла о выборе факультета. — Ты учишься контролировать свою природу. Не бороться с ней. Не отрицать ее существование. Именно контролировать. Подавлять хаос. Придавать ему форму. Делать предсказуемым. Управляемым. Полезным.

Он перевел взгляд на один из экранов, где снова застыло мое лицо с сияющими глазами.

— Академия предоставит тебе всё необходимое. Лучших специалистов. Лучшие лаборатории. Лучшие технологии. Мы изучим твой феномен настолько подробно, насколько

ко это вообще возможно. Каждый выброс энергии. Каждый сон. Каждый скачок гормонов. Каждую эмоциональную реакцию. Мы научимся предсказывать твоё состояние раньше, чем его почувствуешь ты сама.

Он произнес это без единой эмоции.

Будто перечислял пункты внутреннего регламента.

— Ты будешь жить здесь. Под наблюдением. Под постоянным мониторингом. Все помещения, которые ты посещаешь, будут оборудованы дополнительными датчиками. Каждый медицинский осмотр станет обязательным. Каждое использование силы — зарегистрированным. Ты останешься студенткой Академии. Получишь защиту. Получишь знания. Получишь возможность жить.

На мгновение перед глазами возникла картина. Стеклянная лаборатория. Белые стены. Провода на висках. Датчики вдоль позвоночника. Каин, спокойно записывающий частоту моего дыхания. Десятки людей за прозрачным стеклом. И табличка.

ОБРАЗЕЦ 017.

Не человек. Экспонат.

Директор плавно поднял второй палец.

От этого почти незаметного движения внутри у меня что-то оборвалось.

— Существует и второй путь, — произнес он так же ровно. — Если контроль окажется невозможен. Если повторятся подобные инциденты. Если твоя энергия продолжит пред-

ставлять угрозу для Академии, города или человечества... мы будем вынуждены перейти к процедуре изъятия источника аномалии.

Несколько секунд я просто смотрела на него. Не понимая. Или не желая понимать.

— Изъятия?.. — мой голос прозвучал чужим. Слишком тихим. Слишком хриплым. — Что это значит?

Директор чуть наклонил голову. Совсем немного. Словно действительно обдумывал, насколько честным стоит быть.

— Это означает извлечение феномена из носителя, — ответил он наконец. Его тон не изменился ни на полтона. — С последующим полным анализом структуры энергии.

Я продолжала смотреть.

Он продолжил.

— Вероятность сохранения жизнеспособности носителя составляет менее одной целой четырех десятых процента.

Слова прозвучали настолько буднично, что смысл дошел не сразу.

Менее двух процентов.

Почти ноль.

— То есть... — я почувствовала, как пересохшее горло болезненно сжалось. — Вы хотите сказать...

— Это не казнь, — бесстрастно перебил Директор. — Это научная необходимость.

Тишина ударила сильнее любого крика. Научная необходимость. Не бороться. Не отрицать. Контролировать. Все-

го лишь... процедура. Будто речь шла об удалении опухоли. Будто человек — всего лишь контейнер, который можно вскрыть ради содержимого.

Я почувствовала, как желудок болезненно сжался. Под кожей символы вспыхнули так резко, что мне пришлось до боли вцепиться пальцами в край кресла. Змея на запястье буквально извивалась под повязкой, треснувший круг между лопаток горел так, словно кто-то приложил к позвоночнику раскаленное железо. Они чувствовали опасность. Не страх. Именно опасность. Будто сама энергия внутри меня поняла то, что разум еще пытался отрицать.

— Выбор остается за тобой, — произнес Директор после долгой паузы, снова складывая пальцы перед собой. Его голос вновь стал почти мягким, что почему-то звучало еще страшнее. — Контроль... или изъятие. Сотрудничество... или необходимость действовать без твоего согласия. Подумай. У тебя есть сорок восемь часов. После этого Академия примет решение, исходя из полученных данных.

Он неторопливо повернул голову в сторону Каина.

— До этого момента ты остаешься под наблюдением профессора Каина. Для твоей безопасности.

Едва заметная пауза.

— И для нашей.

Каин наконец сдвинулся с места. Он сделал всего один шаг вперед, но этого оказалось достаточно, чтобы серебристый глаз снова остановился на мне. Черный же по-прежнему

му был устремлен куда-то поверх моей головы, словно видел не меня, а нечто, стоящее за моей спиной. Монета снова начала неспешно вращаться между его пальцами. Щелчок. Еще один. Потом он молча протянул руку в сторону двери, предлагая закончить разговор.

Я поднялась так, словно, словно мое тело стало чужим. Колени дрожали. Пальцы плохо слушались. Кабинет расплывался перед глазами, смешиваясь с холодным белым светом экранов, мерцанием голограмм и собственным тяжелым дыханием. Сделав несколько шагов, я остановилась на пороге и невольно оглянулась.

Первым взгляд нашел Змееносца.

Одинокая темная фигура продолжала стоять внутри расколото зодиакального круга, удерживая в руках серебряную змею. Казалось, за те несколько минут, что длился разговор, голограмма стала еще живее. Трещины вокруг его ног неторопливо расширялись. Двенадцать золотых созвездий продолжали вращаться, но теперь это движение больше не казалось гармоничным. Оно походило на отчаянную попытку удержать систему, которая уже начала разваливаться изнутри.

Потом взгляд скользнул по ослепительно белым стенам кабинета. По гладкому полу. По безупречно чистым экранам. По Каину с его бесконечно вращающейся монетой. И вдруг меня пронзила простая мысль.

Самое страшное место в Академии — не лаборатория.

Самое страшное место — кабинет человека, который способен назвать твою смерть **научной необходимостью** и при этом не испытывать абсолютно ничего.

И в этот миг взгляд сам собой зацепился за идеально отполированную поверхность белоснежного стола. Я собиралась увидеть собственное отражение — бледное лицо, дрожащие губы, синяки под глазами после бессонной ночи. Но вместо этого в гладкой поверхности мелькнуло что-то другое. Чужое.

Я подняла глаза. Позади Директора, почти полностью скрытое густой тенью, тянулось высокое узкое окно от пола до самого потолка. Сквозь затемнённое энергостекло едва пробивался холодный голубоватый свет пасмурного утра, превращая фигуру, стоявшую по ту сторону, в почти чёрный силуэт. Если бы я не посмотрела именно сейчас, если бы не это случайное отражение на столе, я бы никогда его не заметила.

Ксайдер.

Он стоял совершенно неподвижно. Не облакачивался о стену, как обычно. Не скрещивал руки. Не изображал привычную ленивую расслабленность человека, которому наскучил весь мир. Он просто стоял, выпрямившись, словно статуя, высеченная из чёрного камня. Длинный тёмный плащ почти сливался с оконной рамой, а золотые элементы формы тускло поблёскивали в полумраке.

Он не смотрел на голограммы. Не изучал данные симуля-

ции. Не переводил взгляд на Каина или Директора. Казалось, весь этот разговор его совершенно не интересовал.

Он смотрел только на меня. Золотые глаза были неподвижными. Спокойными. Слишком спокойными.

В них не было ни привычной насмешки, ни холодного превосходства, ни раздражения, которым он обычно одаривал окружающих. Не было даже жалости — чувства, которое я ненавидела бы ещё сильнее.

Было ожидание. Странное. Почти болезненное.

Так смотрят не на обречённого человека. Так смотрят на запал, который вот-вот вспыхнет. На шахматную фигуру, от которой зависит исход всей партии. Или... на давно потерянную вещь, которую неожиданно нашли там, где уже перестали искать.

Наши взгляды встретились. Всего на несколько секунд. Но этого хватило.

В груди что-то болезненно дрогнуло. Под повязкой змея на запястье резко шевельнулась, будто тоже почувствовала его присутствие. Треснувший круг между лопаток вспыхнул короткой, колючей болью, а по позвоночнику пробежала холодная волна. Мне показалось, что воздух между нами стал плотнее. Тяжелее. словно само пространство натянулось тонкой невидимой нитью.

Я хотела отвернуться первой. Не смогла.

В голове вспыхнуло воспоминание. Шахта. Падающий кристалл. Кровь. Его ладонь, грубо толкающая меня в сто-

рону. Полумесяц шрама. «Исчезни.» «Забудь этот день.»

Он солгал тогда. Ради меня.

Почему?

Этот вопрос вспыхнул внутри с новой силой, заглушая даже страх перед словами Директора.

Зачем? Почему человек, который мог позволить мне умереть ещё пять лет назад, вытащил меня из-под завала? Почему сегодня предупредил о Лаборатории Ноль? Почему теперь смотрит так, словно давно знает ответ, которого не знаю я?

На одно короткое мгновение мне показалось, что уголок его губ едва заметно дрогнул. Не улыбка. Скорее...

едва уловимое облегчение.

Будто произошло именно то, чего он ждал очень долго. И тут он медленно, почти незаметно качнул головой. Всего на долю сантиметра.

Любой другой решил бы, что это игра света. Но я увидела. Увидела совершенно отчётливо. Это был жест. Короткий. Почти невидимый.

Не сейчас.

Или...

Молчи.

Или...

Не показывай, что поняла.

Я не знала. Но почему-то поняла его без слов. Сердце забилось так громко, что я перестала слышать собственные

шаги. Двери кабинета бесшумно начали закрываться. Последнее, что я увидела перед тем, как тяжёлые створки окончательно разделили нас, — его глаза. Они продолжали следить за мной до самого конца, не моргая, не отрываясь ни на секунду.

Потом створки сомкнулись с тихим, почти вежливым щелчком.

Звук оказался удивительно негромким.

Но именно он прозвучал в моей голове громче любого выстрела.

Контроль.

Или...

изъятие.

Я вдохнула. Под повязкой снова шевельнулась змея.

Где-то глубоко внутри, в той самой чёрной пустоте между двенадцатью знаками, где не существовало ни света, ни правил, ни человеческих законов, что-то древнее и терпеливое словно расправило плечи.

Оно улыбнулось миру — так улыбается существо, которое слишком долго спало и наконец услышало, что время просыпаться пришло.

Глава 11

ЭЛИКСИЯ

«Правило выживания номер один: никогда не показывай, как глубоко тебя ранили. Раны привлекают акул.»

Аудитория «Хронос» была гробницей из черного карбоната и синего стекла. Холодный свет голограмм над кафедрой отбрасывал мертвенные блики на лица студентов. Я забила в последний ряд и пыталась раствориться в тени. Комбинезон Овна ощущался чужим саваном — ровно так, как и положено «пустышке», которую Академия ещё не решила, стоит ли изучать или просто утилизировать.

Под тканью между лопаток треснувший зодиак пылал тупым, настойчивым жаром. И каждый шаг Каина по подиуму отдавался в нём болезненной пульсацией — будто он ходил не по полу, а по моему позвоночнику.

Профессор Каин стоял неподвижно, как монумент. Серебристый глаз скользил по рядам, чёрный смотрел в пустоту. В пальцах, как всегда, вертелась монета. Сегодня — всего одна. И от этого было только хуже: будто ему достаточно одного зубца, чтобы вскрыть тебе горло.

— Катастрофа 2070 года, — его металлический голос разрезал воздух. — Не просто падение небесного тела. Это был апокалипсис, перекроивший ДНК человечества. Начало

Эры Зодиариев.

Над кафедрой вспыхнула голограмма: гигантский, пылающий шар, рвущийся к Земле. Стандартная картинка из учебников. Красиво. Чисто. Подача для первокурсников. Но мои символы вздрогнули — как животные, учуявшие ложь. В памяти на секунду всплыло настоящее: небо, разорванное огнём, крики, дым... и странная тяга в груди, где позже проступил первый знак. Не «избранность». Скорее — метка.

– Обломок, несущий «зодиакальное вещество» – редкую форму энергии, доселе неизвестную науке, – Каин сделал паузу, словно давая вес этим словам. – Врезался в верхние слои атмосферы, распавшись на фрагменты. Вещество рассеялось, вступило в резонанс с латентным астрологическим кодом в ДНК избранных.

Избранных.

Я чуть не фыркнула. Я видела «избранных» – как Даррен с плазменным копьём готов проткнуть любого, кто окажется слишком близко. Видела, как сильные ломают слабым кости просто потому, что могут. Академия создала касту господ и назвала это «порядком».

– Результат, – продолжил Каин, – Пробуждение Способностей, привязанных к знакам Зодиака. Сила Огня у Овнов. Непробиваемая стойкость Козерогов. Гидрокинез Рыб. – Его голос перечислял дары как товар в прайс-листе. – Мы обрели контроль над стихиями. Стали сильнее. Ближе к звездам.

На экране сменилась картинка: сияющие фигуры зодиа-

риев, укрощающие пламя, возводящие стены из земли, лечащие светом. Утопия. Красивая обложка для кошмара.

Каин задавал вопросы — и ответы выстреливали как по команде.

— Мисс Вердани: первичный эффект?

— Массовое пробуждение способностей...

— Корректно. Мистер Торн: вторичный?

— Тени, сэр... деградация ДНК...

– Упрощенно, но верно, – констатировал Каин. – Вторичный эффект – возникновение паразитических сущностей, Теней, из останков тех, чья ДНК не выдержала контакта с чистым веществом. Хаос, порожденный хаосом. Тлен.

Тлен.

Я наклонилась к Оливеру, сидевшему рядом, и прошептала так тихо, как могла — но, зная Каина, всё равно ощущала, что это крик:

– Слышишь, Олли? «Тлен». Людей, которых их «избранность» разорвала на куски, они называют «тленом». Очень гуманно.

Оливер пихнул меня локтем в бок так сильно, что я едва не выдохнула вслух.

– Эл! – прошипел он, его карие глаза округлились от ужа-

са. – Заткнись! Тебя же слышит!

– Пусть слышат, – буркнула я, потирая ушибленный бок, но все же чуть притихла. Не потому, что испугалась. Потому что сегодня у меня были другие цели. – Может, осознает, какую чушь несет про "порядок".

Каин продолжил, словно не заметил их перешептывания, хотя его серебристый зрачок на миг задержался на их ряду.

– Вопрос к аудитории, – его металлический голос прорезал гул. – Какова, по вашему мнению, главная польза Катастрофы 2070 года? Помимо очевидного пробуждения Способностей.

Тишина стала плотной. Студенты переглядывались. Ошибка здесь стоила дороже, чем оценка.

Кто-то робко выдал про «прогресс науки». Каин отрезал: поверхностно. Девушка-Дева осторожно ляпнула про «иерархию и естественный отбор» — и неожиданно получила кивок. Мне стало дурно.

– Прогресс науки, профессор? – робко пропищал студент-Рак с первых рядов. – Изучение вещества...

— Однако неполно, — сказал Каин. И тогда его взгляд — оба глаза — скользнул к колонне.

Туда, где стоял Ксайдер.

Он выпрямился. Золотые глаза — бесстрастные. Голос — ровный, будто он диктует отчёт.

— Катастрофа предоставила человечеству инструмент для выживания в изменившейся реальности, профессор. Си-

ла — ресурс. Порядок и контроль — механизм его распределения и применения против новых угроз. В том числе порождённых самой Катастрофой.

Я стиснула пальцы под столом. *Ресурс. Распределение.* Как удобно звучит, когда ты стоишь не внизу, а на вершине.

О, браво, наследничек, — ядовито подумала я, сжимая кулаки под столом. "Распределение ресурса". *То есть, сидите вы тут, жсиреете на своих факультетах, а "пустышки" внизу дохнут как мухи или становятся вот этим?* Я мысленно кивнула на Теней. *Какой удобный, стерильный мирок у тебя в голове, Ксайдер.*

— Точная формулировка, мистер Вейн, — Каин едва заметно удовлетворился. — Катастрофа дала ключ. Но ключ может открыть дверь к спасению... или к гибели. Без контроля...

Его чёрный глаз повернулся прямо на меня.

— ...ключ становится орудием разрушения. Самопроизвольного. Неконтролируемого.

Меня чуть не подбросило на стуле. Я ощутила, как ярость вспыхивает выше жара моих символов: *ты сейчас про меня, мерзкий ублюдок?* Я уже открыла рот, чтобы выплюнуть что-нибудь ядовитое — не ради смелости, ради кислорода, потому что молчать было физически тяжело.

Оливер снова ударил локтем. Жёстко. Точно. Без эмоций. *Сейчас — не время.*

Я резко сомкнула челюсти. Воздух вышел через нос со

злым шипением. Я опустила взгляд, будто поправляю складку на форме, и беззвучно прошевелила губами: *долбоящер*.

Каин продолжал — будто не слышал нас, хотя я знала: слышал. Он просто не хотел давать мне повод почувствовать себя заметной. Это было ещё унижительнее.

Каин, казалось, на миг задержал взгляд на том месте, где только что сидела моя непокорная мысль, но ничего не произнес. Он снова повертел монету.

— Не все выдержали контакт с чистым веществом. ДНК некоторых деградировала. Плоть смешалась с энергией, породив Теней. Они — напоминание о цене хаоса.

На голограмме появились бесформенные силуэты с пустыми глазницами. По аудитории прошёл нервный шёпот. Меня передёрнуло: я видела их в симуляции. Чувствовала их голод — не к плоти, к теплу жизни. Они были не «тленом». Они были счетом, который Академия выставляла миру.

— Порядок, — сказал Каин снова, — единственный барьер между нами и этим.

Контроль. Или изъятие.

Слова Директора всплыли ледяным эхом. Я сжала руки под столом так, что ногти впились в ладони.

И именно тогда случилось **это**.

Не боль — резонанс.

Тянущий, вязкий, чужой.

Он прокатился от знаков на спине к груди, словно кто-то протянул внутри меня тонкую проволоку и резко дёрнул. Треснувший круг между лопаток вспыхнул сильнее, и одновременно — на другой стороне аудитории — Ксайдер резко выпрямился. Его рука непроизвольно сжалась в кулак. Над его головой на миг проступила и тут же погасла рваная голограмма Скорпиона — короткий всплеск, как судорога.

Его золотые глаза расширились. В них мелькнуло что-то первобытное — не ласка и не интерес. Боль? Злость? Голод? Я не успела понять.

Рядом с ним переминался Коралл Хамфри, Стрелец — вечная жвачка, проколота бровь, ухмылка человека, которому всегда скучно. Он перестал жевать. Его взгляд стал острым и оценивающим: с Ксайдера — на меня.

Что это было?

Он чувствует... меня?

Наши взгляды встретились. В воздухе между нами дрожало, как перед грозой. Меня накрыло паникой — не истерикой, а телесным страхом: будто я стою на краю обрыва и кто-то сзади уже положил руку на спину.

– Тени питаются страхом и жизненной силой зодиариев, – сказал Каин, его серебристый глаз задержался на Эликсии на долю секунды дольше, чем нужно. – Они – вечное напоминание о цене хаоса.

"Мы не хотели, чтобы ты проснулась так рано..." Об-

рывки непонятных мыслей, словно эхо из прошлого, мелькнули и растворились. Что это было? Я не знала. Знание билось где-то за плотной стеной, как мотылек о стекло.

— Порядок, — Каин снова произнес это слово, и его черный глаз словно на миг уперся прямо в Эликсию, — это единственный барьер между нами и тем самым тленом. Хаос должен быть изолирован. Уничтожен.

Эликсия невольно съежилась под этим взглядом, но мысль пронеслась дерзко:

Проецируете, профессор?

Каин продолжал вещать о «слепой ярости стихий», о «благородной миссии Академии по укрощению силы». Я видела лишь ложь. Видела людей в черных комбинезонах (еще без знаков Академии, но уже с тем же холодным взглядом), вывозящих из кратера обломки. Будущих «хранителей порядка». Основателей культа.

Каин оборвал лекцию так резко, будто кто-то щёлкнул выключателем. Его платиновый глаз на миг сфокусировался не на нас — на точке между нами.

— Контроль, — произнёс он ледяным тоном, обращаясь ко всем, но глядя прямо на меня, — не привилегия. Это необходимость. Во имя выживания. Во имя порядка. Первый урок истории окончен.

Студенты зашевелились, заговорили, потянулись к выходам. Я встала, игнорируя дрожь в коленях. Мне нужно было выбраться отсюда. Быстро. Пока мой организм не решил по-

вторить «сбой» прямо в аудитории.

— Ну надо же... — протянул знакомый голос, лениво растягивая слова. В шумном коридоре они прозвучали неожиданно громко, и несколько человек сразу обернулись. — Смотрите, кто у нас сегодня решил не сдохнуть.

Я даже не удивилась.

Даррен стоял, облокотившись на колонну, словно специально ждал моего появления. Бионический фиксатор всё ещё удерживал его челюсть, тонкие серебристые пластины поблёскивали под белым светом лампы, а встроенный синтезатор делал голос чуть хриплым и неприятным. За его спиной привычно маячили двое приятелей, переглядываясь с одинаковыми ухмылками, будто заранее знали сценарий этого разговора.

Он медленно оттолкнулся от стены и пошёл навстречу, не сводя с меня взгляда.

— Честно говоря, я уже почти поверил, что симулятор наконец избавил Академию от одной бесполезной проблемы. Даже немного расстроился, когда увидел тебя живой.

Я остановилась. Посмотрела на него. Потом на бандаж. Снова на него.

— Не переживай, — спокойно сказала я, чуть склонив голову. — Я испытала похожее разочарование, когда увидела, что тебе всё-таки смогли собрать челюсть обратно.

По толпе прокатились тихие смешки.

Даррен услышал их сразу.

Улыбка на его лице стала жёстче.

— Смотри-ка... Заговорила. А я думал, после кабинета Директора ты будешь ходить тихая, как мышь.

— Хотелось бы тебя порадовать.

Я пожала плечами.

— Но, к сожалению, не получилось.

Он остановился почти вплотную.

— Ты вообще понимаешь, где находишься?

— В коридоре.

— Не умничай.

— Тогда формулируй вопросы точнее.

Даррен коротко усмехнулся, но в глазах уже не было веселья.

— Думаешь, один удачный день что-то изменил? Ты всё та же пустышка. Без своего дружка-Козерога ты бы ещё на первой минуте сдохла. Он за тобой таскается, как нянька. Скорпионша тоже, смотрю, решила подобрать бездомного котёнка.

Я несколько секунд молча смотрела на него.

Так долго, что ему самому стало неудобно.

— Даррен...

Я улыбнулась. Очень ровно.

— А тебе не надоело всё время бегать за Ксайдером?

Он нахмурился.

— Что ты сказала?

— Ну правда. Куда ни посмотришь — ты всегда где-то

рядом. За спиной. В двух шагах. Такое чувство, что если он случайно свернёт не в тот коридор, ты тоже побежишь следом.

Кто-то тихо фыркнул.

Я продолжила, уже не отводя взгляда.

— Слушай... у тебя вообще своя жизнь есть? Или всё расписание строится вокруг того, где сегодня находится Ксайдер?

Даррен резко шагнул ко мне.

— Закрой рот.

— Почему? Неприятно слышать правду?

— Ты сейчас доиграешься.

— Да?

Я окинула его взглядом сверху вниз.

— Пока что доигрался только ты. Причём собственной челюстью.

В этот раз засмеялись уже громче. Даже кто-то из старшекурсников не смог сдержаться. Даррен резко развернулся к толпе.

— Какого хрена вы ржёте?!

Смех почти сразу стих. Он снова посмотрел на меня.

— Очень смешно?

— Немного.

— Ты, блядь, слишком смелая стала.

— Нет.

Я покачала головой.

— Просто перестала бояться человека, который только языком и машет.

Он шумно втянул воздух. Я видела, как под кожей на скулах заходили мышцы.

— Думаешь, тебе теперь всё можно?

— Нет.

Я сделала ещё полшага вперёд. Теперь нас разделяли считанные сантиметры.

— Но знаешь, что действительно смешно?

Он молчал.

— Ты каждый раз пытаешься выглядеть страшным.

Я посмотрела прямо ему в глаза.

— А выглядишь просто очень громким.

В этот момент за моей спиной послышались тяжёлые шаги. Оливер. Он не вмешивался. Пока. Просто остановился рядом. Этого оказалось достаточно.

Даррен перевёл взгляд на него и криво усмехнулся.

— Ну конечно. Телохранитель уже здесь.

— Не телохранитель, — спокойно ответил Оливер, засунув руки в карманы. — Просто не хочу, чтобы хирургам снова пришлось собирать тебя по частям. Им и так вчера работы хватило.

Даррен хотел ответить.

Но именно в этот момент по коридору прошли Ксайдер и Коралл. Ксайдер даже не посмотрел на меня. Он лишь мельком скользнул взглядом по Даррену.

— Хватит.

Одно слово. Негромкое. Даррен мгновенно сделал шаг назад. Я тихо усмехнулась.

— Вот это уже интересно.

Он зло посмотрел на меня.

— Что?

— Ничего.

Я пожала плечами.

— Просто заметила, что меня ты слушаешь хуже, чем его.

Коралл тихо прыснул.

— Даррен, по-моему, это был контрольный.

Я прошла мимо, высоко подняв голову. Когда я поравнялась с Ксайдером, он наконец поднял глаза. Всего на секунду.

Его золотые радужки задержались на моём лице чуть дольше, чем следовало.

Ксайдер не улыбнулся. Но когда я прошла мимо, высоко подняв голову, его золотой взгляд скользнул по мне быстро, оценивающе — и там мелькнула искра чего-то опасного. Не жалость. Не нежность. Узнавание.

Я чувствовала жар медальона под формой — он реагировал на близость сильных, как будто был живым. Чувствовала, как мои собственные знаки медленно утихают. И чувствовала его взгляд мне в спину: Ксайдера. Жгучий. Неотступный.

Этот урок лжи и контроля только укрепил мою мысль: правду отсюда не дадут. Её придётся вырвать. Из Запретных

Архивов.

И как только мы с Оливером вышли в коридор, я уже знала: сегодняшняя ночь не будет про сон.

Она будет про взлом.

Глава 12

ЭЛИКСИЯ

«Здесь доверие — роскошь. А предательство — смена времени года.»

Столовая гудела, как гигантский механический улей. Вопреки формальным факультетским зонам, которые соблюдали только на показательных мероприятиях, студенты сбивались в кланы. Чёрный зал с высокими потолками, подсвеченный синими полосами и голограммами меню, был набит шумом голосов, звоном посуды и запахом синтетического белка, металлических специй и чего-то жареного, что должно было имитировать «дом».

Я увидела его сразу — потому что таких невозможно не видеть.

Ксайдер Вейн, безупречный и холодный, как всегда, занимал центральный стол в престижной зоне. Рядом с ним, развалившись на стуле и явно развлекавшийся, сидел Коралл Хамфри – его проколота бровь дергалась в такт какому-то рассказу, который он сопровождал яркими жестами, рисуя в воздухе плазменные траектории. И, как тень, чуть поодаль, но явно в орбите Ксайдера, маячил Даррен. Его лицо все еще скрывал бионический бандаж, фиксирующий челюсть, но это не мешало ему кивать на каждое слово Ксайдера с

собачьей преданностью и бросать злобные взгляды по залу. Особенно — в мою сторону.

Ну да. Конечно.

Пусть пускает пену. Мои клыки острее.

Я сидела одна за маленьким столиком у самой дальней стены столовой, почти под массивным вентиляционным коробом, который непрерывно гудел где-то над головой, заглушая часть окружающего шума. Это место я выбрала специально. Отсюда было видно почти весь зал, но на меня обращали внимание только тогда, когда сами этого хотели. Именно этого мне сейчас и не хотелось — ни чужих взглядов, ни очередных насмешек, ни вопросов, ни золотых глаз Ксайдера. Комбинезон Овна вдруг стал ощущаться не формой Академии, а клеймом, которое невозможно снять. Под повязкой между лопаток символы лениво шевелились, проверяя границы собственной клетки, а голод уже давно скручивал желудок в болезненный узел. Я смотрела в гладкую чёрную поверхность стола и пыталась убедить себя, что мне всё равно. Не получилось.

Столовая жила своей обычной жизнью. За длинными рядами столов кто-то смеялся, кто-то спорил из-за результатов симуляции, кто-то уже строил ставки на следующее испытание. Над центральной частью зала возвышалась круглая площадка, которую официально никто не называл особенной, но каждый прекрасно понимал её значение. Там сидели силь-

нейшие старшекурсники. Там сидел Ксайдер. Я специально не поднимала головы, но всё равно чувствовала его присутствие почти физически, будто в центре помещения находился источник притяжения, заставляющий всё пространство вращаться вокруг себя.

Тяжёлые шаги я узнала раньше, чем увидела их обладателя. Оливер уверенно пробирался между столами, удерживая в руках две металлические миски и кружки с кофе. По дороге кто-то окликнул его, какой-то Козерог хлопнул по плечу, но он только махнул рукой и продолжил идти ко мне. Через несколько секунд он уже опустил поднос на стол с таким видом, будто принёс величайшее сокровище.

— Лови, — сказал он с привычной ухмылкой, пододвигая ко мне миску. — Сегодня кухня решила не устраивать массовое убийство. Это, конечно, ещё не ресторан, но хотя бы выглядит съедобно.

Я невольно усмехнулась и подняла на него взгляд.

— Не верю. Покажи сертификат качества.

— Сертификат? — фыркнул он, устраиваясь напротив и вытягивая длинные ноги под столом. — Эл, ты сейчас в Академии. Здесь максимум могут выдать свидетельство о том, что ты сдохнешь не от еды, а после неё.

— Какая забота о студентах.

— А то. Нас берегут.

Он пожал плечами с такой серьёзностью, что я всё-таки тихо рассмеялась. Всего на секунду. Всего одним коротким

выдохом. Но даже этого хватило, чтобы напряжение внутри немного ослабло. Я взяла ложку, осторожно размешала густое коричневое рагу, из которого ещё поднимался пар, и уже собиралась отправить первую ложку в рот, когда под кожей на запястье змея неожиданно дёрнулась так резко, что пальцы сами собой дрогнули.

Я застыла.

Сначала показалось, будто это просто игра света. Потом поверхность рагу пошла мелкой рябью. Через секунду жидкость начала пузыриться. Медленно. Почти лениво. Коричневый соус стремительно темнел, становясь густым и вязким, куски мяса расползались прямо на глазах, казалось пролежали на солнце несколько недель, а синтетический картофель превращался в серую кашу. Из миски повалил тонкий фиолетовый дым, который быстро стал плотнее. Запах ударил мгновенно — сладковатый, химический, тошнотворный, похожий одновременно на гниль, озон и нестабильное зодиакальное вещество. Такой запах невозможно было перепутать.

Яд Скорпиона.

По ближайшим столам прокатилась волна тихих смешков. Кто-то перестал есть. Кто-то локтем толкнул соседа. Разговоры вокруг не стихли сразу — они затихали постепенно, пока почти вся столовая не начала смотреть только на один столик. На мой.

— Ну надо же... — протянул знакомый механический го-

лос. Даррен даже не пытался говорить тише. Наоборот, специально повысил тон, чтобы слышали как можно больше людей. Бионический фиксатор на его челюсти тихо жужжал при каждом слове. — Смотрите-ка, пустышке даже жратва отказывает. Академия заботится о качестве питания. Ядовитое — к ядовитым.

Его прихвостни громко заржали.

— Может, оно просто решило само умереть раньше, чем его съест такая безнадёга? — продолжил Даррен, облачаясь на стол и глядя прямо на меня. — Или Скорпионы решили сделать тебе подарок? Всё-таки травиться по собственной воле — дело неблагодарное.

Я подняла голову. Сердце билось спокойно. Именно это спокойствие всегда было самым опасным.

Мой взгляд скользнул вверх, к центральной площадке. Ксайдер. Он сидел на своём месте так, словно ничего не произошло. В одной руке лениво вращал высокий прозрачный бокал с тёмной жидкостью, другой легко постукивал по подлокотнику кресла. Даже не посмотрел в мою сторону. Только в тот самый момент, когда я перевела на него взгляд, его длинные пальцы едва заметно разжались, а над краем бокала растворилась последняя тонкая фиолетовая нить энергии.

Не скрываясь. Не оправдываясь. Будто хотел, чтобы именно я это увидела. Будто специально показывал:

«Да. Это сделал я. И ты ничего мне не сделаешь.»

Что-то внутри меня оборвалось.

Стул с оглушительным грохотом отлетел назад.

— Ты... — собственный голос показался чужим. Низким. Хриплым. — Ах ты сукин сын...

Я уже шагнула вперёд, чувствуя, как под повязками символы вспыхивают горячей волной, как в висках начинает шуметь кровь, а мир вокруг становится слишком ярким. Хотелось только одного — добраться до него. Стереть это ледяное выражение с его лица. Заставить хоть раз перестать смотреть на всех так, будто вокруг него ходят не люди, а бесполезные статисты.

Но сильная ладонь сомкнулась на моём предплечье раньше, чем я успела сделать второй шаг.

— Эл, нет, — резко сказал Оливер, мгновенно оказываясь передо мной. Его голос был тихим, но таким напряжённым, что я сразу поняла — он не просит. Он приказывает. Второй рукой он крепко сжал моё плечо и буквально развернул меня к себе. — Посмотри вокруг. Не на него. На остальных.

Я попыталась вырваться.

— Пусти меня.

— Не пущу, — отрезал он, удерживая меня так крепко, будто боялся, что ещё секунда — и я действительно сорвусь. — Да успокойся ты, мать твою. Именно этого они и добиваются.

Я дёрнулась ещё раз.

Безрезультатно.

— Олли, отпусти!

— Нет! — почти рывкнул он, а затем снова понизил голос.

— Посмотри внимательно.

Я машинально перевела взгляд по сторонам.

Камеры под потолком уже плавно поворачивались в нашу сторону.

Несколько преподавателей поднялись со своих мест.

У дальнего выхода неподвижно стоял Каин. И наблюдал. Только наблюдал.

Оливер наклонился почти к самому моему лицу.

— Один выброс, Эл, — тихо произнёс он, глядя мне прямо в глаза. — Один грёбаный выброс — и они сами оформят тебе билет в лабораторию. Им не придётся ничего доказывать. Ты всё сделаешь за них. Не дай этим ублюдкам такой подарок.

Я тяжело втянула воздух.

Под кожей всё ещё жгло. Хотелось убивать. Хотелось кричать. Хотелось перевернуть здесь каждый стол. Но постепенно дыхание выравнилось. Я снова посмотрела вверх.

Ксайдер наконец перевёл взгляд на меня. Всего на секунду.

И мне показалось, что в глубине его золотых глаз мелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

Будто он проверял. Не моё терпение. Мои пределы.

Оливер осторожно отпустил и поднял свой стул. Его миска стояла нетронутой. Оливер тяжело дышал, но сел.

— Бери, — Оливер подвинул ко мне свою тарелку, даже

не взглянув на собственную. Его голос звучал ровно, но челюсть была стиснута так сильно, что под кожей ходили желваки. — Я всё равно не голоден.

— Олли...

— Не спорь.

Он сказал это тихо, но таким тоном, что я сразу поняла — сейчас он спорить действительно не собирался. После всего, что произошло несколько минут назад, он выглядел опасно спокойным. Именно таким он становился перед дракой. Не кричал, не ругался, не бросался угрозами. Просто внутри него медленно закипал вулкан, который однажды обязательно должен был рвануть. И, судя по тому, как он время от времени косился в сторону центральной платформы, этот вулкан был адресован вполне конкретному человеку.

Я уже открыла рот, чтобы огрызнуться — исключительно потому, что иначе могла просто разреветься прямо посреди столовой, — когда воздух над нашим столом внезапно затрещал от статического напряжения. По металлической поверхности побежали тонкие голубые искры, волосы на руках встали дыбом, а лампы над головами несколько раз нервно мигнули ярко-синим светом.

— Ой... — пробормотал кто-то за соседним столом. — Опять эти двое...

Две фигуры возникли рядом так стремительно, словно их действительно собрали из электрического разряда. Высокий парень и девушка двигались почти синхронно — одинако-

вый шаг, одинаковый поворот головы, одинаковая привычка говорить почти одновременно. Они были похожи не внешне, а каким-то внутренним ритмом, словно давно научились мыслить в унисон.

— Привет! — первым улыбнулся парень, легко плюхаясь на край соседнего стула, как будто мы были знакомы лет десять. Его длинные иссиня-чёрные волосы были небрежно собраны в хвост, а голубые глаза горели тем самым опасным азартом, который появляется у людей перед удачным экспериментом. Он лениво щёлкнул пальцами, и между ними с сухим треском перескочила тонкая синяя молния. — Ник. Водолей. Люблю электричество, старые серверы и всё, что взрывается... желательно не специально.

— Он врёт, — спокойно сказала девушка, закатив глаза. Её серебристо-белые волосы были собраны в высокий хвост, а на переносице поблёскивали тонкие прозрачные очки дополненной реальности. Она выглядела гораздо спокойнее, но в глазах читалось точно такое же болезненное любопытство. — Специально ему нравится даже больше. Я Мэй. Тоже Водолей. Предпочитаю сначала понять, почему что-то работает, а уже потом случайно это сломать.

— Случайно? — возмутился Ник.

— Девяносто процентов времени.

— Это статистически недоказуемо.

— Потому что ты удалил статистику.

— Потому что она меня дискредитировала.

Они одновременно посмотрели на свободные стулья.

— Можно? — спросили они хором.

Я всё ещё чувствовала, как внутри меня дрожит злость после выходки Ксайдера, поэтому просто молча кивнула. Оливер же отреагировал иначе. Почти незаметно выпрямился, плечи стали шире, а взгляд — тяжелее. Со стороны это выглядело так, будто он просто удобнее сел. Я же слишком хорошо его знала. Он автоматически оценивал угрозу. Даже если эта угроза улыбалась.

Ник плюхнулся рядом со мной, Мэй — напротив. Парень тут же положил ладонь на стол, и тонкие искры весело разбежались по металлической поверхности. Девушка лениво ткнула пальцем в погасший голографический проектор меню, и тот неожиданно ожил, но вместо списка блюд начал выводить разноцветные полосы, геометрические фигуры и бессмысленные символы.

— Опять сломала, — довольно заметил Ник.

— Опять починила не то.

— Это тоже талант.

— Спасибо.

— Не за что.

Они переглянулись и одновременно их глаза остановились на мне.

Очень внимательно.

Слишком внимательно.

Ник сначала посмотрел на моё лицо. Потом на испорчен-

ную миску. Потом снова на меня. Мэй вообще не скрывала, что буквально изучает каждую мелочь — движение пальцев, дыхание, напряжённые плечи, даже то, как ткань повязки лежит под воротником.

— Вау... — почти благоговейно выдохнул Ник. — Так это правда...

— Ник.

— Что?

— Не начинай.

— Я обязан начать.

— Ты всегда обязан.

— Именно.

Мэй тихо вздохнула, словно заранее знала, что остановить его невозможно.

— Это правда? — спросила уже она, чуть подавшись вперёд. Голос её стал гораздо тише, но в нём звучало такое искреннее любопытство, что невозможно было принять его за издёвку. — Симуляция... Купол... тот энергетический выброс... Синие глаза...

Ник не выдержал.

— Правда, что ты Змееносец? — выпалил он почти шёпотом, однако глаза его вспыхнули так ярко, словно он только что нашёл ответ на величайшую научную загадку. — Тринадцатый знак... Это же правда?

У меня внутри всё похолодело.

Не от самого вопроса.

От того, насколько легко он его произнёс.

Будто говорил не о легенде, за одно упоминание которой можно исчезнуть из Академии, а о погоде за окном.

Я медленно поставила ложку обратно в миску.

— Вы совсем ебанулись? — спросила я негромко, стараясь, чтобы голос звучал раздражённо, а не испуганно. — Кто вам такой бред рассказал? Даррен? Ему после перелома челюсти обезболивающее на мозги подействовало?

— Нет, — быстро покачал головой Ник. — Даррен вообще несёт какую-то фигню. Мы ему не верим процентов на... ну... десять.

— На пять, — поправила Мэй.

— Хорошо. На пять.

Она спокойно продолжила вместо него:

— Купол действительно треснул. Мы подняли часть телеметрии симулятора.

Я почувствовала, как напрягся Оливер.

Очень медленно.

Очень тихо.

— Подняли? — переспросил он.

Ник расплылся в довольной улыбке.

— Ну... официально нет.

— Неофициально тоже нет, — добавила Мэй.

— Но если один сервер случайно забывает закрыть резервный канал...

— А второй случайно получает доступ администратора...

— А третий случайно оказывается нашим...

— То информация становится очень разговорчивой.

Они улыбнулись почти одинаково.

— Вы взломали сервер Академии? — медленно спросил Оливер.

— Нет, — абсолютно серьёзно ответил Ник.

Пауза.

— Мы просто очень убедительно попросили его сотрудничать.

Даже я невольно фыркнула.

Но внутри холод становился только сильнее.

Мэй снова посмотрела на меня.

— Мы видели только энергетический след, — сказала она уже совсем серьёзно. — Не лицо. Не силу. Только спектр. Он не совпадает ни с одним из двенадцати знаков. Вообще ни с чем из базы Академии.

— А потом Айла... — тихо добавил Ник. — После симуляции она сказала одну фразу.

Он наклонился ещё ближе.

— «Настоящий Змееносец».

За нашим столом стало удивительно тихо.

Я медленно наклонилась вперёд и посмотрела сначала на него, потом на Мэй.

— Послушайте меня очень внимательно, — сказала я негромко. Голос прозвучал неожиданно спокойно, но внутри каждое слово отдавалось холодом. — Вы сейчас играете

не в детективов. Не в хакеров. И даже не в учёных. Если вы продолжите копать в этой истории, однажды утром за вами придут люди, которые не задают вопросов. Они просто забирают. Поэтому сделайте себе огромное одолжение. Закройте эту тему. Удалите всё, что нашли. Забудьте моё имя. И перестаньте произносить вслух слово «Змееносец».

Я сделала короткую паузу, переводя взгляд с одного на другого.

— Потому что это не легенда. Это приговор.

Ник и Мэй молчали несколько долгих секунд. Восторг в их глазах медленно сменялся чем-то другим — тревогой, сомнением... и ещё большим интересом. Именно это мне понравилось меньше всего. Я уже видела такой взгляд. Так люди смотрят не на человека, а на загадку, которую очень хочется разгадать.

И именно в этот момент на наш стол упала тень.

Не массивная и надежная, как тень от широкой фигуры Оливера, за которой всегда хотелось спрятаться. Не суетливая, мелькающая между столами вместе с другими студентами. Эта тень была другой — ровной, холодной, почти геометрически точной. Она словно одним движением ножа разрезала гул столовой, и я почувствовала ее раньше, чем подняла голову. Озон в воздухе стал гуще, а шепот вокруг будто на мгновение захлебнулся сам собой.

Мы подняли головы почти одновременно.

Перед нашим столом стояла Айла.

Ее темная кожа цвета горького шоколада резко выделялась в холодном синем освещении столовой, отчего казалось, будто она соткана из самой ночи. Длинные волосы, настолько черные, что под голографическими лампами отливали густой синевой, тяжелыми волнами лежали на плечах и спине. Комбинезон Скорпиона сидел на ней безупречно, будто его создавали специально под каждое движение ее тела, а светящийся символ на груди мерцал спокойно и уверенно, совершенно не похожий на нервные вспышки остальных студентов. В руках она держала металлический поднос с двумя мисками и двигалась так неспешно, словно весь этот шум вокруг вообще не имел к ней никакого отношения.

Айла не сказала ни слова. Сначала она медленно перевела взгляд на мою испорченную еду, затем — на мою руку, всё ещё сжимавшую ложку так сильно, что побелели костяшки пальцев. После этого ее глаза скользнули к Оливеру, который продолжал сидеть напротив, напряженный до предела, словно в любую секунду собирался подняться и снова закрыть меня собой. Потом она посмотрела на Ника и Мэй, буквально светящихся от любопытства, задержалась на нескольких студентах за соседними столами, которые уже откровенно перестали делать вид, будто заняты собственным обедом, и только после этого снова встретилась со мной взглядом.

В этих почти черных глазах не было ни жалости, ни сочувствия.

Только спокойствие.

И холодная оценка.

Будто она проверяла какую-то собственную гипотезу.

Не говоря ни слова, Айла поставила поднос на стол. Затем спокойно взялась за свободный стул, подтянула его ближе, и ножки неприятно проскрипели по полу. Этот звук неожиданно оказался громче разговоров всей столовой. Ник и Мэй почти одновременно подвинулись, освобождая место. Она не просила их об этом. Не смотрела вопросительно. Просто рядом с ней почему-то хотелось выполнять всё молча.

Айла села рядом со мной, прямо напротив Оливера. Одну миску она оставила перед собой, вторую совершенно будничным движением придвинула ко мне, словно моя прежняя тарелка вообще никогда не существовала. Затем она подняла ладонь. Пальцы едва заметно шевельнулись, и из-под рукава комбинезона бесшумно вытек тонкий фиолетовый туман. Он не клубился эффектными кольцами и не пытался произвести впечатление. Наоборот — двигался почти лениво, медленно обтекая металлическую миску с почерневшей массой. Через несколько секунд отвратительная жижа начала растворяться прямо на глазах, превращаясь в сероватую дымку. Не было ни вспышек, ни громкого шипения, ни театральной демонстрации силы. Просто яд Скорпиона безжалостно разложил чужой яд на составляющие, оставив после себя идеально чистую поверхность стола.

Это был крошечный жест.

Почти незаметный.

Но вся столовая поняла его громче любых слов.

Айла только что публично выбрала сторону.

— Теперь выглядит лучше, — произнесла она своим низким, удивительно спокойным голосом, убирая остатки тумана лёгким движением пальцев. Слова прозвучали так буднично, будто речь шла о случайно пролитом кофе, а не о демонстративном унижении, которое несколько минут назад устроили мне посреди столовой. Она посмотрела прямо на меня и едва заметно приподняла уголок губ. Это даже нельзя было назвать улыбкой. Скорее коротким знаком: *я видела всё*.

Ник растерянно моргнул и несколько секунд просто переводил взгляд с Айлы на меня, словно пытался решить какую-то математическую задачу.

— Мне одному кажется, — наконец осторожно произнес он, нервно почесав затылок, — что сейчас произошло... что-то очень важное?

— Не кажется, — тихо ответила Мэй, не сводя глаз с Айлы. Ее голос впервые звучал без привычного восторга, а почти настороженно. Она медленно огляделась по сторонам и едва слышно добавила: — Посмотри вокруг.

Мне даже не нужно было оборачиваться.

Я чувствовала это кожей.

Столовая изменилась.

Разговоры никуда не исчезли, но стали другими. Смех оборвался где-то на полуслове. Кто-то перестал есть. Кто-то

опустил ложку обратно в тарелку. Несколько студентов вообще поднялись со своих мест, чтобы незаметно посмотреть в нашу сторону. Над столами поплыли тихие, обрывочные шепоты, сталкиваясь друг с другом, как искры статического электричества.

— Скорпион села рядом с ней...

— Ты это видел?

— Это Айла...

— Она совсем с ума сошла?

— Или это приказ?

— Нет... если бы это был приказ, Ксайдер бы уже вмешался...

— Тогда какого хрена происходит?..

Оливер всё это время молчал. Только я заметила, как немного расслабились его плечи. Совсем чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы понять: он всё ещё не доверяет Айле, но признаёт, что сейчас она только что сделала для меня больше, чем смог бы любой преподаватель. Он коротко посмотрел ей в глаза, будто оценивая угрозу, а потом перевёл взгляд на меня.

Айла же словно вообще ничего не замечала. Она спокойно взяла ложку, попробовала суп, на секунду задумалась и слегка поморщилась.

— Всё-таки кормят здесь отвратительно, — невозмутимо сказала она, снова опуская ложку в миску.

Ник тихо прыснул от смеха.

— Это... наверное, самый странный способ поддержать человека, который я когда-либо видел.

— Я никого не поддерживаю, — спокойно ответила Айла, даже не посмотрев в его сторону. Она сделала ещё один глоток супа, словно разговор вообще не представлял для неё никакого интереса, и только после этого добавила: — Просто терпеть не могу, когда продукты переводят впустую.

Она снова посмотрела на меня.

Дольше.

Внимательнее.

— И ещё не люблю, когда стая начинает чувствовать запах крови раньше хищника, — произнесла она уже совсем тихо, так, чтобы слышали только мы четверо. В её голосе не было угрозы. Лишь сухая констатация факта. — Сегодня слишком много людей решили, что ты стала лёгкой добычей.

Я смотрела на неё и вдруг поняла простую вещь.

Прятаться больше не получится.

Я больше не была той незаметной «пустышкой», которую можно было безнаказанно толкнуть плечом в коридоре или обсмеять за соседним столом. После симуляции, после купола, после кабинета Директора, после этой сцены в столовой я превратилась в центр притяжения всего, чего меньше всего хотела. Центр слухов, которые распространялись быстрее любого вируса. Центр интереса тех, кто видел во мне научную сенсацию. Центр ненависти тех, кто привык чувствовать себя сильнее остальных.

И где-то за этим гулом голосов, за запахом синтетической еды и озона, за мерцанием голографических экранов я всё равно ощущала ещё одно присутствие.

Спокойное.

Неподвижное.

Тяжёлое.

Я даже не стала искать его глазами.

Я знала, что Ксайдер не смотрит на меня.

По крайней мере, так казалось всем остальным.

Но кожа между лопатками снова начала медленно гореть, будто чей-то взгляд касался её так же отчётливо, как прикосновение пальцев.

И почему-то я была уверена, что он видел абсолютно всё. Даже то, чего не замечала я сама.

Глава 13

ОЛИВЕР

«Мы все — дети звезд, упавших в грязь. Одни светятся в темноте. Другие — обжигают при прикосновении.»

Моя комната пахла пылью, машинным маслом и... ею.

Это было странно. Обычно здесь пахло старым металлом, дешёвым стиральным порошком, перегретой электроникой и вечным озоном, который въедался в стены Академии сильнее любой краски. Но стоило Эликсии переступить порог, как все остальные запахи исчезали, растворялись где-то на заднем плане. Оставался только терпкий аромат её духов — немного горький, немного сладкий, с чем-то пряным, что невозможно было описать словами. Я всегда говорил, что эти духи пахнут неприятностями. Она только смеялась и отвечала, что неприятности обычно пахнут дымом и кровью. Может быть. Но для меня они уже много лет пахли именно ею.

Эликсия сидела на краю моей койки, поджав одну ногу под себя и обхватив руками второе колено. После того хаоса, который она устроила у себя в комнате, где стены теперь больше напоминали картину безумца — синие разводы, кислотно-зелёные всплески, мазки, похожие на молнии, — она наконец переоделась. И почему-то именно сейчас я поймал себя на мысли, что совершенно забыл, насколько она краси-

вая. Не идеальная. Не глянцева. Не похожая на тех девчонок, которые часами торчат перед зеркалом, выпрямляя волосы и подбирая цвет помады. Нет. Эликсия была красивой вопреки всему. Вопреки синякам, шрамам, вечно разбитым костяшкам, привычке кусать губы до крови и совершенно наплевательскому отношению к собственной внешности.

На ней были короткие чёрные кожаные шорты с нарочито рваными краями, словно они пережили столько же драк, сколько и их хозяйка. Свободный серый топ лениво спадал по плечам, открывая тонкие ключицы и полоску кожи у основания шеи. Материя время от времени съезжала чуть ниже, когда она раздражённо жестикулировала, и тогда под воротом на мгновение показывался край серебристой змеи, обвивавшей её запястье и исчезающей под тканью. Она, наверное, даже не замечала этого. Да и вообще редко задумывалась о том, как выглядит. Натянула первое, что нашла в шкафу, собрала волосы кое-как и пошла. И именно поэтому выглядела так, что половина Академии оборачивалась ей вслед.

Босые ноги покачивались над полом. На пятках ещё осталась строительная пыль, а на левом колене виднелась свежая царапина, происхождение которой она, скорее всего, уже и сама не помнила. Она вообще собирала синяки так же легко, как другие люди собирают коллекции магнитов из путешествий. Каждый новый след на её теле означал какую-нибудь совершенно безумную историю. Прыжок с крыши. Драку. Очередную попытку залезть туда, куда категорически за-

прещено. Или просто неудачную встречу с собственным характером.

Волосы цвета самой спелой вишни были собраны в небрежный пучок, который уже наполовину развалился. Несколько длинных прядей постоянно падали ей на лицо, и она раздражённо сдвигала их, даже не замечая этого движения. У самых корней уже проступал холодный пепельный оттенок. Через пару дней она снова будет ворчать, что выглядит как «бледная поганка», закроется в ванной с дешёвой краской из автомата и выйдет обратно, перепачкав всё вокруг бордовыми разводами. Каждый раз происходило одно и то же.

Я едва заметно усмехнулся.

Если бы она хоть на секунду увидела себя моими глазами, перестала бы издеваться над собственной внешностью. Потому что дело никогда не было в волосах. И не в одежде. Не в фигуре. Дело было в ней самой.

Её лицо невозможно было назвать идеальным по журнальным меркам. Маленький шрам возле виска, который она получила ещё в приюте. Крошечная родинка у подбородка. Веснушки, появлявшиеся летом и почти исчезающие зимой. Нижняя губа, которую она постоянно кусала, когда нервничала, поэтому маленькие ранки никогда не успевали окончательно зажить. Всё это не портило её. Наоборот. Делало настоящей. Живой. Такой, которую невозможно спутать ни с кем.

А глаза... Боги, эти глаза. Две капли жидкого азота, готовые выжечь душу насквозь. Особенно сейчас, когда она кидала очень неприличные комментарии про Даррена. И что-то про его маленький засохший член.

— ...и этот кусок биомусора! — шипела она, чертя ногтем по грубому покрывалу. Змейка на запястье шевелилась от ярости. — С его синтезированным бляением! Бандаж — буд-то отсоединенная кишка робота-клоуна! Он всерьез думает, что лизание задницы Ксайдеру придаст ему вес? Ха! Ходячая помойка с прошивкой дешевого голема! Когда я доберусь...

Я слушал, прислонившись к шкафу, скрестив руки. Ее губы, подчеркнутые естественным темно-бордовым оттенком, двигались быстро, выплевывая слова, острые, как бритвы. Вкус вишни. Вспышка памяти ударила неожиданно: летняя ночь пять лет назад. Ей семнадцать. Не поход, не развалины. Ее комната в старом заброшенном общежитии. Тот же запах ее духов, смешанный с пылью и юношеским пылом. Ее губы под моими — именно такие, сочные, чуть потрескавшиеся от ветра, с этим вкусом вишни. Ее топ тогда тоже был серым, но сполз с плеча, открывая россыпь веснушек, которую я позже запомнил наизусть. Мы были пьяны от свободы, от страха будущего, друг от друга. Первый раз. Неловкий, стремительный, навсегда врезавшийся в память жаром ее кожи под моими ладонями и этим вкусом. Мы никогда об этом не говорили. Никогда. Как будто стерли тот вечер. Но я помнил.

Каждый вздох. Каждый стон. Каждую дрожь.

— Оли? Ты слушаешь? — ее голос, как ледяной душ, вернул меня в реальность. Жидкий азот в ее глазах колол меня подозрением. Я почувствовал, как горит лицо.

— А?.. Даррен... Да, мусор, — пробормотал я почти автоматически, только сейчас понимая, что последние несколько секунд вообще не слышал половину её тирады. Сосредоточься. Черт возьми, Клэй, просто возьми себя в руки. Она сидит перед тобой уже минут десять и выплескивает накопившуюся злость, потому что всегда делает так рядом с тобой. Она доверяет тебе настолько, что позволяет видеть себя настоящую — бешеную, громкую, колючую, живую. А ты вместо этого, как последний идиот, рассматриваешь её голые ноги и вспоминаешь ночь пятилетней давности. — Продолжай, — добавил я уже увереннее, заставляя себя поднять глаза выше её колен. Намного выше. Желательно вообще смотреть ей только в лицо. Это было безопаснее. Почти.

Она подозрительно сощурилась, словно мгновенно уловила, что мои мысли только что унесло куда-то очень далеко, но ничего не сказала. Лишь шумно выдохнула через нос, раздражённо заправила выбившуюся бордовую прядь за ухо и снова пустилась в привычный поток возмущения, размахивая руками так эмоционально, как будто заново переживала сцену в столовой. Я давно стал для неё чем-то вроде громотвода: она приходила, садилась рядом, выпускала весь накопившийся за день яд, а уходила уже спокойнее. Обычно

это работало и для меня. Но сегодня всё было иначе. Сегодня каждый её жест почему-то цеплял сильнее обычного. Серый свободный топ постоянно съезжал с одного плеча, открывая тонкую линию ключицы. Когда она нервничала, машинально кусала нижнюю губу — ту самую привычку, которая сводила меня с ума ещё подростком. Она поджимала под себя босые ноги, потом снова опускала их на пол, нетерпеливо покачивая ступнёй. От её волос всё ещё пахло вишей, озоном и едва уловимой горечью духов, и этот запах смешивался в моей памяти с другим вечером. С другой комнатой. С другим серым топом. С её тихим смехом. С поцелуем, о котором мы оба решили никогда больше не говорить.

— А Айла... — неожиданно произнесла она уже совсем другим голосом, и я мгновенно вернулся в реальность. Злость из её интонации никуда не исчезла, но теперь под ней отчётливо проступало что-то другое. Недоумение. Настороженность. Почти растерянность. Она перестала размахивать руками и опустила взгляд на свои пальцы, которые сами собой сжимали край топа над коленом так сильно, что ткань побелела от натяжения. — Вот этого я вообще не понимаю, Олли. Совсем. Зачем? Почему она вообще ко мне подсела? Со мной. Со мной, мать её. Она же Скорпион. Не просто Скорпион — одна из тех, кто сидит наверху, в своей золотой компании. У них там свои игры, свои интриги, свои вечные соревнования, кто сегодня ближе к Ксайдеру, кто сильнее, кто круче. Они друг другу глотки перегрызут за место

рядом с этим ледяным придурком. И вдруг она берёт свой поднос... подходит... садится рядом со мной, словно это самая нормальная вещь на свете. Зачем? Чтобы потом использовать? Чтобы позлить кого-то? Чтобы посмотреть поближе на цирковую обезьяну? Или ей просто захотелось проверить, насколько быстро я окончательно свихнусь?

Она резко подняла голову и посмотрела прямо на меня. В её глазах впервые за весь вечер не было ни сарказма, ни привычного упрямства. Только вопрос, на который она действительно хотела получить ответ.

Я тяжело выдохнул. Хотел бы я знать.

— Может... просто потому что может? — произнёс я негромко, неспешно подбирая слова. Собственный ответ показался мне слабым ещё до того, как я его договорил. Я провёл ладонью по затылку, ощущая неприятное напряжение в шее. — Может, ей плевать на их иерархию. Может, она решила проверить, насколько далеко сможет зайти, прежде чем Ксайдер сорвётся. Или... — я ненадолго замолчал, внимательно глядя на Эликсию. — Или она увидела что-то, чего не видят остальные. Не "пустышку". Не девчонку без пробудившейся силы. А... что-то другое.

— Что именно? — тихо спросила она, почти сразу.

Я колебался всего секунду.

— Легенду.

Она коротко усмехнулась, но смех вышел каким-то пустым.

— Легенду? — переспросила она, качнув головой. — Серьёзно? Ты сейчас опять про этот идиотский бред? Про Змееносца? После того как Ник с Мэй наслушались подпольных форумов? Господи, Олли... — Она закатила глаза и раздражённо хлопнула ладонью по матрасу. — Двенадцать лет прошло после Катастрофы. Двенадцать! За всё это время — ни одного подтверждённого случая. Ни одного. Только сказки. Только байки для зелёных первокурсников, чтобы они не лазили ночью по закрытым корпусам. Ты же сам всегда смеялся над этой ерундой.

— Смеялся, — спокойно согласился я, не сводя с неё взгляда. — До недавнего времени.

Она нахмурилась.

Я сделал несколько шагов по комнате, опёрся плечом о шкаф и скрестил руки на груди.

— Когда мы ещё жили в Нижнем секторе, старик Хейз иногда рассказывал странные истории. Помнишь? Мы тогда думали, что он окончательно выжил из ума после радиационной лихорадки. Но кое-что я всё-таки запомнил. Он говорил, что в самых старых хрониках существовал не двенадцатый круг, а тринадцатый. Не знак удачи. Не знак силы. Знак ошибки. Его называли по-разному. Разрушителем Круга. Пожирателем Судьбы. Тем, кто не вписывается ни в одну систему. Тем, кто способен ломать предопределённость так же легко, как ребёнок ломает сухую ветку. Если остальные двенадцать следуют законам мира... то он, наоборот, пере-

писывает эти законы под себя.

Я говорил всё тише, потому что чем дальше заходил, тем меньше это походило на старую сказку.

Эликсия больше не спорила.

Она сидела неподвижно, опустив руки на колени. Только её пальцы незаметно нашли край рукава и машинально коснулись места, где под тканью скрывалась змея на запястье. Я заметил это движение сразу. Всегда замечал.

На мгновение её серо-голубые глаза стали почти прозрачными, а потом в самой глубине радужки вспыхнуло что-то холодное. Почти незаметное. Едва различимая синяя искра. Не гнев. Не раздражение. Страх. Настоящий.

У меня неприятно сжалось всё внутри. Я сразу отвёл взгляд к стене, будто ничего не увидел.

Потому что если увидел я... значит, однажды это увидит кто-то ещё. И тогда никакие мои обещания уже не смогут её защитить.

— Правила... — почти беззвучно прошептала она, опустив взгляд на свои ладони, словно впервые увидела собственные пальцы. Голос стал неожиданно глухим, лишённым привычной колкости. Она почти незаметно потерла большим пальцем внутреннюю сторону запястья — именно там, где под рукавом пряталась змея, — и коротко, зло усмехнулась. — Все эти правила... эти чёртовы инструкции... эти цепи, которые они надевают на каждого ещё до того, как человек успевает понять, кто он вообще такой. — Она рез-

ко встряхнула головой, будто прогоняла собственные мысли. Серёжки-кольца тихо звякнули, ударившись о шею. Бородовые пряди выбились из небрежного пучка и рассыпались по плечам. Через секунду прежняя Эликсия словно силой натянула на лицо привычную маску сарказма. — Да ну нахрен... Это всё бред. Через неделю же Ночь Падающих Звёзд. Половина Академии окончательно сходит с ума. Все начинают "делиться энергией", обмениваться секретами, устраивать свои идиотские сделки, будто это не праздник, а подпольная биржа компромата. Может, Айла просто охотится? Ищет что-нибудь необычное. Собирает коллекцию грязных секретов. А я... — она пожала плечами с нарочитым безразличием, хотя уголок её губ едва заметно дрогнул, — просто экзотический экземпляр. Забавная пустышка с кучей странностей.

Я невольно отвёл взгляд к окну. За защитным стеклом вечер медленно пожирал Нью-Аргентум. Где-то далеко, между башнями, мерцали энергетические магистрали, превращая город в огромное созвездие, раскинувшееся прямо на земле. Через неделю весь этот холодный металлический лабиринт изменится. Академия откроет внутренний двор, сотни студентов выйдут под открытое небо, чтобы встретить ежегодный астероидный дождь — Ночь Падающих Звёзд. Для большинства это был красивый праздник. Музыка. Смех. Танцы. Энергетические ритуалы. Временное ослабление всех внутренних правил. Возможность обменяться частью своей си-

лы, почувствовать чужую энергию, заключить союз или сделку. Но я слишком хорошо знал, что скрывается за красивой обёрткой. В ту ночь чужие тайны стоили дороже кредитов. Любая слабость становилась товаром. Любая эмоция — оружием. Именно тогда рождались самые крепкие союзы... и самые грязные предательства. Если слухи о ней уже начали расползаться по Академии, если хоть кто-то действительно поверил в историю о Змееносце, Ночь Падающих Звёзд могла стать для Эликсии не праздником, а идеально подготовленной ловушкой. Толпа. Эмоции. Огромная концентрация энергии. Достаточно одной искры.

— Возможно, — наконец тихо сказал я, возвращая взгляд к ней. Голос прозвучал спокойнее, чем я себя чувствовал. — Но ты всё равно не расслабляйся. Не только с Айлой. Вообще ни с кем. Здесь каждый улыбается ровно до того момента, пока не понимает, что может получить от тебя что-то ценнее улыбки. А потом... — я невесело усмехнулся и пожал плечами, — потом вспоминает, что вы вообще-то никогда не были друзьями.

Она ничего не ответила сразу. Только кивнула, будто соглашалась скорее сама с собой, чем со мной, после чего отвернулась к окну. Вечерний смог клубился между корпусами Академии, переливаясь синеватыми отблесками энергетических линий, и почему-то до боли напоминал дым, который поднимался над шахтой пять лет назад. Пальцы снова нашли край рукава. Снова почти бессознательно коснулись

змеи, скрытой тканью. Я давно перестал считать, сколько раз за день она делает это движение. Когда нервничает. Когда злится. Когда боится. Особенно когда боится.

Её губы тронула едва заметная усмешка. Не насмешливая. Не дерзкая. Горькая.

— Помнишь, Оли?.. — спросила она неожиданно тихо, не оборачиваясь. Голос стал совсем другим. Исчезла привычная язвительность, исчезла злость, исчезла бравада. Осталась только усталость. — Приют... "Новая Надежда". Ту ночь. Когда небо будто разорвали на куски огненные хвосты. Когда воспитатели носились по этажам и сами плакали от страха. Когда весь корпус трясло так, что с потолка сыпалась штукатурка, а окна светились этим проклятым синим светом... Помнишь? Казалось, будто сам ад решил заглянуть к нам в гости и проверить, кто ещё жив.

У меня перехватило дыхание. Не от её слов. От того, как спокойно она их произнесла. Мысль ударила неожиданно сильно.

Она помнит.

Не обрывки. Не кошмары. Не отдельные картинки. Она действительно помнит.

Я почувствовал, как пальцы сами собой сжались в кулак за спиной. Так сильно, что ногти болезненно впились в ладонь. Сердце сделало один тяжёлый удар.

Той ночью я дал обещание. Обещание, которое изменило всю мою жизнь. Но сейчас я вдруг понял куда более страш-

ную вещь. Она помнила всё, что произошло до этого обещания.

А значит... однажды может вспомнить и то, что я поклялся скрывать любой ценой.

— Помню, — выдавил я после долгой паузы. Собственный голос прозвучал чужим — низким, хриплым, будто каждое слово приходилось буквально вытаскивать из горла. Я отвёл взгляд к окну, но видел не вечерний смог Академии, а ту ночь, словно она снова происходила прямо сейчас. — Помню грохот... крики воспитателей... этот проклятый синий свет... Он бил в глаза так, будто кто-то включил сотню сварочных аппаратов одновременно. Казалось, что небо горит. Что весь мир просто разваливается на куски. — Я нервно сглотнул, чувствуя, как пересохло во рту. — Такое невозможно забыть.

— Да... — тихо ответила она, кивнув, но не отводя от меня взгляда. Её серо-голубые глаза сейчас казались почти прозрачными, холодными, как лёд на зимнем озере, под которым скрывается чёрная вода. Она смотрела так внимательно, будто пыталась рассмотреть не моё лицо, а мысли под ним. — Это помнят все. Любой ребёнок из "Новой Надежды" до сих пор просыпается от этих кошмаров. Но я спрашиваю не про это, Оли. — Она сделала короткую паузу, и я увидел, как пальцы сами собой медленно поднялись к груди, прижимаясь чуть выше сердца. Совсем машинально. Словно тело помнило то, что память пыталась спрятать. — Ты помнишь,

что было раньше? До сирен... До того, как воспитатели начали кричать... До того, как мы выбежали во двор? Помнишь, как я проснулась среди ночи?

Она говорила всё тише, но именно эта тихая интонация пугала меня сильнее любого крика.

— Я тогда решила, что снова Алек со своими ублюдками решил надо мной поиздеваться. Думала, опять подложили что-нибудь в кровать... кипяток... раскалённую пластину... что угодно. Помнишь, они ведь постоянно так делали. — Она горько усмехнулась, но улыбка умерла, едва успев появиться. — Но это было другое. Совсем другое. Горело не снаружи. Горело внутри. Так, словно кто-то открывал меня изнутри раскалённой иглой. Под кожей будто вспыхивали десятки крошечных спичек. Одна... потом ещё одна... ещё... ещё... Каждая новая боль была сильнее предыдущей. Я не могла даже закричать. Только хватала воздух, как выброшенная на берег рыба.

Она замолчала всего на секунду. Этого оказалось достаточно, чтобы у меня в ушах снова зазвенела та ночь.

— Я сорвала с себя пижаму... — почти шёпотом продолжила она. — И увидела это. Светящиеся линии. Не царапины. Не ожоги. Они были слишком ровными. Слишком правильными. Геометрия, которую невозможно нарисовать рукой человека. Будто кто-то взял лазер и выжег прямо под кожей рисунок невидимыми чернилами. Они светились... пульсировали... словно были живыми. А потом я посмотрела

на руку... — она аккуратно подняла запястье, будто всё ещё видела на нём ту первую вспышку, — ...и она уже была там. Маленькая. Свернувшаяся кольцом. Светящаяся. Такая яркая, что я сначала решила — это настоящее животное. Мне показалось, что она сейчас шевельнётся. Что заползёт выше по руке.

Я молчал. Не потому, что не знал, что сказать. Потому что каждое её слово попадало точно туда, куда я годами не позволял себе смотреть.

Я видел перед собой маленькую девочку с растрёпанными волосами, босиком бегущую через тёмную спальню приюта. Помнил, как резко распахнулись мои глаза от её судорожного дыхания. Как она трясла меня за плечо, сама дрожа всем телом.

— Оли... проснись... пожалуйста... — шептала тогда десятилетняя Эликсия, задыхаясь от слёз. — Со мной что-то не так...

— Я побежала к тебе, — сказала она уже вслух, возвращая меня обратно в настоящее. Голос её дрогнул. Совсем чуть-чуть. Впервые за весь разговор в нём прозвучала та самая испуганная девочка, которая всё ещё жила где-то глубоко под её бесконечной дерзостью. — Ты спал. Очень крепко. Я схватила тебя за руку... просто хотела показать... доказать, что не схожу с ума. Что действительно горю...

Она медленно посмотрела мне прямо в глаза.

— И знаешь, что произошло дальше?

Я знал.

Господи...

Я слишком хорошо это знал.

— Там, где мои пальцы коснулись твоей кожи... вспыхнули буквы. — Она произнесла это почти беззвучно, будто боялась, что сами стены услышат. — "Л"... и "К". Такие яркие... будто их вырезали из синего неона. Ты вскрикнул. Не от боли. Я это помню. Ты испугался не боли. Ты испугался света.

У меня перехватило дыхание.

На долю секунды комната исчезла. Я снова почувствовал то прикосновение. Её холодные пальцы. И ответ, пришедший откуда-то из глубины моего собственного тела.

Тогда мне казалось, будто под кожу залили жидкое электричество. Не её символы. Не её энергия. Что-то внутри меня само откликнулось на неё. Словно давно спало... и вдруг узнало знакомый голос. Свет побежал по венам, вспыхнул под кожей, складываясь в чужие знаки. Они появились всего на несколько секунд, но я запомнил их навсегда.

Утром всё исчезло. Почти.

На месте светящихся букв кожа стала странной. Перламутровой. Гладкой. Почти прозрачной. Она шелушилась целую неделю, словно после линьки, а потом исчезла без следа.

Без следа для остальных. Но не для меня.

— Утром... — продолжала Эликсия, медленно приближаясь ко мне, — там, где горели эти буквы... кожа стала похожа на чешую. Помнишь? Тонкая. Перламутровая. Почти

прозрачная. Потом начала отслаиваться кусочками. Воспитатели сказали, что это ожог. Потом придумали историю про химикаты с соседнего завода. — Она горько усмехнулась и покачала головой. — Только вот рядом никогда не было никакого завода.

Она остановилась совсем рядом. Слишком близко. Я чувствовал тепло её дыхания. Чувствовал запах можжевельника, горьких ягод вишни и того самого едва уловимого вишни.

— Но знаешь, что самое странное? — тихо спросила она. — Я ведь никогда не забывала тот запах после удара астероида. Не дым. Не гарь. Не кровь. Мёд. Такой густой... сладкий... приторный, что начинало тошнить. Он словно въелся мне в лёгкие. И именно после него... между лопаток появился этот разорванный круг. Потом руны за ухом. Потом всё остальное.

Она смотрела на меня так долго, что стало почти физически больно.

— Воспитатели соврали. — Голос её стал твёрже. — Это я давно поняла. Но ты...

Она сделала последний шаг. Теперь между нами почти не осталось воздуха.

— Ты тоже врёшь, Оливер.

Я не ответил. Не смог.

Она медленно подняла руку. Не чтобы ударить. Только указать. На мою правую кисть, которую я всё это время бессознательно держал за спиной.

— Думаешь, я не замечаю? — спросила она совсем тихо.
— Думаешь, я не вижу, как ты рисуешь эти символы? На запотевших окнах автобусов. На грязных витринах. На столах. На песке. Ты делаешь это машинально. Каждый раз одинаково. Потом долго смотришь на них... будто чего-то ждёшь.

Её голос почти сорвался на шёпот.

— Нет...

Не вопрос. Просьба.

— Скажи мне честно...

Она впервые за очень долгое время посмотрела на меня без злости. Без сарказма. Без своей привычной брони. Только с отчаянной надеждой.

— Кто приходил к нам той ночью, Оли?

Она выдержала паузу, от которой у меня болезненно сжалось сердце.

— Кто заставил тебя молчать? Что ты увидел... пока я была без сознания?

Удар ниже пояса. Она замечала то, чего я сам в себе не видел. Мои пальцы, машинально выводящие одни и те же символы на запотевших окнах автобусов, на покрытых пылью капотах старых генераторов, на металлических столах мастерской, пока я ждал окончания диагностики. Мне всегда казалось, что это просто бессмысленная привычка, вроде привычки барабанить пальцами по столу или крутить в руках гайку во время разговора. Но для неё каждая такая мелочь становилась ещё одним кусочком огромной головолом-

ки. Она молчала. Наблюдала. Запоминала. Складывала всё в голове, пока наконец не подошла ко мне сегодня и одним вопросом не разбила всю стену, которую я строил между нами столько лет.

Потому что она была права. Я действительно ждал. Сам не понимал чего. Ответа. Знака. Или его.

Перед глазами вспыхнуло воспоминание. Не размытое. Не похожее на сон. Слишком настоящее.

Комната приюта была залита тем самым синим светом, будто кто-то вывернул ночь наизнанку. Остальные дети спали мёртвым, невозможным сном. Даже воспитатели не заходили проверить, почему в окнах полыхает небо. Только я сидел на кровати, не в силах пошевелиться, потому что передо мной стоял человек.

Высокий. В чёрном комбинезоне без единого знака Академии. Без зодиакальных символов. Только на воротнике поблёскивала маленькая нашивка. Перевёрнутое созвездие.

Я так и не смог потом вспомнить его лицо. Каждый раз, когда пытался, память словно расплывалась серым пятном, оставляя только ощущение чужого присутствия. Будто кто-то специально выжег его черты из моей головы. Но голос... голос остался навсегда.

Тихий. Ровный. Страшный именно потому, что в нём не было ни капли угрозы.

— Забудь всё, что видел этой ночью, — сказал он спокойно, присаживаясь перед моей кроватью так, чтобы на-

ии глаза оказались на одном уровне. Он говорил почти шёпотом, но каждое слово будто проваливалось мне под кожу. — Забудь девочку. Забудь знаки. Забудь свет. Это единственный способ сохранить ей жизнь. Если начнёшь искать ответы раньше времени... последствия коснутся не только тебя.

Я тогда ничего не понял. Был слишком маленьким. Слишком испуганным. Просто молча кивнул.

Он поднялся так же бесшумно, как появился. Воздух вокруг него дрогнул, словно сама реальность на секунду потеряла форму. Ещё мгновение — и в комнате никого не осталось. Только я. Только грохот за окнами. Только синее небо.

И только тогда я посмотрел на собственную ладонь. Она светилась. Тонкие серебристо-синие линии медленно проступали под кожей, складываясь в символы, которых я никогда раньше не видел. Они не жгли. Не причиняли боли. Наоборот. Казалось, ладонь вспоминает что-то древнее, что давно должно было исчезнуть. Я смотрел на неё, забыв, как дышать, пока свет постепенно не начал угасать. К рассвету кожа снова стала обычной. Символы исчезли, будто их никогда не существовало.

Но ощущение осталось. Ощущение, что в ту ночь я прикоснулся к чему-то настолько древнему и запретному, что сама память отказалась хранить его полностью.

Я резко отступил назад, пока ноги не ударились о край кровати. Металл жалобно скрипнул, но я почти не услы-

шал этого звука. Горло сдавило так сильно, что стало трудно вдохнуть. Передо мной стояла уже не взрослая Эликсия, привыкшая отвечать ударом на удар. Перед глазами снова была десятилетняя девочка в старой растянутой пижаме, дрожащая всем телом от страха, с сияющими линиями под кожей и глазами, полными паники.

Мне хотелось сказать правду. Всю. Без остатка. Схватить её за плечи, встряхнуть и наконец признаться. «Да. Я всё помню. Тебя. Свет. Человека. Его угрозу. Своё обещание. Твои глаза.

Но стоило этим словам почти сорваться с языка, как память снова ударила другим голосом. «Последствия коснутся не только тебя.»

И страх снова победил. Не за меня. За неё. Всегда только за неё.

— Эл... — начал я хрипло, заставляя себя смотреть ей в глаза, хотя хотелось отвернуться. Голос предательски дрогнул уже на первом слове. — Может... мы тогда были детьми. После такого память часто начинает играть с человеком. Дистраивает события. Смешивает кошмары с реальностью. Этот свет... эта ночь... мы оба были напуганы.

Я слышал собственную ложь. Она звучала отвратительно. Плоско. Дёшево. Даже я сам себе не верил. Но всё равно продолжал, цепляясь за каждое нелепое оправдание.

— А знаки... может, это действительно была какая-нибудь реакция организма. Радиация. Химия после падения астеро-

ида. Или... — я натянуто усмехнулся, отчаянно пытаюсь вернуть её привычную язвительность, — может, ты сама их расцарапала во сне. Ты же всегда умела найти неприятности даже там, где их не было...

Она не улыбнулась. Не закатила глаза. Не обозвала меня идиотом. Она просто смотрела. Долго. Молча. И именно это молчание оказалось страшнее любого крика.

В её взгляде не осталось злости. Не осталось раздражения. Даже разочарование куда-то исчезло. Было только тихое, болезненное понимание. Будто она наконец получила ответ, которого боялась сильнее всего.

«Ты мне не доверяешь.»

Она медленно отвернулась. Серёжки тихо звякнули, когда бордовые волосы скользнули по её плечу. Этот едва слышимый звук почему-то резанул сильнее любой пощёчины.

— Ладно, Козёл, — произнесла она совершенно спокойно, и именно это спокойствие напугало меня сильнее её крика. Она даже не попыталась скрыть усталость, проступившую в голосе. — Хватит бляеть. Если ты сам уже поверил в свою ложь... спорить с тобой бесполезно.

Она медленно опустилась на край кровати, подтянула колени к груди и отвернулась к стене. Серый топ, который ещё полчаса назад казался дерзким, теперь висел на ней тяжёлой тканью. Кожаные шорты больше не выглядели вызывающе. Они стали похожи на остатки брони, которую воин всё ещё носит только потому, что снять её уже нет сил. Она больше

ничего не сказала. Только сильнее обхватила себя руками, словно пыталась удержать внутри что-то, что медленно трещало по швам.

Я не двинулся с места. Стоял посреди комнаты и смотрел ей в спину. Туда. Между лопаток. Туда, где под тонкой тканью скрывался разорванный круг из тринадцати звёзд.

И именно тогда я снова почувствовал это. Не увидел. Почувствовал.

Воздух вокруг неё начал медленно густеть. Настолько незаметно, что любой другой человек решил бы, будто ему показалось. Но я ощущал эти изменения слишком давно. Холод поднимался от её спины медленными волнами, будто где-то глубоко внутри открывалась дверь в огромное ледяное пространство. Металлическая кружка на столе покрылась тонкой дымкой, а на поверхности полки начали проступать узоры инея. Лампа под потолком едва заметно замерцала. Где-то в глубине пола прокатилась низкая вибрация — не звук, а ощущение, которое отзывалось прямо в костях.

Её знаки снова просыпались. Но не от ярости. Не от силы. От боли. От предательства. От моей собственной лжи.

Я никогда не говорил ей, что способен чувствовать каждое такое пробуждение. Что всякий раз пространство вокруг неё словно переставало подчиняться привычным законам. Но сейчас, глядя на её неподвижную фигуру, я вдруг понял страшную вещь.

Она тоже это чувствовала. Только иначе.

Для неё это была та самая инструкция по эксплуатации чужого тела, которую кто-то однажды вписал прямо под кожу в ночь падающих звёзд.

А я... Я оставался единственным человеком, который знал часть правды. И с каждой минутой всё яснее понимал, что однажды её уничтожит не сила.

Не Академия. Не Директор.

Её уничтожит моё молчание.

Глава 14

ЭЛИКСИЯ

«Пустота внутри меня — не слабость. Это черная дыра, готовая поглотить их сияющий мирок.»

Комната Оливера пахла металлом, старой пылью, машинным маслом и его дешёвым одеколоном — терпким, древесным, с лёгкой горечью, которая почему-то всегда действовала на меня успокаивающе. За годы этот запах стал почти родным. Он не ассоциировался с роскошью или уютом, но ассоциировался с безопасностью. С тем редким чувством, когда можно хотя бы ненадолго перестать ждать удара в спину.

Я лежала на его узкой кровати, завернувшись в тёмно-серый плед почти по самый подбородок. Матрас был слишком жёстким, подушка пахла стиральным порошком и немного — им самим, но впервые за последние дни это не раздражало. Наоборот. Где-то совсем рядом, всего в нескольких шагах, на старом потёртом кожаном диване дремал Оливер. Даже во сне он выглядел так, будто охранял кого-то. Его широкие плечи медленно поднимались и опускались в такт глубокому дыханию, одна рука свисала с края дивана, длинные пальцы всё ещё были сжаты, словно даже сейчас он был готов в любую секунду вскочить и прикрыть меня собой.

Лунный свет пробивался через узкое окно, расчерчивая

комнату серебристыми полосами. Он ложился на металлические полки, на разбросанные инструменты, на детали разобранного дрона, который Оливер обещал починить уже недели две назад, но так и не нашёл времени. На полу валялись ботинки, возле стены стояла штанга с блинами, а на столе громоздились кружки, пустые упаковки энергетиков и какие-то инженерные схемы. Настоящая мужская берлога. Хаотичная. Грубая. Но удивительно живая.

Моя собственная комната сейчас была непригодна для существования. После сегодняшнего приступа ярости мне захотелось сделать хоть что-нибудь красивое, чтобы перестать думать о лабораториях, Протоколе Тринадцать, Директоре и золотых глазах Ксайдера. Я стащила краски у ремонтной бригады и несколько часов подряд покрывала стены рисунками, пока серый бетон не исчез под слоями синего, красного, чёрного и серебристого. Теперь вместо унылых стен там бушевала целая вселенная — космос, змеи, созвездия, трещины, уходящие в бесконечность, человеческие силуэты, растворяющиеся в синем свете. Только вместе с этим комнату заполнил такой едкий запах растворителей, что даже промышленная вентиляция Академии капитулировала. Дышать там было невозможно.

Рисование всегда было моей слабостью.

Наверное, единственной зависимостью, от которой я никогда не хотела избавляться.

Пока другие искали спасение в тренировках, драках, ал-

коголе или бесконечных вечеринках верхних уровней Академии, я искала его в краске. Мне было всё равно, чем рисовать. Аэрозольными баллончиками, строительными маркерами, обычной кистью, углём, мелом — хоть собственной кровью, если ничего другого не останется. В мире, где порядок считался высшей ценностью, любое яркое пятно воспринималось как преступление. Мои рисунки закрашивали почти сразу. Иногда через день. Иногда уже через пару часов. Но это никогда меня не останавливало.

Я снова искала баллончики, договаривалась с ремонтниками, меняла краску на украденные булочки, батареи, детали для дронов или любые мелочи, которые могли пригодиться детям из Нижнего сектора.

Стены. Потолок. Пол. Даже вентиляционные шахты. Для меня всё становилось холстом.

Наверное, именно так я удерживала собственный разум от окончательного падения.

Потому что если перестану рисовать...

Начну думать. А думать сейчас было страшнее всего.

Сон пришёл так незаметно, что я даже не успела понять, в какой момент перестала бодрствовать. Не было привычного ощущения, когда мысли постепенно становятся тяжелее, веки наливаются свинцом, а сознание медленно растворяется в усталости. Не было той короткой секунды, когда человек ещё понимает, что не спит. Реальность просто исчезла. Словно кто-то одним движением выключил весь мир, оставив после

себя только бездонную, бесконечную темноту.

Но это не была обычная тьма. Не отсутствие света и не пустота. Она оказалась слишком плотной для этого. Она жила. Дышала. Медленно пульсировала вокруг меня, будто огромное живое существо, внутри которого я неожиданно оказалась. Я чувствовала её каждой клеткой, хотя собственного тела больше не существовало. Не было рук, которыми можно было коснуться лица. Не было ног, чтобы сделать хотя бы один шаг назад. Даже дыхание исчезло, словно в нём больше не было необходимости. Осталось только сознание, одинокое и беспомощное, дрейфующее внутри бесконечной живой ночи. Тьма не пугала меня привычным человеческим страхом. Она изучала. Осторожно касалась чего-то гораздо глубже кожи, словно пыталась вспомнить меня раньше, чем это смогла сделать я сама. И именно это ощущение оказалось страшнее любого кошмара. В её молчаливом прикосновении чувствовалась такая древность, что рядом с ней сама Катастрофа казалась случайным происшествием, случившимся всего несколько дней назад.

Где-то впереди пространство неожиданно дрогнуло. Не вспыхнуло и не разорвалось — по идеально гладкой поверхности этой чёрной бесконечности словно прошла первая рябь. Круги расходились медленно, один за другим, пока в самом центре не начала сгущаться темнота. Сначала мне показалось, что это просто игра воображения, но силуэт становился всё отчётливее. Чем яснее проступали его очерта-

ния, тем меньше он походил на человека. Высокая фигура будто была соткана из самой бездны. Её края постоянно расплывались густым дымом, исчезали, а затем вновь собирались в очертания плеч, длинного плаща и головы. Казалось, он не стоял передо мной. Он существовал сразу в десятках мест одновременно. Стоило мне попытаться сосредоточить взгляд, как его образ менялся, будто сама реальность не могла решить, какую форму ему придать.

— **Ты наконец позвала,** — произнёс он.

Нет. Даже не произнёс.

Голос не раздался в темноте. Он родился внутри меня, заставив каждый позвонок отозваться тяжёлой вибрацией. Казалось, невидимые пальцы коснулись моего позвоночника, и этот звук начал расходиться по всему телу, которого больше не существовало. Череп. Рёбра. Кости рук. Зубы. Всё отзывалось на эти слова низким гулом, похожим на далёкое землетрясение. Это был не голос. Не звук. Настоящий сейсмический толчок сознания. Я никогда прежде не испытывала ничего подобного.

— **Я ждал тебя очень долго, дитя,** — продолжил он уже спокойнее, почти ласково, и именно эта неожиданная мягкость напугала меня сильнее любых угроз.

Вместе с его словами тьма вокруг медленно заколыхалась, словно вся Вселенная оказалась огромным чёрным океаном, а он только что бросил в него невидимый камень. Пространство изгибалось вслед за каждым его движением, привычные

законы переставали существовать, будто здесь они работали только потому, что он им это позволял. Мне захотелось убежать. Сделать хотя бы один шаг назад. Закричать. Спросить, кто он такой. Что значит «позвала». Что значит «ждал». Но собственного тела не существовало. Я была пленницей собственного сознания и могла лишь смотреть, как эта невозможная фигура становится всё ближе.

— **Ты слишком долго спала,** — сказал он уже тише, но каждое слово по-прежнему ложилось прямо внутрь моего сознания, не спрашивая разрешения быть услышанным. — **Теперь печать ослабла. Скоро предопределённость судьбы треснет. И всё начнётся снова.**

Последняя фраза прозвучала спокойно. Почти буднично. Именно поэтому по несуществующей коже побежали несуществующие мурашки. Будто для него конец привычного мира был таким же естественным событием, как для обычного человека — наступление рассвета.

И в ту же секунду боль вернулась.

Не воспоминание.

Не ощущение.

Настоящая.

Та самая, что разрывала меня в симуляции. Будто чьи-то невидимые руки раскрыли грудную клетку и начали медленно раздвигать рёбра. Символ между лопаток вспыхнул так ярко, словно его раскалили добела. Змея на запястье вонзила невидимые клыки глубоко под кожу, а затем эта боль разле-

телась по каждому нерву ослепительной электрической волной. Я попыталась закричать, но опять не смогла. Даже здесь у меня не было собственного голоса.

— **Ты уже чувствуешь это,** — произнёс он ещё тише, и вместе с тем его голос стал неизмеримо тяжелее. — **Они тоже почувствовали. Они идут. Всегда шли. И всегда будут идти за тобой.**

Он медленно поднял руку. Или то, что только напоминало человеческую руку. Из темноты вытянулся длинный чёрный силуэт, одновременно похожий на ладонь, щупальце бездны и луч абсолютной тьмы. От него не исходил свет. Наоборот — он поглощал его. Даже сама пустота рядом становилась темнее, словно мир постепенно стирался изнутри.

— **Будь готова изменить всё,** — произнёс он спокойно. — **Будь готова вспомнить. Будь готова разрушить то, что они называют порядком. Потому что ты уже начала.**

Мир лопнул.

Не медленно.

Не постепенно.

Он просто разлетелся вдребезги, словно гигантское стекло, по которому ударили молотом. Меня сорвало вниз с такой чудовищной силой, что сознание будто оторвалось от самой реальности. Я падала сквозь багровое небо, разрезанное чёрными полосами дыма, сквозь режущее пламя и бесконечные облака пепла. Но уже через несколько секунд по-

няла страшную вещь. Это был не мой крик. Не мои лёгкие разрывались от жара. Не мои кости ломались под чудовищным давлением. Это рушился город. Небоскрёбы складывались один за другим, словно были сделаны из бумаги. Асфальт плавился, превращаясь в раскалённые реки. Миллионы огней гасли одновременно, и в какой-то момент я перестала ощущать себя человеком.

Я стала самой Катастрофой.

Я ощущала чудовищную тяжесть собственного существования. Скорость. Неизбежность столкновения. Я была раскалённым астероидом, несущимся к Нью-Аргентуму. Я была пламенем, которое невозможно остановить. Смертью, падающей с неба. И впервые за всю жизнь поняла, почему тогда никто не смог предотвратить конец старого мира.

Потому что предотвратить его было невозможно.

А потом пришёл холод.

Не зимний.

Не человеческий.

Не тот, что рождают кондиционеры или ветер.

Это был абсолютный холод космоса. Настоящий вакуум, терпеливо вытягивающий тепло из каждой клетки, заставляющий кровь забывать, что она должна быть горячей, а сердце — как нужно биться. Он не нападал. Не причинял боль. Он просто медленно обнимал меня, почти бережно, словно хотел сделать частью той самой бесконечной тьмы, из которой несколько мгновений назад вышло существо, назвавшее ме-

ня своим проводником. И почему-то именно тогда, уже почти растворяясь в этом ледяном безмолвии, я поняла самое страшное: оно не лгало. Оно действительно слишком долго меня ждало.

За спиной взорвался портал симуляции, оставив визг и запах озона, смешанный с чем-то сладко-металлическим. Запах катастрофы.

Я врезалась во что-то твердое. Боль вырвала стон.

НЬЮ-АРГЕНТУМ. 2070 ГОД. ПИК ПАДЕНИЯ.

Голос симулятора, безличный и леденящий, прозвучал не извне, а внутри черепа, как наваждение. Картинка перед глазами сфокусировалась, и я чуть не вырвала. Я была на крыше небоскреба. Или на том, что от него осталось. Пол зиял провалами, сквозь которые виднелись горящие этажи ниже. Весь горизонт пылал. Небо было не черным, не синим — оно было кроваво-красным, разодранным огненными хвостами. Они падали повсюду. Огромные, пылающие обломки, размером с дома, с грохотом, сотрясающим саму планету, врезались в город. Каждый удар — новый столб пламени, новая ударная волна, сметающая все на своем пути. Воздух звенел от визга сирен, далеких (или не очень) криков и этого всепоглощающего, адского гула.

Но хуже всего был свет.

Не свет пожаров. Не свет падающих звезд. Это был зодиакальный поток. Он лился с неба вместе с обломками — струями, водопадами, туманными облаками мерцающего вещества. Оно переливалось всеми цветами радуги, но доминировали ядовито-синий, кроваво-красный и пронзительно-фиолетовый. Оно светило изнутри, пульсируя, как живое. И оно жгло. Даже не касаясь кожи, оно обжигало ауру, било током по нервным окончаниям. Воздух искрил, щелкая микроразрядами. Мои символы вспыхнули белым калёным жаром. Казалось, под кожей закипает свинец. Я вжалась в холодный металл обломка, пытаюсь стать меньше, незаметнее.

"Сияние ваших знаков привлекает Тени..." — слова директора пронзили сознание, как ледяная игла.

И они пришли.

Они не падали — они рождались из самого света, из потоков зодиакального вещества. Фигуры... нет, не фигуры. Сгустки искаженной тьмы, силуэты, лишённые четких очертаний. Они были сделаны из теней и мерцающей энергии катастрофы. У них не было лиц, только впадины, где должны быть глаза — бездонные ямы голода и безумия. Они скользили по воздуху, по обломкам, бесшумно, как призраки, но их присутствие било по психике волной чистого, ледящего душу ужаса. Отчаяния. Ненависти ко всему живому.

Одна Тень, ближе других, резко повернула свою "голову" в мою сторону. Впадины-глаза увидели меня. Она почувствовала мое присутствие. Мое... свечение? Но я же "пустышка"! Мой комбинезон был темным! И все же... мои символы пылали под тканью, как маяки в этой адской тьме.

Тень издала звук. Не крик. Протяжный, ледяной стон, от которого кровь стыла в жилах. Звук разбитого сердца, потерянной жизни, бесконечной ярости. Она рванула ко мне. Плыла по воздуху, оставляя за собой шлейф мерцающей пыли и холода.

Сердце колотилось, как бешеное животное в клетке груди. Беги! — кричал инстинкт. Но куда? Крыша рушилась. Внизу — огонь. По небу падали смерти. А эта Тень...

Я оттолкнулась от обломка, кубарем покатила в сторону. Тень пронеслась над тем местом, где я только что была, ее ледяное касание обожгло щеку, оставив ощущение омертвения. Я вскочила, спотыкаясь, побежала вдоль края провала. Еще одна Тень возникла прямо передо мной, вынырнув из облака зеленого зодиакального тумана. Ее "руки", большие похожие на щупальца тьмы, потянулись ко мне.

Нет!

Я рванула влево, под ногами с грохотом обрушился кусок бетона. Я едва успела перепрыгнуть трещину. Адреналин затуманил разум. Я не думала. Двигалась. Падала. Катилась. Вставала. Бежала снова. Тени преследовали. Их становилось больше. Их стоны сливались в жуткую симфонию

смерти. Они окружали. Отрезали пути.

"Пустышка". Бесполезная. Никакой силы. Только ноги, бесполезные символы, напоминающие о ее аномалии и отчаянии.

Я оказалась на узком выступе, на самом краю разрушенной крыши. Сзади — обрыв в горящую бездну. Впереди — полукруг мерцающих Теней. Они медленно сжимали кольцо. Их голод был почти осязаем. Они хотели не просто убить. Они хотели впитать. Стереть. Забрать то, чего они лишились.

Одна из Теней, самая большая, с ключьями чего-то, напоминающего истлевшую одежду в своем темном теле, выдвинулась вперед. Ее "рот" — просто щель в тьме — разверзся в беззвучном крике. Она ринулась.

И в этот момент, когда ледяная пустота ее сущности была уже в сантиметрах от меня, когда отчаяние достигло пика и перелилось через край, внутри что-то сорвалось с цепи.

Не ярость. Не пламя. Нечто совсем иное. Глубокое, древнее, дремавшее в самой сердцевине, там, где горели мои символы. Оно проснулось не вспышкой, а рывком. Словно сорвало вековую печать.

Из моей груди, прямо из области звезд между лопаток, вырвался... импульс. Не свет. Не звук. Не энергия в привычном понимании. Это была волна чистого, нефилтрованного отрицания. Отрицания реальности. Отрицания этих Теней. Отрицания самой смерти.

Он прошел сквозь меня беззвучно, но я почувствовала, как все мое существо сотряслось изнутри. Как будто мои клетки на миг отказались подчиняться законам физики.

Впереди идущая Тень... не просто остановилась. Она распалась. Не с криком, а с тихим хлопком, как лопнувший мыльный пузырь. Ее темная сущность разлетелась на мириады мерцающих частиц, которые тут же погасли, поглощенные воздухом. Частицы рядом стоящих Теней заколебались, стали прозрачными, как будто их сигнал внезапно ослаб. Они отпрянули, их безликие "лица" исказились чем-то, что можно было принять за страх или замешательство перед чем-то абсолютно чуждым.

Я стояла, задыхаясь, глядя на пустое место, где только что была Тень. Треск пожаров, грохот падающих обломков, вой сирен — все это оглушало, но внутри была оглушительная тишина. И странное... ощущение пустоты в груди, там, откуда вырвался импульс. Как будто часть меня исчезла.

Внезапно, свод "неба" симуляции над головой — это кроваво-красное марево — вздрогнул. Голограмма созвездий, проецируемая где-то в недрах Зодиариума, исказилась. Над моей головой, вместо Овна, который должен был тускло мерцать, на секунду вспыхнуло и тут же погасло то самое тринадцатое созвездие. Разорванная спираль. Знак с монеты Каина.

А потом грянул второй удар. Не из симуляции. Извне.

В стену симуляционного зала где-то высоко слева вре-

зался сокрушительный энергетический заряд. Не голограмма. Настоящий. Черный карбонат взорвался с грохотом, обнажив клубящиеся провода и искрящие трубопроводы. Синий свет погас, сменившись аварийным багровым миганием. Симуляция зависла. Картинка Нью-Аргентум задрожал, поплыла, как плохой сигнал. Тени замерли, начали расплываться.

Настоящий грохот, настоящий дым ворвались в искусственный ад.

С балкона управления, из-за треснувшего стекла капитанской будки, донесся нечеловеческий, яростный рев. Не Ксайдера. Даррена. Его рык Льва, полный бешенства.

А потом я увидела его. Ксайдер.

Он стоял на краю разрушенного балкона, на фоне клубов дыма и багровых вспышек аварийных огней. Его золотые глаза, яркие, как прожекторы в этом хаосе, были прикованы не к месту взрыва, не к орущему Даррену, а ко мне. Сквозь мигающую, гаснущую проекцию горящего Нью-Аргентум. Его лицо, обычно бесстрастное, было искажено. Не гневом. Не удивлением. Голодом. Чистым, необузданным, хищным голодом. Он видел. Он видел всё. Мой страх. Мою беспомощность. И тот странный импульс, снесший Тень.

Его губы, под шрамом-полумесяцем, шевельнулись. Он не произнес ни слова, но я прочтала по губам, сквозь грохот и визг сирен симулятора и реальности:

"Моя."

Система симулятора окончательно захлебнулась. Мир Нью-Аргентум погас, как выключенный экран. Я снова стояла на холодной металлической платформе в черном коконе зала, окутанная дымом от реального взрыва, под багровым миганием аварийных ламп. Дрожащая. Опустошенная. С ощущением чего-то чужого и могучего, шевельнувшегося внутри. И под прищелом золотых глаз, которые больше не просто наблюдали. Они заявили права.

Где-то в дыму, рядом с местом взрыва, звякнула, показавшись по полу, монета. Тринадцатая. Знак сломанного круга.

Академия Зодиариум только что показала свое истинное лицо. И оно было куда страшнее любой симуляции. Игра началась по-настоящему. И я была не просто игроком.

Я была призом.

Я вырвалась из кошмара так резко, словно кто-то с силой вонзил нож между рёбер и одним движением выдернул меня обратно в реальность. Воздух ворвался в лёгкие с болезненным хрипом, грудная клетка судорожно вздымалась, а сердце колотилось так яростно, что казалось, ещё немного — и оно просто проломит кости. Я резко села на кровати, сжимая мокрую от пота простыню обеими руками. Пальцы дрожали так сильно, что ткань жалобно затрещала под ними. Несколько долгих секунд я вообще не понимала, где нахожусь. Перед глазами всё ещё стояло багровое небо, рушащиеся небоскрёбы, живая тьма и силуэт, сотканный из са-

мой бездны. Лишь постепенно привычные очертания комнаты начали вытеснять остатки кошмара. Комната Оливера. Полумрак. Узкая полоска голубого аварийного света тянулась вдоль потолка, окрашивая стены в холодные стальные оттенки. На старом кожаном диване крепко спал Оливер. Его широкая спина медленно поднималась и опускалась в ритме глубокого дыхания, а одна рука всё ещё лежала на полу, будто он уснул, не успев снять тяжёлые ботинки. После всего, что мне только что приснилось, его спокойствие казалось почти невозможным.

— Просто сон... — прошептала я едва слышно, скорее убеждая саму себя, чем произнося эти слова вслух. Голос оказался чужим, сорванным и каким-то непривычно тихим. Я провела ладонями по лицу, стирая холодный пот со лба, попыталась сделать несколько глубоких вдохов и уже начала чувствовать, как паника понемногу отпускает, когда левое плечо вдруг обожгло такой резкой болью, что я невольно зашипела сквозь зубы. Казалось, кто-то только что прижал к коже раскалённый металл.

Я резко рванула ворот комбинезона, даже не заметив, как ткань жалобно затрещала под пальцами. Сердце снова ухнуло куда-то вниз. Под ключицей, ближе к плечу, проступал новый знак. Не одна из знакомых рун. Не символ Змеи. Совсем другой рисунок. Тонкая спираль, казалось, выжженная прямо под кожей невидимым огнём. Её линии казались слишком правильными, почти идеальными, а в самом центре

проходила глубокая трещина, расходящаяся в стороны, походила на расколотое стекло. Кожа вокруг покраснела, будто ожог появился всего несколько секунд назад. Я осторожно коснулась его кончиками пальцев и тут же резко отдернула руку. Горячо. Настолько горячо, словно под кожей продолжал медленно тлеть уголь.

— Нет... — сорвалось с моих губ почти беззвучно. Я продолжала смотреть на спираль, не в силах отвести взгляд. — Этого... этого не может быть...

Но могло. Потому что именно этот знак я уже видела. Там. Во сне.

«Ты наконец позвала».

Фраза прозвучала так отчётливо, что я инстинктивно зажмурилась и прижала ладони к ушам. Бесполезно. Голос не звучал в комнате. Он вообще не существовал снаружи. Он жил внутри меня, где-то глубоко под рёбрами, медленно вибрируя в позвоночнике, будто моё собственное тело продолжало помнить каждое слово, сказанное существом из тьмы. Что это было? Последствия симуляции? Новый приступ? Галлюцинация? Или... всё происходило на самом деле? Мысли сталкивались одна с другой, не позволяя ухватиться хоть за что-нибудь разумное. Я уже собиралась встать, пройти по комнате и попытаться вернуть себе ощущение реальности, когда тишину прорезал тихий металлический звук.

Звяк.

Настолько слабый, что его можно было принять за игру воображения. Я замерла. Через секунду он повторился снова.

Медленно опустив взгляд, я почувствовала, как внутри всё сжалось. Прямо возле ножки кровати, на холодном сером полу, лежала старая монета. Потёртая. Почерневшая от времени. Такая древняя, что её место скорее было в музее, чем в комнате курсанта Академии. Ещё вечером здесь ничего не было. Я отчётливо это помнила. Несколько секунд я просто смотрела на неё, не решаясь прикоснуться. Затем медленно спустила ноги на пол. Ледяное покрытие обожгло ступни, холод мгновенно поднялся вверх по позвоночнику, но я почти не почувствовала этого. Всё внимание было приковано к маленькому металлическому кругу.

Я осторожно подняла монету. Она оказалась ледяной. Не просто холодной.

Такой температуры у металла быть не могло. Точно такой же холод совсем недавно окружал меня во сне, когда космический вакуум медленно вытягивал из тела последние остатки тепла. Пальцы свело судорогой, но я всё равно перевернула монету. На одной стороне был выгравирован привычный зодиакальный круг. Двенадцать знаков. И ещё один. Тринадцатый. Та самая расколотая спираль, что теперь горела под моей кожей. До последнего изгиба линии. До последней трещины.

Я перестала дышать. Это уже не было кошмаром. Не было

совпадением. Не было плодом моего больного воображения.

Монета существовала. Она лежала у меня в ладони.

И именно в этот момент где-то за дверью раздался новый звук.

Тик. Тик. Тик.

Будто кто-то терпеливо отбивал ногтем один и тот же ритм по металлической поверхности. Волна ледяного холода пробежала по позвоночнику. Я медленно повернула голову к узкому окну в двери. За толстым армированным стеклом царил полумрак, освещённый только редкими аварийными полосами. Сначала мне показалось, что там никого нет. Но потом темнота слегка шевельнулась.

Там стоял человек.

Вернее, только его профиль. Высокий лоб. Чёткая линия подбородка. Широкие плечи. И длинный полумесяц шрама, рассекающий скулу.

Ксайдер.

Он не двигался. Не стучал в дверь. Не пытался войти. Просто смотрел в мою сторону, оставаясь совершенно неподвижным, и медленно отбивал пальцем по металлической раме всё тот же ритм.

Тик. Тик. Тик.

Я крепче стиснула монету. Острые края больно впились в ладонь, но боли я почти не чувствовала.

— Ксайдер?.. — позвала я еле слышно, не узнавая собственного голоса.

Ответа не последовало.

Он ещё несколько секунд продолжал смотреть на меня так пристально, что становилось невозможно понять, действительно ли он видит именно меня... или смотрит гораздо глубже, туда, куда сама я ещё не могла заглянуть. А затем его силуэт просто растворился в темноте. Без единого шага. Без единого звука. Будто его никогда там и не было.

В коридоре снова воцарилась тишина. Только далёкий гул вентиляции, ровное дыхание всё ещё спящего Оливера и бесшумный стук моего собственного сердца нарушали её. Я медленно перевела взгляд на новое клеймо под ключицей. Расколотая спираль совпадала с изображением на монете до последней линии, словно кто-то специально перенёс этот символ с древнего металла прямо на мою кожу.

«Ты наконец позвала».

Фраза снова прозвучала внутри памяти уже не как вопрос. Как факт.

И впервые за эту ночь меня испугало вовсе не это. Самым страшным оказалось другое.

Я больше не была уверена, что действительно проснулась.

Глава 15

ЭЛИКСИЯ

«Кодекс Созвездий»: драки разрешены, но только на арене. Убийство карается лишением силы.

Тренировочная арена Зодиариума гудела, словно гигантский механический зверь, запертый под многокилометровым куполом из энергостекла. Этот звук невозможно было назвать обычным шумом — он жил собственной жизнью. Где-то в глубине непрерывно работали квантовые реакторы, питавшие десятки симуляционных комплексов одновременно, по стенам пробегали голубые энергетические жилы, похожие на светящиеся вены исполинского организма, а под ногами едва заметно вибрировал пол, реагируя на каждую активацию боевых систем. Воздух был густым, тяжелым, насыщенным запахами раскалённого металла, озона после высоковольтных разрядов, перегретых силовых ядер, технических смазок и человеческого пота. Где-то совсем рядом пахло свежей кровью — металлический привкус мгновенно оседал на языке, хотя никто вокруг не кричал. Здесь кровь давно перестала быть поводом остановить тренировку. Она считалась частью учебного процесса.

Огромное помещение напоминало скорее секретный военный комплекс, чем академическую арену. Над десятка-

ми тренировочных секторов висели полупрозрачные голографические панели с обозначениями знаков Зодиака, процентом выживаемости за последние месяцы, текущими параметрами нагрузки и уровнем опасности. Искусственный интеллект безостановочно анализировал курсантов: измерял частоту пульса, мышечное напряжение, расход энергии, скорость реакции, микроскопические изменения температуры тела. Любая ошибка фиксировалась мгновенно. Любое проявление силы сохранялось в архив. Иногда мне казалось, что арена наблюдает за нами с куда большим интересом, чем преподаватели. Будто она не просто обучала. Она выбирала, кто достоин выйти отсюда живым.

Лава-полигон для Овнов и Львов занимал почти четверть арены и выглядел так, словно кусок действующего вулкана вырезали из недр планеты и поместили внутрь Академии. Под потолком клубились густые клубы раскалённого пара, изредка пронзаемые огненными выбросами, а внизу перекатывалось море искусственной магмы — не компьютерная проекция, а настоящая сверхнагретая плазменная смесь, созданная на основе переработанного зодиакального вещества. Она булькала густыми пузырями, выплёвывала языки огня и время от времени выбрасывала вверх каменные обломки, раскаляя их добела ещё в полёте. Над этим адом висели десятки платформ из чёрного карбоната. Они непрерывно двигались, меняли высоту, исчезали, сталкивались между собой, заставляя курсантов принимать решения быстрее, чем

успевал сформироваться страх. Овнам преподаватели называли это «испытанием на скорость и натиск», хотя по сути это было соревнование с собственной смертью. Львов заставляли неподвижно удерживать позицию в центре платформы, пока жара методично разрушала их энергетические щиты, проверяя не силу, а способность терпеть боль, не теряя достоинства. Над лавой постоянно висел запах горелой ткани, палёной кожи и озона — следы сотен предыдущих тренировок, которые система даже не пыталась скрывать.

Полигон Скорпионов и Рыб выглядел полной противоположностью. Здесь не было огня. Только холодный серебристый блеск бесконечного лабиринта, стены которого состояли из живого ртутного сплава. Металл дышал, словно огромный организм. Коридоры постоянно меняли форму, проходы исчезали прямо перед лицом, потолок опускался, заставляя пригибаться, а иногда целые секции превращались в вязкую зеркальную массу, мгновенно затягивавшую неосторожную ногу почти по колено. Скорпионы двигались здесь практически бесшумно, растворяясь среди отражений, избегая любого контакта с поверхностями — ртутный сплав обладал выраженными химическими свойствами и даже через защитный костюм оставлял болезненные ожоги. Рыбам же приходилось искать выход, пока лабиринт буквально тонул сам в себе, превращаясь в огромное жидкое зеркало, где невозможно было отличить потолок от пола, а собственное отражение начинало жить отдельно от хозяина.

Чуть дальше располагались гравитационные капсулы Козерогов — огромные прозрачные сферы, внутри которых сама физика переставала существовать в привычном понимании. Искусственная гравитация менялась каждые несколько секунд, не подчиняясь никакой логике. Сначала тело прижимало к полу весом в несколько тонн, ломая дыхание. Затем тебя мгновенно подбрасывало к потолку, после чего начинало вращать сразу по трём осям, будто ты оказался внутри гигантской центрифуги. Именно поэтому почти каждый Козерог выходил отсюда либо с переломами, либо с вывихами. Оливер уже успел разбить вторую капсулу только за сегодняшнее утро. Сверхпрочный прозрачный материал покрылся сетью трещин после того, как он буквально впечатался в стенку собственным силовым барьером. Сейчас он стоял рядом с осколками так спокойно, будто ничего особенного не произошло, только пальцы едва заметно подрагивали. Любой другой попытался бы скрыть боль. Оливер просто проглатывал её молча, как делал всегда.

Вихревые тоннели Близнецов и Весов были похожи на внутренности гигантского урагана. Спиралевидные коридоры непрерывно вращались, а невидимые воздушные потоки меняли направление каждую секунду. Стоило сделать неверный шаг — и невидимые лезвия сжатого воздуха рассекали защитный костюм так легко, будто он был сделан из бумаги. Иногда в тоннеле одновременно возникали десятки воздушных копий, ложных проходов и зеркальных отражений,

полностью сбивая чувство пространства. Близнецы использовали своих энергетических двойников, отправляя их вперёд на верную гибель, чтобы вычислить безопасную траекторию. Веса же проходили тоннель почти танцуя, словно чувствовали малейшие изменения воздушных потоков раньше, чем их фиксировали датчики.

Ледяные пустоши Водолеев и Козерогов были самым тихим сектором всей арены, и именно поэтому пугали сильнее остальных. За прозрачным энергетическим барьером царила абсолютная белизна. Температура внутри опускалась ниже ста градусов мороза, превращая каждый вдох в тысячи ледяных игл, впивающихся в лёгкие. Воздух был настолько сухим, что губы начинали трескаться уже через несколько секунд. Поверхности покрывал идеально гладкий лёд, отражавший свет так ярко, что у неподготовленных курсантов начиналось головокружение. Ледяной ветер не просто охлаждал тело — он буквально высасывал тепло из костей, заставляя суставы двигаться медленнее с каждой минутой. Даже современные термокомбинезоны не спасали полностью. Через несколько минут пальцы начинали неметь, мышцы деревенели, а на коже проступали первые следы обморожения. Здесь проигрывал не тот, кто был слабее. Проигрывал тот, кто первым позволял страху проникнуть внутрь, потому что холод мгновенно чувствовал любую слабость и превращал её в смертный приговор.

И всё это существовало одновременно. Десятки арен. Де-

сятки смертельных испытаний. Сотни курсантов, которые кричали, падали, поднимались и снова шли вперёд. Над всем этим возвышался исполинский купол из синего энергостекла, где вращалась голограмма двенадцати созвездий, отбрасывая на пол призрачные отблески. Казалось, сами знаки Зодиака наблюдали за нами сверху, безразлично отмечая, кто станет сильнее... а кто останется частью статистики тренировочной арены Зодиариума.

— **Лунн!** — проревел тренер Антонио так, что его голос прокатился по всей арене, перекрывая грохот механизмов, шипение лавы и вой аварийных сирен. Казалось, звук не просто ударил по ушам — он прошёлся по металлическим конструкциям полигона, заставив вибрировать ограждения. Старик стоял босиком прямо на раскалённой платформе обслуживания, словно температура существовала только для остальных. Его загорелая кожа была исполосована десятками старых ожогов и рваных шрамов, будто когда-то его действительно бросили в жерло вулкана, а потом каким-то чудом вытащили обратно. Левую щеку пересекал широкий рубец, уходящий под седую бороду, а одна рука почти полностью состояла из грубой биомеханической конструкции, которая тихо потрескивала при каждом движении пальцев. Даже его дыхание звучало тяжело, словно внутри грудной клетки работал старый двигатель. — **Ты там корни пустила, Лунн? Или всё-таки собираешься пройти полигон до того, как я выйду на пенсию?** — прорычал он ещё гром-

че, складывая огромные руки на груди. — Или тебя сразу записать в секцию художественной самодеятельности? Там лавы нет. Максимум кисточкой палец обожжёшь.

По арене прокатился смешок. Не дружный — рваный, злорадный, привычный. Кто-то фыркнул, кто-то ткнул соседа локтем, кто-то уже заранее поставил на то, через сколько секунд я сорвусь вниз. Здесь никто не поддерживал проигрывающих. В Зодиариуме слабость была зрелищем. И чем больше падал человек, тем громче становился смех вокруг.

Я втянула горячий воздух, который тут же обжёг лёгкие, словно вдохнула не кислород, а раскалённый песок, и шагнула на первую платформу.

Жар ударил мгновенно. Не просто высокая температура — настоящая физическая стена, в которую я буквально врезалась всем телом. Воздух дрожал густыми волнами, искажая пространство, отчего соседние платформы казались расплавленными миражами. Сквозь подошвы защитных ботинок уже через пару секунд стало чувствоваться тепло, а ткань комбинезона начала тихо потрескивать, постепенно нагреваясь. Где-то рядом сработала система охлаждения, выпуская облако перегретого пара, но легче от этого не стало. Под платформами медленно перекачивалась густая, почти чёрная магма. Она лениво пузырилась, словно огромное живое существо, недовольное тем, что его потревожили. Каждый пузырь лопался с глухим хлопком, выбрасывая вверх веер

огненных капель, которые с шипением растворялись в воздухе.

Платформа под ногами качнулась. Совсем немного. Но этого оказалось достаточно, чтобы внизу взметнулся фонтан раскалённых брызг. Одна капля ударила по тыльной стороне ладони быстрее, чем я успела её заметить. Защитная ткань задымилась, и боль прошла руку так резко, будто кто-то вогнал под кожу раскалённый металлический штырь. Перед глазами на мгновение побелело.

Я стиснула зубы так сильно, что заболела челюсть.

Не вскрикнула.

Не потому что была смелой.

Потому что здесь любой звук боли превращался в бесплатное развлечение для окружающих.

Первый прыжок.

Вторая платформа встретила меня тяжёлым металлическим лязгом. Она слегка просела под весом тела и тут же начала медленно смещаться в сторону.

Вдох.

Следующий прыжок.

Третья.

Выдох.

Всё сводилось к одному ритму.

Платформа.

Вдох.

Толчок.

Полёт.

Приземление.

Выдох.

Если начать думать о лаве под ногами — проиграл. Если посмотреть вниз — проиграл. Если позволить страху задержаться в голове хотя бы на секунду — проиграл.

— **Ну что, пустышка!** — раздался насмешливый голос Даррена откуда-то сверху. Он лениво облокотился на защитное ограждение смотровой площадки, словно пришёл не на тренировку, а на представление. Его челюсть выглядела совершенно здоровой — гладкая кожа без единого следа перелома, только едва заметный серебристый шрам тянулся вдоль подбородка. Конечно. Раки восстановили его за несколько часов. Их лечебные бассейны могли собрать человека практически по кускам, если Академия считала, что он этого стоит. — **Смотри не споткнись!** — протянул он с мерзкой ухмылкой. — **Хотя знаешь... если сваришься, хоть какая-то польза от тебя появится. Может, из тебя нормальный бульон получится. Или сначала потренируешься на детских полигонах? Там платформы пошире. Даже такие бездари обычно не падают.**

Вокруг него тут же захихикали его неизменные прихвостники. Кто-то специально изобразил аплодисменты, кто-то начал свистеть, подбадривая его очередную издёвку. Они смеялись не потому, что было смешно. Они смеялись потому, что Даррен смеялся первым.

Я даже головы не подняла.

Не подарю ему этого удовольствия.

Даже взгляд здесь был валютой.

Я сосредоточилась только на дыхании. На том самом ритме, который ещё не успел развалиться под ударами паники. Один вдох. Один прыжок. Один выдох. Мир сузился до нескольких метров раскалённого металла под ногами. До собственного сердцебиения. До тихого гула символов под повязкой.

И именно в этот момент кто-то с грохотом приземлился на платформу позади меня.

Она опасно качнулась.

Я инстинктивно развернулась.

Гаррет.

Конечно.

Рыжие волосы торчали в разные стороны, будто он только что вылез из трансформатора. Левая половина лица была покрыта старыми ожогами, из-за которых кожа выглядела неровной и блестящей. Веснушки почти скрывались под рубцами, но улыбка всё равно сияла до ушей — слишком довольная, слишком предвкушающая. Типичный Овен. Один из тех идиотов, которые воспринимали любую тренировку как возможность устроить драку или подставить кого-нибудь ради собственного развлечения.

— Эй, Лунн! — окликнул он весело, будто мы были старыми друзьями. — Не торопись! Я только пришёл посмотре-

реть, как ты красиво сварись. Представляешь, сколько потом вони будет?

Он специально сделал шаг вперёд.

Платформа качнулась сильнее.

— Да расслабься ты! — продолжал он, широко ухмыляясь. — Не дрожи так. А то со стороны кажется, будто тебя сейчас инфаркт хватит. Хотя... — он наклонил голову, внимательно рассматривая меня, — может, тебя сначала страх убьёт, а уже потом лава? Было бы даже обидно. Столько зрителей зря собрались.

Несколько человек на соседних платформах засмеялись.

Гаррет дождался именно этого.

Он резко перенёс вес на левую ногу.

Платформа ушла вниз под невозможным углом.

Я инстинктивно попыталась удержать равновесие, но подошва скользнула по раскалённому металлу.

Мир перевернулся.

На одно бесконечно длинное мгновение я зависла над кипящей магмой.

Сердце словно перестало существовать.

Не билось.

Не стучало.

Вообще ничего.

Только оглушительная пустота.

Потом сработал инстинкт.

Пальцы сами рванулись вперёд и вцепились в край плат-

формы с такой силой, что суставы захрустели. Раскалённый металл мгновенно начал прожигать перчатки, запах палёной ткани ударил в нос, а кожа под ней будто вспыхнула живым огнём. Боль была такой яркой, что перед глазами поплыли белые круги, но я не разжала пальцы. Не могла. Подо мной лениво бурлила лава, выбрасывая вверх густые огненные пузыри, словно уже знала, что добыча почти сорвалась.

— Ой... — Гаррет театрально округлил глаза и виновато развёл руками, даже не пытаясь скрыть довольную ухмылку. — Извини, Лунн. Совершенно случайно вышло. Сам не знаю, как так получилось. Скользящая платформа, понимаешь? Бывает. Ты держись там... если получится.

Он весело подмигнул, развернулся и одним лёгким прыжком перескочил на следующую платформу, оставляя меня висеть над раскалённой смертью.

Я втянула себя обратно, заставляя мышцы работать через боль, и продолжила путь. До конца. Не потому что надо — потому что если я остановлюсь, они победят даже без удара.

Хрен-Антонио хлопнул ладонями, и по арене прошёл гулкий щелчок — сигнал к началу спаррингов. Его шрамы на лице напряглись, когда он заговорил, обнажая жёлтые зубы:

— По Кодексу Созвездий вызываю добровольцев на поединок! — голос Антонио раскатился по всей тренировочной арене тяжёлой ударной волной. Он не просто говорил — казалось, его слова отскакивали от стальных конструкций под куполом, прокатывались по лавовым полигонам, по

стеклянным капсулам и вибрировали где-то глубоко в костях каждого курсанта. Старик медленно прошёлся вдоль песчаной арены босыми ногами, совершенно не замечая раскаленного покрытия, будто за долгие десятилетия его ступни сами превратились в камень. На мгновение он остановился, окинул нас тяжелым взглядом из-под седых бровей и продолжил уже гораздо тише, но от этого только страшнее: — Драться разрешено только здесь. На песке. За пределами круга любая драка считается покушением на дисциплину Академии. — Он поднял искалеченную механическую руку, и металлические пальцы с тихим лязгом сжались в кулак. — Кто убьет противника... лишится своей силы. Навсегда. Кодекс Созвездий не знает исключений. Запомните это. Один удар, одна ошибка — и знак покинет вас быстрее, чем успеете пожалеть.

По толпе пробежал едва различимый шепот. Старшекурсники почти не отреагировали — для них подобные вызовы давно стали привычным развлечением. А вот новички заметно напряглись. Кто-то нервно переступил с ноги на ногу, кто-то машинально коснулся символа своего знака под комбинезоном, словно проверяя, всё ли ещё на месте. Даже гул тренировочной арены будто стал тише, уступая место ожиданию. Все понимали: добровольные поединки редко заканчивались просто синяками.

Я машинально посмотрела в сторону Оливера. Он всё ещё стоял возле разбитой гравитационной капсулы, сжимая в ру-

ке искореженный кусок прозрачного поликарбоната. Огромная фигура Козерога казалась неподвижной, словно колонна, поддерживающая потолок арены. Только я слишком хорошо знала его, чтобы не заметить напряжение. Его плечи стали чуть шире, челюсть сжалась, а пальцы так сильно вдавились в обломок капсулы, что пластик жалобно затрещал под их силой. Он уже понял. Сейчас обязательно произойдёт что-то паршивое.

И оказался прав.

Даррен лениво оттолкнулся от защитного ограждения, будто только этого момента и ждал. Он неспешно спустился по металлическим ступеням, даже не пытаясь скрыть самодовольную ухмылку. Люди сами расступались перед ним. Не потому, что уважали. Потому что не хотели оказаться рядом, когда начнется драка. Его идеально залеченная челюсть двигалась свободно, без малейшего намека на недавний перелом. Конечно. Лучшие Раки Академии сделали свою работу безупречно. Будто моего удара никогда и не существовало.

— Я вызываю эту мразь, — громко произнес он, даже не называя моего имени. Он вытянул руку и ткнул пальцем прямо в меня, а потом демонстративно несколько раз щелкнул идеально восстановленной челюстью. — Проверим наконец, умеет ли она делать что-нибудь кроме того, чтобы устраивать истерики, прятаться за чужими спинами и случайно ломать дорогостоящее оборудование.

По толпе пробежал оживленный гул. Кто-то присвистнул.

Кто-то уже доставал коммуникатор, явно собираясь записывать бой. Несколько Львов начали громко делать ставки, совершенно не стесняясь.

— Пятьдесят кредитов на Даррена.

— Сто.

— Да брось, эта пустышка и минуты не протянет.

— Главное, чтобы опять купол не взорвала.

Смешки прокатились сразу с нескольких сторон.

Даже Оливер перестал двигаться.

Я заметила, как его пальцы разжались, и кусок расколотого поликарбоната с глухим стуком упал к его ногам. Он сделал едва заметный шаг вперед, но остановился. Правила Академии запрещали вмешиваться в добровольный вызов.

Тишина сгушалась почти физически.

Даже огненные выбросы лавового полигона словно стали реже. Даже механизмы вокруг перестали казаться такими шумными. Все ждали только моего ответа.

Я посмотрела на свои ладони.

Кожа была содрана до мяса после падения на платформе. На пальцах проступали свежие ожоги, местами уже смешавшиеся с кровью. Я машинально вытерла руки о серый комбинезон, оставляя на ткани темно-красные разводы, которые мгновенно начали темнеть под жаром арены.

Странно. Мне не было страшно.

Только очень хотелось стереть эту довольную ухмылку с его лица. Хотелось крови.

Я подняла голову.

— Иди нахер, — сказала я совершенно спокойно. Настолько спокойно, что сама удивилась собственному голосу. Он прозвучал ровно, почти лениво, будто я не принимала вызов на бой, а отказывала назойливому продавцу на улице. Я ещё раз провела ладонью по комбинезону, размазывая кровь широкой полосой, и только потом посмотрела Даррену прямо в глаза. — Если хотел внимания, мог просто попросить. Не обязательно выставлять себя клоуном перед всей Академией.

Несколько человек тихо прыснули со смеху.

Улыбка Даррена заметно дрогнула.

— Трусись? — процедил он уже совсем другим голосом, медленно склоняя голову набок, словно лев, выбирающий место для смертельного укуса. Светлые волосы упали ему на лицо, закрывая один глаз, но второй буквально горел ненавистью. — Или ждешь, пока твой Козерожек снова прибежит тебя спасти? Может, ему сразу выйти вместо тебя? Всё равно без него ты ни хрена не стоишь.

Оливер едва заметно двинулся.

Я почувствовала это даже не глядя. Нет. Не сейчас.

Я сплюнула себе под ноги. Слюна с тихим шипением испарилась на раскалённом металлическом полу.

Потом снова посмотрела на Даррена. И коротко кивнула. Толпа буквально взорвалась.

— О-о-о!

— Сейчас будет мясо!

— Наконец-то!

— Ставлю двести!

— Даррен её размажет!

Антонио только криво усмехнулся, словно именно этого и добивался. Он громко хлопнул в ладони один раз, и по всей арене прокатился низкий металлический импульс. Через секунду вокруг песчаного круга вспыхнули голубые энергетические барьеры, мгновенно отделяя арену от зрителей. Над головами загорелись предупреждающие голограммы, а система безопасности начала автоматически сканировать участников, фиксируя жизненные показатели и уровень энергии.

— Отлично, — удовлетворенно произнес старик, медленно переводя взгляд с меня на Даррена. Его хриплый голос вновь стал жестким, безжалостным, каким говорят судьи перед исполнением приговора. — Правила прежние. Бой продолжается до первой крови... или добровольной сдачи. Вмешательство зрителей запрещено. Использование смертельных техник запрещено. Любое нарушение Кодекса — лишение знака и исключение из Академии. Он выдержал короткую паузу, давая каждому осознать сказанное, а затем резко рубанул рукой воздух.

— По местам. Бой... начинается.

Даррен шагнул первым, с той нарочитой ленивой уверенностью человека, который заранее знает исход поедин-

ка. Под подошвами его ботинок песок едва слышно зашипел, а вокруг высокой фигуры почти сразу заколебался воздух, словно сама температура вокруг него начала стремительно расти. Золотистая аура медленно растекалась по плечам, груди и рукам, превращая его силу Льва не просто в боевую способность, а в настоящее ощущение превосходства. Она давила не только жаром — она давила психологически. Хотелось опустить голову. Хотелось сделать шаг назад. Несколько первокурсников возле защитного барьера действительно невольно попятились, кто-то отвёл глаза, кто-то нервно сглотнул, будто перед ними стоял не обычный курсант, а настоящий монарх. Даррен видел это. Его губы растянулись в самодовольной улыбке. Он наслаждался каждой секундой чужого дискомфорта, словно подпитывался этим страхом.

— Ну что, пустышка? — протянул он с откровенной насмешкой, медленно сжимая кулаки. Между его пальцами вспыхнули языки золотисто-белого пламени, похожие на маленькие солнца, а песок под ногами начал плавиться, превращаясь в стекловидную корку. — Уже чувствуешь? Именно поэтому Львы стоят выше остальных. Мы рождены вести за собой. А такие, как ты... существуют только для того, чтобы смотреть снизу вверх. — Последние слова он произнес почти ласково, но эта фальшивая мягкость звучала хуже любой угрозы. Толпа вокруг одобрительно загудела. Кто-то негромко рассмеялся. Даррен даже не смотрел на зрителей — ему

достаточно было знать, что они восхищаются им.

Я не отвела взгляд. Ни на секунду. В груди всё ещё горело после лавового полигона, ладони саднило от ожогов, кровь медленно стекала по пальцам, впитываясь в серую ткань комбинезона, но именно сейчас я вдруг поняла одну простую вещь: если я опущу глаза, он победит ещё до первого удара. Медленно вытерев кровь тыльной стороной ладони, я криво усмехнулась и покачала головой.

— Слушай, Даррен, — сказала я неожиданно спокойно, и собственный голос показался мне почти чужим. — Я думала, у Львов хоть немного мозгов остаётся помимо пафоса. Но ты, похоже, весь запас потратил на укладку волос. — Я нарочно смирив его долгим взглядом сверху вниз и презрительно хмыкнула. — Давай уже дерись. Или ты собираешься задушить меня своей речью? Потому что, честно говоря, это пока самое опасное, что ты сделал.

По толпе пробежал смешок. Сначала тихий, неуверенный. Потом кто-то свистнул. Ещё кто-то засмеялся уже открыто. Я увидела, как у Даррена едва заметно дёрнулась скула. Он ненавидел, когда смеялись не вместе с ним, а над ним.

Он сорвался с места так резко, что золотая вспышка практически размазалась в воздухе. Большинство зрителей даже не успели понять, что произошло. Но я ждала именно этого. В самый последний момент я ушла вниз, чувствуя, как раскалённый кулак со свистом проносится в нескольких сантиметрах над моей головой. Горячий воздух обжёг волосы, но

удар прошёл мимо. Не теряя ни секунды, я врезала локтем ему под рёбра. Воздух резко вылетел из его лёгких. Не давая ему опомниться, добавила коленом в живот, резко провернулась на пятке и толкнула его обеими ладонями в грудь. Он сделал два тяжёлых шага назад, оставляя глубокие следы в песке.

Арена замолчала.

Совсем.

Даже Антонио перестал что-то рычать с края площадки. Несколько курсантов переглянулись с одинаковым выражением недоверия на лицах. Кто-то даже приподнялся на носках, будто решил, что ему показалось. Даррен действительно отступил. Даррен действительно получил по лицу от «пустышки».

— Вставай, — бросила я, тяжело дыша и ощущая, как по спине струится пот. — Или всё? Великий король решил закончить представление после первого же удара? Чёрт... а я-то думала, ты хотя бы драться умеешь.

Даррен медленно поднял голову. В этот момент я поняла, что только что совершила самую большую ошибку за сегодняшний день. Из его взгляда исчезла насмешка. Исчезло удовольствие. Осталась только чистая, почти звериная ярость. Зрачки сузились, дыхание стало тяжёлым, а золотая энергия вдруг перестала быть красивой. Она стала опасной. Трещины света медленно расползались по его шее и скулам, словно под кожей просыпалось что-то дикое.

— Ты... — произнёс он почти шёпотом, и этот тихий голос напугал меня сильнее предыдущего рёва. Он медленно выпрямился, расправляя плечи, а вокруг него один за другим вспыхнули факелы по периметру арены. — Ты только что решила выставить меня посмешищем перед всей Академией?

Он сделал ещё один шаг.

Песок под ногами начал стекленеть.

Жар стал настолько сильным, что у меня пересохло во рту.

— Тогда запомни этот момент, — произнёс Даррен уже совсем другим голосом. Холодным. Почти спокойным. Именно таким голосом люди обычно выносят смертный приговор. — Потому что это последний раз в жизни, когда кто-то смеётся надо мной.

Он исчез.

На этот раз я действительно не успела.

Удар пришёлся точно в солнечное сплетение. Это был уже не просто кулак. Казалось, будто в грудную клетку врезался раскалённый двигатель космического корабля. Защитный комбинезон мгновенно почернел, ткань задымилась, а по центру груди проступил обугленный отпечаток, напоминающий огромную львиную лапу. Воздух одним рывком выбило из лёгких. Перед глазами вспыхнули белые пятна. Я согнулась, пытаясь вдохнуть, но вместо кислорода почувствовала только огонь.

— Где твой Змееносец? — проревел Даррен, возвышаясь

надо мной. Его голос гремел над ареной подобно раскатам грома, а гипнотическая сила Льва стала настолько плотной, что несколько новичков буквально рухнули на одно колено, не выдержав давления. — Где он теперь? Почему не спасает свою жалкую хозяйку? Или вся эта легенда — такая же ложь, как и ты сама?

Во рту появился вкус крови.

Я медленно подняла голову.

Улыбнулась.

И, собрав окровавленную слюну, плюнула ему прямо в лицо.

Капля испарилась ещё в воздухе, не долетев до цели, но этого оказалось достаточно.

Даррен взревел от ярости. Факелы по периметру вспыхнули почти ослепительным светом, золотое пламя взметнулось над ареной огромной короной, а песок под нашими ногами начал плавиться. Я почувствовала, как под кожей, там, где скрывались символы, что-то резко дрогнуло. Будто невидимая пружина наконец сорвалась с фиксатора. Монета Каина в кармане стала настолько ледяной, что ткань комбинезона покрылась тонкой коркой инея.

Нет...

Только не сейчас.

Только не перед всеми.

Но в следующую секунду над ареной прогремел новый голос.

— **ХВАТИТ!** — рявкнул Оливер так, что даже ревущее пламя на мгновение дрогнуло. Он буквально ворвался внутрь круга, разрывая золотую ауру Льва своей холодной, тяжёлой силой Козерога. Пространство вокруг Даррена искривилось, гравитация начала сжимать огонь в плотные спирали, а я, впервые за весь бой, увидела лицо Оливера таким, каким никогда раньше не видела. В нём не было ни злости, ни страха. Только холодная решимость человека, который уже понял: если не вмешаться сейчас, следующая секунда станет началом новой Катастрофы.

Оливер ворвался на арену, разрывая гипнотическое поле величия чистым усилием воли. Его руки светились холодным синим светом, создавая резкий контраст с золотым сиянием Даррена. Пространство вокруг Льва исказилось — гравитационная воронка начала закручивать пламя в спираль, заставляя огонь гаснуть.

— Ты забыл своё место, — прошипел Оливер.

И сделал то, чего делать нельзя.

Даже здесь.

Ноги Даррена начали каменеть — серый цвет пошёл от ступней вверх, превращая плоть в гранит.

Даррен зарычал. Его огонь рванулся, как зверь. Но гравитация Оливера сжимала его, как тиски.

Я видела лицо Оливера — холодное, чужое. Он не защищал меня. Он сдерживал катастрофу, которая могла начать-

ся сейчас.

Антонио свистнул так, что у всех в ушах зазвенело, и этот звук, как нож, разрезал гипнотическую ауру. Все факелы погасли одновременно, погружая арену в полумрак.

— Лунн — немедленно в лазарет! — рявкнул тренер, его лицо стало пунцовым от ярости. — Клэй! Немедленно остановись, если не хочешь провести месяц в дисциплинарном изоляторе! И восстанови ему ноги, мать твою!

Оливер щелкнул пальцами, и каменные наплывы на ногах Даррена рассыпались в пыль, оставив после себя лишь бледные шрамы. Он тяжело дышал, явно перегрузив свои силы.

Я с трудом выпрямилась, вытирая обожжённую щёку окровавленным рукавом. Монета в кармане была уже не просто холодной — она жгла ледяным огнём, от которого немели пальцы.

Я подняла глаза.

И почувствовала взгляд.

Где-то в тени балкона было движение. Чёткое. Не случайное.

Кто-то наблюдал.

И ждал.

КСАЙДЕР

Я не люблю арену.

Не из-за тренировок. Не из-за криков. И уж точно не из-за запаха крови, раскалённого металла и озона, который намертво въедается в одежду после каждого занятия. Я ненави-

жу её потому, что здесь слишком много глаз. Слишком много свидетелей. Слишком много молодых идиотов, уверенных, что сила автоматически делает их выше остальных. Арена всегда превращает людей в актёров. Здесь каждый пытается казаться быстрее, опаснее, громче, чем есть на самом деле. Кто-то играет героя. Кто-то — жертву. Кто-то — будущего короля. Но именно поэтому я и прихожу сюда. Потому что маски держатся ровно до первого удара. Когда ломаются рёбра, заканчивается кислород и появляется настоящая боль, остаётся только то, что человек представляет собой на самом деле.

Я стоял на верхнем техническом балконе, скрытый тенью несущих конструкций. Отсюда было видно всё. Каждую платформу, каждый сектор, каждое движение студентов. Свет голограмм не доходил сюда, оставляя моё лицо в темноте, и это меня вполне устраивало. Никто не смотрел наверх. Никто никогда не смотрит наверх. Люди всегда наблюдают за тем, что происходит перед ними, и слишком поздно понимают, что всё это время сами были объектом наблюдения.

Даррен, как обычно, решил превратить тренировку в спектакль. Даже его походка была рассчитана на зрителей. Он двигался медленно, демонстративно, позволяя своей ауре разливаться по арене, словно прожектор, который обязан освещать исключительно его. Лев всегда играет на публику. Даже проигрывая. Особенно проигрывая. Он отчаянно

нуждается в чужом внимании, как огонь нуждается в кислороде. Если однажды оставить его без зрителей, он, наверное, перестанет существовать.

Даррен меня больше не интересовал как противник. Мой взгляд всё время возвращался к одной фигуре. К Эликсии Лунн.

Она двигалась неправильно. Любой инструктор отметил бы десятки ошибок: слишком высоко поднятые плечи, лишнее напряжение в коленях, неправильное распределение веса. Любой преподаватель поставил бы ей неудовлетворительно. Но было то, чего они никогда не увидят. Каждый её шаг был шагом человека, который привык выживать, а не побеждать. Она не дралась красиво. Не старалась впечатлить. Не пыталась выглядеть сильнее, чем есть. Она просто цеплялась за возможность остаться на ногах ещё одну секунду. Именно так двигаются люди, которые слишком хорошо знают цену поражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.